

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2015

Содержание

1. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ?
2. ПУТИН НАС ПЕРЕИГРАЛ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
5. ЕВРОПА БОИТСЯ ЧУЖОГО
6. УКРАИНИСТИКА БЕЗ УКРАИНЦЕВ
7. СОЛИДАРНОСТЬ ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ
8. РУССКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ПНР
9. «ПОЛИН» — МУЗЕЙ ЖИЗНИ
10. «БЛИЗКИЙ НЕЗНАКОМЕЦ»: СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО
ПРЕОДОЛЕВАЕТ ГРАНИЦЫ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ПОРТ ЗАДАР
13. СТИХОТВОРЕНИЯ
14. РЕАЛЬНОСТЬ СВЕРХРЕАЛЬНОГО
15. ЗБИГНЕВ РЕЛИГА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
16. К КОНЦУ ЭТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОЛЬША СТАНЕТ МОЩНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВОЙ. ПОЧТИ
17. МНЕ ПРОСТО ВЕЗЕТ

Юзеф Чапский

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ?

*«Здесь лгать — значит заботиться об обществе,
а говорить правду — это разваливать Государство».*

«Молчание страшнее самого несчастья».

Кюстин, «Письма из России», 1839 г.

Может быть, сильнее всего при встрече с приезжими из Польши меня поражает то, что я нахожу у них не только все те же проблемы, но и все ту же неуспокоенную, неразрешимую, наоборот, яростью только усиленную одержимость теми же самыми вещами. Война, немецкая оккупация, пятнадцать лет Народной Польши, Октябрь кажутся в этом контексте событиями сравнительно поверхностными.

Годы, проведенные в настолько разных условиях, что должны бы были проложить между нами пропасть, если и правда быт, и только быт, определяет сознание, скорее продемонстрировали нам постоянство. Постоянство не только самого существенного — как для людей в Польше, так и для тех, у кого, как писал Мицкевич, «подошвенная география и политика», потому что они «вытоптали немало стран» — но и постоянство рефлексов, травм, всего того, что нас закрепощает, создает ту самую *morale clause*, отрезающую ото всего отличного, другого.

*

В «Бесчеловечной земле» я писал о моем разговоре в 1919 году со Стасовой, членом триумвирата Северной коммуны, в ее комнате-камере в Смольном в Петрограде.

По пути к ней в залах, через которые я проходил, меня окружали стопки пропагандистских брошюр на тему колхозов.

«Верите ли вы в советскую пропаганду колхозов в деревне?» — спросил я. Стасова посмотрела на меня так, как человек веры смотрит на бедного Фому неверующего. «Бытие определяет сознание, мы изменили бытие, идея насаждается^[1]. Вернитесь через двадцать лет, и сами увидите», — ответила она спокойно.

Эта фраза настолько засела у меня в памяти тогда, что, когда ровно двадцать лет спустя нас везли в глубь России в товарных вагонах, я внимательно смотрел вокруг, почти веря, что увижу на лицах людей хотя бы легкий отсвет новой социалистической земли и нового неба. Не нужно было много времени, чтобы прочесть правду на погасших лицах толпы на станциях. Потом я увидел и познакомился с крестьянами в колхозах. Страсть, мечта обладания казалась мне в этих людях все такой же упорной, закоренелой, как будто даже усиленной яростью. Пророчество, «научный факт» Стасовой, «совести революции», как ее тогда называли, оказался иллюзией. Извечная, прочная страсть обладания.

*

Когда в Старобельском лагере я слушал стихи Мицкевича и даже Ор-Ота^[2] о Сибири и ссылках, меня поражала новая для меня, но совершенно та же, что и в момент их создания, актуальность, магия, в этих обстоятельствах усиленная во сто крат. Тогда же я почувствовал, что боль и травма, которые, как казалось еще пару лет назад, остались в прошлом, не проходят, а остаются.

*

Так и сегодня — в разговоре со многими приезжающими из Польши поражает накал, яростная сила обиды на Россию.

Милош в своей работе о Конраде показывает, насколько отношение писателя к России было похоже на отношение среднестатистического дворянина западных окраин империи тех лет. Как для английского писателя, давно оторванного от Польши, так и для среды, из которой Конрад происходил, Россия — это был мир жестокий и злой; это, как писал еще отец Конрада Аполло Коженевский: «государство, которое как домушник рассаживается среди европейских правительств».

И снова, спустя двадцать лет после прощания с родиной, мне кажется, что обида на Россию только усилилась по сравнению с той эпохой, когда ссылки и притеснения оставляли свой след в духовном мире Конрада и формировали его взгляды. На вопрос о России я часто слышу рефлекторный ответ: «Я не знаю о ней ничего». Те самые слова, которые Конрад, автор «Глазами Запада», испытывавший отвращение к Достоевскому (а ведь он признался когда-то, что «Достоевский глубок, как море»), проведший в России детство и потерявший там в ссылке в Вологде мать, написал Гарнету: «Я не знаю о России ничего». Когда я слушаю людей, потерявших в России или по вине

русских своих близких, высказывающих суждения о России, я чувствую, что каждый из них в этот момент касается какой-то таинственной черты, перейти которую у него нет сил или он не в состоянии этого сделать, черты, за которой находится другой образ, другой взгляд на Россию, более сложный и более справедливый. Это отношение сквозь призму «слез своих святых и проклятых» отрезает нас не только от России, но и от всего мира, который видит Россию или такой же одноцветной, только в цвете розовом, или полной противоречий и надежды, глазами Достоевского.

Нашему взгляду на страну, которая есть и будет нашим соседом, «потому что мы не окружены морем, как Итальянский полуостров», соответствует — и надо об этом помнить — взгляд не менее упрощенный и наверняка не менее враждебный. «Кичливый лях» Пушкина и разные «полячишки» Достоевского, гениальные карикатуры на польское лицемерие, господскую гордость и патетическое красноречие без гарантий, точно так же искажают и разрушают подлинный образ Польши в глазах миллионов русских.

Милош, цитируя наиболее антирусские высказывания Кюстина или Маркса, верно отмечает, что все то что на Западе могло быть и было открытием — потому что так сильно отличалось от общепринятого мнения о России — в польской литературе было общим местом, банальностью (Милош пишет «стереотипом»). Он утверждает, что этот взгляд на Россию берет начало еще в старой Речи Посполитой, когда отношения между Польшей и Россией колебались между «комплексом неполноценности» и «манией величия», но все это не мешало шляхтичу с окраин, который физически и психически был родствен Конраду, питать своего рода склонность к русским. Ведь вина лежала не на отдельных русских, а на типе цивилизации, который всех и каждого заставляет деградировать.

Этот стереотип, кажется, снова вошел в Польшу в силу, подкрепленный новыми и при этом еще какими фактами и аргументами.

Образ бесчеловечной России, который несет и способен нести только разрушение и зло, не мог не развиваться и не стать популярным в Польше, Венгрии и во всех странах, на которые распространяется ее влияние. Для современного поляка русские — это люди, вывезшие полтора миллиона польских граждан на восток, обрекая значительную их часть на гибель; это они убили тысячи поляков в Катыни; они обманом вывезли в Москву шестнадцать лидеров Польского подпольного

государства; они, опершись на винтовки, смотрели на падение Варшавы; это они управляли службами безопасности, которые пытали и мучили, это они подавили героическое восстание венгров советскими танками, это они сейчас убили Имре Надя и его товарищей, полтора года спустя после подавления восстания. Так что ничего, ничего не изменилось и не может измениться, потому что это все та же Россия, прав был Мицкевич в третьей части «Дзядов», правы были Конрад, Кюстин и Маркс, который писал, что Москва сформировалась «в школе унижения, которой было страшное монгольское иго, а затем при Петре, соединившем политическую ловкость монгольского раба с гордыми амбициями правителя, которому от Чингисхана досталась миссия покорения мира».

Поэтому вновь, как когда-то на литовскую шляхту и на Конрада, действует на наше воображение образ России из «Дзядов», из «Смотра войска»:

Такая смерть, (верного раба) терпение такое —

Геройство пса, но, право, не людское^[3].

Но присутствует ли в нашем сознании и другой аспект Мицкевича — «друга москалей»?

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,

Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых,

Сыны чужой земли! Вы также с давних дней

Гражданство обрели в моих заветных думах^[4].

Каждый, кто хотя бы пару лет провел в России, читая это стихотворение, представляет лица своих друзей, свои собственные прекрасные воспоминания о России и русских.

Кому внятны сегодня одинокий голос Норвида, его замечания о России, затерянные в довоенном, теперь уже практически недоступном издании его писем. Но именно Норвид, враг «патриотического пуританства», восстает против однозначных оценок, он непреклонен ко всякому, кто поддается влиянию стереотипов, которым поддался даже Конрад, но не Норвид, который настолько далек от них, что в 1863–1864 годах нападает даже на Мицкевича, утверждая, что тот — не национальный, а только *исключительный* писатель.

«...Критическая несознательность в области мысли, — Писал Норвид, — в области работы духа, и то же самое можно найти в

исторической действительности. Так как исключительность Мицкевича называли национальностью, и называют с горячечным восторгом, потому что не способны к дискуссии, так же и в реальности примут *исключительность за национальность*. Когда Духинский рубанет им «москаль-китаец», они обрадуются, а когда кто-нибудь предостережет их, что *сегодня народ состоит не только из отличного от других духа, но и из того, что объединяет*, и что нельзя вырубить под корень 20 квадратных миль вокруг Польши, чтобы в ней был народный поэт и народный историк, то они на него плюнут — и таким образом усилят сепаратизм неприятеля, как уже это сделали, и ярость врагов до того, что, наконец, ловко устранят и друзей. Каждый анахронизм всегда одни и те же плоды приносит!».

«Только свободные люди, — пишет Норвид в другом письме, — только те, кто с колыбели не растут с выжженным железом клеймом РАБА, знают, что, гранича с Россией, надо иметь в ней СВОЮ ПАРТИЮ, иначе столкнутся два МОНОЛИТА, не имеющие ничего общего, никакого посредника, а столкновение двух монолитов оставляет после себя ничто и полный крах всех сил».

Но, возможно, мои пессимистические замечания о том, что мы замурованы в польской *morale clause*, о нашей неспособности к объективному подходу к травмам, также односторонни.

Я встречал и знаю не одного поляка, который реагировал бы на эти вопросы скорее в духе Норвида, чем в духе «стереотипа». Я знаю людей, которых мучили, даже пытали, и которые не затаили обиды на Россию, более того, они покидали Россию со слезами, потому что русские отнеслись к ним по-братски, с огромным сочувствием, потому что они нашли там людей, которые так же, как и они, страдали и так же пытались бороться с насилием. Много ли таких поляков? Не знаю.

Людей с таким отношением к России я встречал и среди поклонников русской литературы. Даже враги любой России, будь она царской, советской или «республиканской», даже они не могут не признавать величия и глубины русской литературы. Но они перечеркивают те органические связи, которые есть между русским кошмаром и русским гением, между жестокостью и милосердием, между изысканной, самой что ни на есть европейской культурой и варварством. Все это соединяется в одну реальность, и кто это целое перечеркивает, тот, будь он даже Конрадом, мыслит категориями вымысла, а не действительности. Русская литература, общечеловеческого значения и величия которой уже, кажется, никто, кроме В.А.

Збышевского, не отрицает, связана с русской действительностью. Это элементарная правда.

В «Дневнике» Толстого за 1903 г. есть набросок рассказа «Божеское и человеческое». Этот рассказ казался мне образцом суровой и полной прозы, «безошибочной верности правде», как скажет о Толстом Пастернак. На каких-нибудь пяти страницах Толстой дает и портрет приговоренного к смертной казни через повешение противника любого насилия, молодого Светлогуба, и генерала-службиста, который его приговаривает, и матери приговоренного, и террориста, который мечтает об убийстве тысяч людей, и крестьянина-сектанта, который проводит годы в тюрьмах за то, что ищет правды. Весь вечный русский мир, потому что вечны конфликты в этом рассказе — религия, свобода, насилие, фанатизм, любовь и самопожертвование. В полном московском издании Толстого есть описание истории создания этого рассказа. Какая абсолютная, едва преломленная действительность. Герой рассказа, Светлогуб, — это повешенный в Одессе в семидесятых годах Лизогуб, сын российского мелкопоместного дворянина и, видимо, польки (потому что Дунин-Борковской). Ткань рассказа настолько срослась с русской действительностью, что их невозможно разорвать. Это один из миллиона примеров такого сплава литературы и реальности.

*

Может ли образ жестокой и преступной России, нигде, наверное, не распространенный так, как в странах, поглощенных Россией или Советским Союзом или попавших под их влияние, удивлять русских, даже лучших из них, тех, которые не меньше нас страдают от существующего порядка вещей? Пропасть, образовавшаяся между Россией и бывшими «подневольными» странами, — я имею в виду, прежде всего, Польшу и Венгрию, — настолько глубока, что разбить, побороть этот стократ усиленный стереотип, например, в Польше, кажется просто невозможным; если бы только не одна мысль, одна правда, более очевидная, чем когда-либо: свобода — одна, и душащий всех террор — один. Выход на улицы рабочих в Берлине, познанские протесты, октябрь, венгерское восстание, упорная, яростная внутренняя борьба внутри коммунистических партий всех стран после речи Хрущева на XX съезде — партий «монолитных» только в речах их предводителей — все это будет выглядеть трагическими, безнадежными жестами, если только Россия не подключится к этой борьбе, если не только польские, немецкие или венгерские рабочие, интеллектуалы или крестьяне готовы бороться за

старый, потрепанный, столько раз подделанный и оболганный, а все равно единственный лозунг свободы. Занавес «молчания, которое страшнее несчастья» покрывает Россию еще сильнее, чем 120 лет назад, когда Кюстин писал эти слова. Но мы знаем о бунте в Воркуте, знаем об обстановке в университетах, в ВУЗ-ах, знаем о крайне антисоветских настроениях самого младшего поколения молодежи, политическое самосознание которой формировалось в период XX съезда. Везде, где хотя бы просвечивает свобода мысли, эта свобода рождает свободу. Поэтому взгляд на Россию как на страну, в которой есть только «одна страсть — послушание», это взгляд ложный из-за своей однобокости.

Толстой в «Воскресении» описывает молодую траву, которая весной пытается прорасти даже сквозь тюремные камни. Без надежды на то, что в России не угасла воля к борьбе, что и там можно добиться более свободной жизни, для которой гибло столько поколений русских, без этой надежды все попытки либерализации, все попытки ревизионизма в странах, подконтрольных России, выглядят как отчаянные движения утопающих.

Только тогда люди, которые знают Россию не только как школу унижения, но также и как мир человеческой борьбы и любви, только тогда эти «друзья москалей» могут взять слово и бороться с тем образом России исключительно жестокой и исключительно бесчеловечной. Если удастся заново обрести инстинкт утраченной солидарности с той другой Россией, которая никогда не переставала существовать, то только тогда мы можем мечтать о будущем, которое не будет, как пишет Норвид, «столкновением двух монолитов, оставляющим ничто и полный крах всех сил».

«Культура», № 9/131, 1958

-
1. Выделенная курсивом фраза в оригинале приведена по-русски. Прим. ред.
 2. Ор-От — псевдоним Артура Оппмана (1867–1931), полковника Войска Польского, поэта и публициста. Прим. пер.
 3. Перевод В. Левика. Речь идет о замерзшем насмерть денщике, который ждал своего господина с шубой в руках, но не решился ни воспользоваться барской одеждой, ни уйти без позволения.
 4. Перевод В. Левика. Название «Русским друзьям» переводят

также как «Друзьям-москалям». Прим. пер.

ПУТИН НАС ПЕРЕИГРАЛ

Путинская Россия никогда не будет рассматривать Польшу как равноценного партнера. Сегодня мы платим за ошибки Туска и Сикорского.

— К чему стремится Владимир Путин?

— К тому, чтобы мы не стали такой же частью Западной Европы, какой российская политическая элита считает Германию, Францию, Италию или Испанию. Россия может постепенно перехватывать контроль над важными областями нашей экономической жизни и за счет этого получать все большее влияние на нашу политическую жизнь. С этой точки зрения большим поражением является то, что нам до сих пор не удалось ни построить газовый порт для доставки сжиженного голубого топлива, ни за двадцать с лишним лет заключить такой контракт на поставку разных видов энергетического сырья (или же организовать такое их получение), чтобы сделаться независимыми от России.

К счастью, удалось дать отпор затевавшимся ранее попыткам перехвата гданьского Нефтепорта в 2002 г. Пока еще фирме «Акрон» господина Кантора не позволили завладеть предприятием «Азоты» в г. Тарнов. Все эти предпринятые зависимыми от Кремля компаниями попытки перехватить стратегические фирмы — лишь отдельные примеры из значительно более длинного перечня, наглядно рисующего возможности экономического шантажа по отношению к Польше.

— Путин по-прежнему исходит из предположения, что мы можем оказаться в сфере его влияния? Ведь мы состоим в НАТО и Европейском союзе. Развязав войну на Украине, он рискует, что Евросоюз объединится в вопросе о газе и всерьез начнет искать другие источники снабжения.

— Что касается восприятия Польши Путиным, то здесь важны два элемента. Во-первых, это особое историческое сознание, которое он разделяет со значительной частью российского общества: Польша входила в социалистический лагерь, и по ощущениям таких людей, данная территория не должна попадать в состав Запада. Эти представления даже старше, чем образ, сложившийся после Второй мировой войны, они охватывают последние 200–300 лет. Это зона доминирования

Российской империи в указанной части Европы: «Нам положено!». Ведь Запад признавал данную зону на протяжении XVIII и XIX веков, признавал и после Ялты, — так почему бы ему не одобрить ее снова, коль скоро Россия опять обрела силы и амбиции?

Некоторые ссылаются на соглашения, якобы заключенные на Мальте Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым в 1990 г., — что здесь не должна была находиться сфера влияния НАТО, не должно было быть Евросоюза. Впрочем, этот вопрос является предметом весьма интересной статьи в последнем номере ежеквартальника «Форин Афферс», автор которой, Мэри Элиз Саротт, [Mary Elise Sarotte, "A Broken Promise? What the West Really Told Moscow about NATO Expansion" («Нарушенное обещание? Что Запад на самом деле говорил Москве по поводу расширения НАТО»)] доказывает, что не было ни таких обещаний, ни письменных соглашений, которые США заключили бы без нашего ведома.

Во-вторых, многие пренебрегают тем, что Путин служил некогда в КГБ. А зря, так как речь здесь идет не только о самом Путине, а почти обо всей политической элите сегодняшней России. На 40–70% ее образуют офицеры и сотрудники ГРУ, КГБ, ФСБ или СВР. Ни в какой стране мира нет второй такой элиты, состоящей из сотрудников специальных служб, иными словами, из людей, которых тренировали не просто врать, что типично для политиков, а врать самым изощренным, дерзким и наглым образом, манипулировать, запугивать и, в конечном итоге, — физически устранять противника. Ведь именно этому обучают и к этому готовят работников спецслужб, особенно тоталитарных, к которым относят КГБ и ГРУ. Подобные люди считают, что мир состоит из врагов, которыми можно или манипулировать, или их запугать, а если не удастся, то уничтожить.

Таким образом, одна точка зрения определяется имперской традицией, к сожалению, глубоко укорененной в российском обществе и усиленной государственной исторической пропагандой последнего десятилетия или больше лет. А вот вторая — это точка зрения постсоветских специальных служб, которые трактуют мировую политику как игру с нулевой суммой. И это означает для них следующее: Польша находится либо на нашей стороне, либо на вражеской.

— Однако экономические отношения с Россией являются еще и источником наших доходов. В любом случае, вопреки тому, что провозглашает партия «Право и справедливость» (Пис) о нашей уступчивости по отношению к России, в нашей части

Европы именно мы занимаем самые антироссийские позиции. Чехия, Словакия, Венгрия отнюдь не разделяют наших взглядов, они ведут с россиянами прибыльный бизнес, и только это имеет для них значение.

— Одно дело — ответственность, лежащая на самой крупной стране региона, в которой насчитывается 38 млн граждан, и совсем другое — на странах, где проживает лишь 5 или 10 млн человек. Чехия, Словакия или Венгрия не получили из прошлых времен того, что можно назвать наследием Речи Посполитой. А мы разделяем это наследие с Литвой, Беларусью, Украиной, — и это немножко отличает нас от стран габсбургского наследия (ну, может быть, в Кракове есть и те, и другие).

— В чем заключается феномен столь массовой поддержки Путина в обществе, причем, невзирая на то, что он развязал войну? Адам Михник всегда предостерегал, чтобы неприязнь к властям России не превращать в неприязнь к самим россиянам. Но Путин выражает запросы и устремления большинства россиян.

— Здесь я в порядке исключения попробую стать ближе к редактору «Газеты выборчей» г-ну Михнику^[1]. Да, опросы общественного мнения, проводимые не только пропутинскими центрами, но и теми, которые сохраняют остатки независимости, указывают, что в России 80–85% интересующихся политикой лиц поддерживают Путина. Но безотносительно к силе имперско-деспотически-рабской традиции, которая глубоко укоренена в России, там существует и контртрадиция, традиция свободы. Недавно в Петербурге собиралась интеллигенция, чтобы протестовать против деспотизма в России.

— **Пятьсот человек в почти пятимиллионном городе...**

— Да, но в тот же самый день в Москве протестовало около 2 тыс. человек. Два года назад — 20–40 тыс.; а во всех достаточно больших городах, вместе взятых, — несколько сот тысяч. Так что потенциал свободолюбивого протеста существует, но в последние годы его придушили. Это следствие систематической работы СМИ, настолько централизованных, настолько отклоняющихся от правды, что итогом этого становится отчуждение значительной части населения от реальности. Часть россиян протестовала, когда несколько лет назад выборы явно сфальсифицировали. Но Путин ответил им своей акцией, встречным ударом. Развязав войну, он лишь претворяет в жизнь очередную часть этой акции. Она должна создавать у россиян чувство внешней угрозы: мы сражаемся со

всем миром, и если вы пытаетесь выступать против нас, то вы — предатели.

Однако эта проживающая, главным образом, в крупных городах группа — 10-15% общества — способна расти и в недалеком будущем активно выступить в публичной жизни.

— Что должно произойти, чтобы она выросла в подлинную силу?

— Во-первых, необходимо, чтобы Путину перестало везти. Пока все, к чему бы он ни прикоснулся, превращается в победу. Вот он в прошлом году унизил президента Обаму в Сирии. Именно так это представили в России — наконец кто-то показал Америке ее место в строю. Под конец минувшего года серьезные американские журналы в рейтингах самых влиятельных людей в мире на первое место поставили Путина, выше Обамы.

Напомню успехи 2010 года. Три дня: 8, 9 и 10 апреля. Торжественное открытие газопровода «Северный поток» президентом Дмитрием Медведевым. Участие Медведева во встрече на высшем уровне с Обамой, когда они подтвердили перезагрузку в американо-российских отношениях. И наконец, 10 апреля, Смоленск — огромный успех России, чудовищное унижение Польши, потому что Дональд Туск согласился на все позорные условия «объяснения» случившейся там трагедии. Это по существу привело к тому, что Польша перестала быть лидером региона, — лидером, который до того момента мешал России в ее имперских поползновениях.

Коль скоро все проигрывают и отступают, то поддержка Путина растет. Запад должен бы показать, что следующего шага вперед Путин уже не сделает. Санкциям надлежало бы нанести удар по российской экономике, а также по миллиардерам, которые крадут, как и раньше.

— Результаты санкций уже видны: драматическое падение стоимости рубля, бойкот Путина на последней встрече руководителей стран «двадцатки» в Австралии.

— Если эти санкции заметно повлияют на российскую экономику, то возникнет естественный вопрос: а хорошо ли эта власть защищает нас от Запада? И тогда дело может дойти до кризиса власти. И вызовут его вовсе не профессора-пенсионеры из Петербургского университета, а коллеги Путина из КГБ. Потому что они воспитаны точно так же, как он, и точно так же нацелены на устранение противника. Едва только

Путин ослабеет — он станет их целью. А когда разразится война между бандами «вверху», запуганные демократы смогут поднять голову. И тогда — расширится пространство свободы «внизу».

Время, когда это наступит, зависит в том числе и от нашей позиции: необходимо оказывать Путину сопротивление. В одиночку Польше этого не сделать. Но она сумеет этого достичь, мобилизуя различные лобби, начав хотя бы с «зеленых» в Германии, которых в России без того уже ненавидят (с полной взаимностью). Обратим также внимание, что западные бизнесмены это не только толстосумы из «Рургаза» или «Газ де Франс», которые делают умопомрачительные деньги с Путиным, есть среди них и такие, кого он разорил, оставив «в одних носках». С ними тоже можно разговаривать и через них влиять на западное общественное мнение.

— Я не считаю, что Дональд Туск был унижен Путиным в вопросе о смоленском следствии. Но если это даже и так, то чего добилась гораздо более сильная, чем мы, Великобритания, когда выдвинула требования к Путину в ходе следствия по делу об убийстве Литвиненко?

— Путин всегда тестирует стойкость противника. Дело Литвиненко несопоставимо, поскольку касается одного человека, притом россиянина, хотя одновременно и гражданина Великобритании. А у нас оно касается следствия по делу о катастрофе, в которой погибла политическая элита во главе с президентом РП, 96 наших сограждан.

— Но Россия просто не поддается — и все. Будь то Великобритания, будь то Польша.

— Можно было отвоевать больше. Я понимаю стресс и шок после такой страшной трагедии, понимаю, что, возможно, не каждый в силах справиться с необходимостью молниеносно реагировать, но можно было воспользоваться тем, что Польша состоит в НАТО, и привлечь страны НАТО к оказанию помощи — например, использовать для выяснения причин произошедшей катастрофы спутники. От этого отказались.

— НАТО служит не для выяснения обстоятельств авиакатастроф, а польское правительство просило о помощи США, но по данному делу американцы ничем не могли нам помочь.

— Выяснить — была ли эта трагедия авиакатастрофой — могло нам помочь НАТО. Потому что в Смоленске погибли пять

генералов Североатлантического пакта и командующий вооруженными силами одного из государств-членов. Однако с первого дня подход «Гражданской платформы» (ГП) был ясен: случилась катастрофа, а если кто-либо и был в ней виноват, то сам президент Польши. И выяснять здесь нечего. Детали может прояснить генерал Анодина. А в польско-российских отношениях всё окей.

— В тот период казалось, что россияне проявляют добрую волю и собираются удовлетворить наши требования. Мы не хотим быть как Путин, который везде видит врагов. Кроме того, причины катастрофы ясны, а отчет комиссии под руководством министра внутренних дел Ежи Миллера в главном своем выводе прозрачен.

— Такой была тогдашняя философия польских властей: закроем глаза на очевидные нестыковки и отклонения от нормы, возложим это на алтарь хороших отношений с Россией в надежде, что она изменится к лучшему. Часть наших СМИ видела только те жесты, которые хотела видеть. Помню, до чего меня изумило, каким образом польские СМИ сообщали о встрече Путина и Туска 7 апреля. Совсем иначе выглядел этот визит в российских СМИ. Польские СМИ показывали его как перелом — что наконец-то правда о Катыни пробилась к сознанию россиян. Однако фильм «Катынь» был тогда показан по нишевому телеканалу «Культура».

— После смоленской катастрофы данный кинофильм показали по главному российскому каналу. Это был как раз один из тех самых жестов доброй воли.

— Но важнее 7 апреля. Потому что российский телезритель не услышал выступления Путина на встрече с Туском. Транслировалась только пресс-конференция в Смоленске, на которой Путин объяснял, что в Катыни, быть может, похоронено 5–6 тыс. поляков, но у нас, русских, в 1920 г. убили 34 тыс. наших пленных. Он привел тогда такие фиктивные цифры, чтобы еще раз подло релятивизировать Катынь. Никто в польских СМИ не обращал на это внимания. Точно так же, как и на случившееся раньше — во время торжеств на Вестерплатте — шокирующее оправдание Путиным участия Советского Союза в развязывании Второй мировой войны. Западные СМИ уловили это, а у нас восторгались польско-российским примирением. Но ведь Путин выгораживал гитлеровскую Германию, якобы обиженную Версальским договором, а потому имеющую право на реванш, — мол, мы, россияне, это понимаем, потому что тоже были обижены тем договором...

— Путин, однако, осудил тогда пакт Риббентропа—Молотова, хотя и добавил, что начало войны — это переговоры с Гитлером, которые вели западные демократии, результатом чего был, среди прочего, Мюнхенский договор 1938 г. Впрочем, и Лех Качинский предполагал нормализовать польско-российские отношения, когда планировал поездку в Москву на годовщину окончания Второй мировой войны. И даже пригласил генерала Ярузельского на борт своего самолета. До визита дело не дошло, так как президент Качинский погиб в катастрофе.

— Нормализация отношений с Россией является необходимостью. И обязанность любой власти в Польше — стремиться к ней. Вопрос стоит об условиях подобной нормализации. Думаю, что 10 апреля эти обстоятельства нормализации стали переломными. Тогда следовало задуматься, будем ли мы и дальше продолжать игру: плохой президент Л. Качинский и хороший премьер Д. Туск, — коль скоро этот «плохой» президент перестал жить. Более того, политика осторожности по отношению к России, которую проводил президент Качинский, трагически подтвердилась. Дональд Туск выбрал другую линию и поменял ее лишь в 2014 г., на несколько лет позже, чем следовало.

— Вы, похоже, даете понять, что российские власти как-то замешаны в данной трагедии, а я считаю это абсурдным. Ошибки с российской стороны имелись, однако речь идет о скандальных ошибках работников аэродрома.

Но присмотримся к принципам внешней политики Польши в те годы, когда страной руководила «Платформа», оставив при этом в стороне смоленскую катастрофу. В чем, по вашему мнению, состояли ошибки?

— Прежде всего в подчинении внешней политики, так же как и внутренней, принципам пиара. Первый принцип, который реализовало правительство Туска, звучал так: оппозиция неправа по любому вопросу. Перенесение такого подхода на внешнюю политику явилось кардинальной ошибкой. Символом этого стало разделение визитов 7 и 10 апреля.

— Президент Качинский был доволен, что летит 10 апреля один, так как хотел использовать фотоснимки, сделанные в ходе данного визита, для своей избирательной кампании. В этом нет ничего плохого, только не надо представлять это как огромное притеснение президента. Премьер-министр Путин предложил встретиться 7 апреля, и премьер Туск с этим согласился, ибо мы были заинтересованы в том, чтобы

российский премьер-министр склонил голову над катынскими могилами.

— Я интерпретирую это иначе. Президент Лех Качинский всё еще пробовал за счет инерционных сил продолжать политику всех предыдущих правительств — такую восточную политику, где в расчет идет не только Москва, но также Киев, Вильнюс и несколько других столиц. Одновременно с этим премьер-министр Дональд Туск собирается нанести первый визит не в Киев или Вильнюс, а в Москву. Иначе, нежели все его предшественники на посту премьера.

— Но премьер Туск уже был с визитом в Вильнюсе. Кроме всего прочего, это было попытка нормализации отношений с Россией. Все в Европе вели с Россией выгодные дела, а мы были сбоку припека и вдобавок имели ярлык русофобов.

— Понимаю, но мы же не выиграли на этом почти ничего!

— Однако отношения изменились к лучшему, и теперь, когда Россия ввела эмбарго на польские продукты, отчетливо видно, как много мы теряем.

— Пользуясь этими распрекрасными отношениями с Россией, которые столь мучительно и с таким трудом выстраивались правительством Дональда Туска, мы за газ от Газпрома платим гораздо более высокую цену, чем наши соседи. В этом ключевом вопросе мы не выиграли ничего. Может быть, есть смысл спросить, хорошо ли мы поступили, развернув свою деятельность на российском рынке? Не лучше ли было искать другие рынки, менее, чем российский, подверженные риску недружественных и политически обусловленных ограничительных мер воздействия?

— Вся Европа делает выгодный бизнес с Россией. А нам что, зарабатывать ни к чему?

— Может ли Польша, как того хочет Польская крестьянская партия ПСЛ, свести свою внешнюю политику к вопросу, продадим мы яблоки или нет?

— Если тривиализировать, то г-н профессор говорит крестьянам: да, вы понесете финансовые потери, но возложите их на алтарь большой политики Польши как лидера региона.

— Я охотно привожу пример из истории — экономическое сотрудничество у нас лучше всего получалось после 1850 г.,

когда отменили таможенную границу между Конгрессовкой^[2] и империей, в результате чего полностью открылся огромный рынок сбыта в России. Расцвела Лодзь, расцвел Белосток. Проблема лишь в том, что в политическом плане указанный период был для Польши самым худшим.

— А что мы выиграли благодаря антироссийской политике за те два года (я знаю, что это недолго), когда правил ПиС? Мы не получили никаких выгод от того, что действовали резче.

— А что мы потеряли? Разве какие-нибудь важные контракты были отменены? Проводился контроль мяса из Польши, вот и всё...

Торговля с Россией напрямую зависит от политических решений Кремля. За его согласие на доступ к российскому рынку мы платим политическими интересами. Отнюдь не за красивые глаза Россия соглашается открывать рынок, а за то, что Польша заключила крайне невыгодный газовый контракт и что в 2008–2013 годах она отказалась от активной восточной политики.

— После начала агрессии в Крыму Дональд Туск говорил: нас никогда не воспринимали в Европе как русофобов. А вот ПиС — да, вполне. И теперь, когда мы поменяли курс на антироссийский, наши европейские партнеры гораздо внимательнее прислушиваются к нам, поскольку знают, что у нас нет аллергии на Россию, но есть серьезные причины, чтобы ей не доверять. Поэтому нам легче строить коалиции в Евросоюзе или добиваться санкций.

— Можно задуматься над эффективностью подобной тактики Туска, но я полагаю, что нынешняя реакция Запада на происходящее на Украине возникла не в результате уговоров со стороны Польши, она является лишь следствием перехода России через Рубикон и масштабов ее агрессии.

Действительно ли Польша утратила в Европе негативный, русофобский имидж? Боюсь, что нет. А почему он такой? Потому что интересы Польши противоречат интересам имперской России. У Германии нет таких противоречивых интересов. Россия воспринимает нас как противника и ведет пропаганду, которая выставляет Польшу перед западными странами в роли тупого и фанатичного русофоба.

— Это означает, что ПиС, провозглашая, будто ГП чрезмерно податлива в отношении России, рассказывает сказки.

— Напомню статью Радослава Сикорского в «Газете выборчей» от 29 августа 2009 г. Это самый позорный текст, который напечатал польский министр иностранных дел. И не только потому, что господин министр оплевал там всю традицию межвоенной Второй Речи Посполитой — это ведь вопрос исторический, — но поскольку он констатировал, что Россия никогда не была столь демократической, столь уважающей права человека, как в тот момент, под управлением Путина.

В том же самом номере «Выборчей» где-то на странице 17 была информация, что некоего профессора из Архангельска как раз посадили в тюрьму за издание работы на тему лагерей 40-х годов. Тогда же в одной из московских тюрем угасал Сергей Магнитский — потому что осмелился показать коррупцию в органах власти. И в то же самое время Россия на маневрах «Запад» отрабатывала в присутствии польских наблюдателей тактическую ядерную атаку на Варшаву.

— **Весь мир изменил тогда отношение к России. Запад всячески способствовал рахитическим симптомам либерализации политической жизни, поскольку президентом стал Медведев. Обама провозгласил знаменитую перезагрузку. Польша приноравливалась к линии своих союзников, ибо видела в них гарантию безопасности.**

— Это самый серьезный аргумент. Рождается, однако, вопрос: нельзя ли было раньше, еще перед тем, как началась перезагрузка, довести дело до ратификации договора о противоракетном щите? Договор этот польская сторона ратифицировала довольно-таки долго. Сикорский высказывал недовольство, что документ сконструирован не так, как ему бы хотелось. Но в первую очередь его волновало, что всё это сделало предыдущее правительство, представляя как свой успех. И это затянулось так, что администрация президента Буша, которая была готова ратифицировать указанный договор, исчезла, а новая администрация Обамы...

— ... уже не хотела указанного проекта и, наверно, отошла бы от него или как-то его ограничила. Ранее Сикорский считал, что на переговорах о договоре он метит высоко, поскольку защищает интересы Польши.

— Так он говорил, но одновременно, похоже, пробовал сказать, что предыдущее правительство продало нас «американским империалистам». Сикорский тогда производил такое впечатление, словно пребывал в убеждении, что Соединенные Штаты были для нас значительно большей угрозой, нежели Россия Путина.

— Вы критикуете восточную политику правительства ГП-ПСЛ, но ведь это Польша создала Восточное партнерство — вместе со Швецией. Упрек, что мы упустили Украину, представляется фальшивым.

— А каково финансирование Восточного партнерства, придуманного Карлом Бильдтом и Радославом Сикорским? 600 млн евро на шесть лет. Регион, на который распространяется данная программа и который я идентифицирую акронимом БУМАГА — Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Грузия, Армения, — это 100 млн жителей. Иначе говоря, в год на одного жителя — 1 евро. Может ли программа такого масштаба иметь политическое значение? Нет, это фиговый листок, заменяющий реальную политику по отношению к Восточной Европе.

— Нельзя предназначить больше денег на помощь перечисленным странам, пока они не реформируются, а уровень коррупции в них не снизится.

— Политическая программа для данного региона не обязательно должна иметь форму финансовой помощи, которая перетекает в руки олигархов. А политика Восточного партнерства — если понимать ее столь же позитивно, как это делаете вы, — радикально противоречила тому, что сделал Сикорский при своем первом политическом шаге в роли главы МИД: поехал готовить визит премьер-министра в Кремль.

В январе 2008 г. Сикорского приняли в Москве накануне заранее объявленного визита премьер-министра Тимошенко в Россию — когда были приостановлены поставки газа на Украину. И именно в такой ситуации польский министр едет с первым визитом не на Украину, как поступил бы любой его предшественник, а в Россию.

Поэтому требуется взглянуть на внешнюю политику этой власти с птичьего полета, выставить ей счет за ошибки и вместе с тем представить ясное видение, четкий план, основанный на реальности, а не на несбыточных мечтаниях и наивных представлениях, будто Путин когда-нибудь станет рассматривать Польшу как равноценного партнера. В этом смысле история признала правоту незабвенного Леха Качинского.

Проф. Анджей Новак — сотрудник Института истории Польской Академии наук, преподаватель Ягеллонского университета в Кракове, главный редактор правового журнала «Аркана»; в кругах «Права и справедливости» его еще недавно

упоминали в качестве потенциального кандидата правых сил на пост президента.

— Путин по-прежнему исходит из предположения, что мы можем оказаться в сфере его влияния? Ведь мы состоим в НАТО и Европейском союзе. Развязав войну на Украине, он рискует, что Евросоюз объединится в вопросе о газе и всерьез начнет искать другие источники снабжения.

— Что касается восприятия Польши Путиным, то здесь важны два элемента. Во-первых, это особое историческое сознание, которое он разделяет со значительной частью российского общества: Польша входила в социалистический лагерь, и по ощущениям таких людей, данная территория не должна попадать в состав Запада. Эти представления даже старше, чем образ, сложившийся после Второй мировой войны, они охватывают последние 200–300 лет. Это зона доминирования Российской империи в указанной части Европы: «Нам положено!». Ведь Запад признавал данную зону на протяжении XVIII и XIX веков, признавал и после Ялты, — так почему бы ему не одобрить ее снова, коль скоро Россия опять обрела силы и амбиции?

Некоторые ссылаются на соглашения, якобы заключенные на Мальте Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым в 1990 г., — что здесь не должна была находиться сфера влияния НАТО, не должно было быть Евросоюза. Впрочем, этот вопрос является предметом весьма интересной статьи в последнем номере ежеквартальника «Форин Афферс», автор которой, Мэри Элиз Саротт, [Mary Elise Sarotte, "A Broken Promise? What the West Really Told Moscow about NATO Expansion"] («Нарушенное обещание? Что Запад на самом деле говорил Москве по поводу расширения НАТО») доказывает, что не было ни таких обещаний, ни письменных соглашений, которые США заключили бы без нашего ведома.

Во-вторых, многие пренебрегают тем, что Путин служил некогда в КГБ. А зря, так как речь здесь идет не только о самом Путине, а почти обо всей политической элите сегодняшней России. На 40–70% ее образуют офицеры и сотрудники ГРУ, КГБ, ФСБ или СВР. Ни в какой стране мира нет второй такой элиты, состоящей из сотрудников специальных служб, иными словами, из людей, которых тренировали не просто врать, что типично для политиков, а врать самым изощренным, дерзким и наглым образом, манипулировать, запугивать и, в конечном итоге, — физически устранять противника. Ведь именно этому

обучают и к этому готовят работников спецслужб, особенно тоталитарных, к которым относят КГБ и ГРУ. Подобные люди считают, что мир состоит из врагов, которыми можно или манипулировать, или их запугать, а если не удастся, то уничтожить.

Таким образом, одна точка зрения определяется имперской традицией, к сожалению, глубоко укорененной в российском обществе и усиленной государственной исторической пропагандой последнего десятилетия или больше лет. А вот вторая — это точка зрения постсоветских специальных служб, которые трактуют мировую политику как игру с нулевой суммой. И это означает для них следующее: Польша находится либо на нашей стороне, либо на вражеской.

— Однако экономические отношения с Россией являются еще и источником наших доходов. В любом случае, вопреки тому, что провозглашает партия «Право и справедливость» (Пис) о нашей уступчивости по отношению к России, в нашей части Европы именно мы занимаем самые антироссийские позиции. Чехия, Словакия, Венгрия отнюдь не разделяют наших взглядов, они ведут с россиянами прибыльный бизнес, и только это имеет для них значение.

— Одно дело — ответственность, лежащая на самой крупной стране региона, в которой насчитывается 38 млн граждан, и совсем другое — на странах, где проживает лишь 5 или 10 млн человек. Чехия, Словакия или Венгрия не получили из прошлых времен того, что можно назвать наследием Речи Посполитой. А мы разделяем это наследие с Литвой, Беларусью, Украиной, — и это немножко отличает нас от стран габсбургского наследия (ну, может быть, в Кракове есть и те, и другие).

— В чем заключается феномен столь массовой поддержки Путина в обществе, причем, невзирая на то, что он развязал войну? Адам Михник всегда предостерегал, чтобы неприязнь к властям России не превращалась в неприязнь к самим россиянам. Но Путин выражает запросы и устремления большинства россиян.

— Здесь я в порядке исключения попробую стать ближе к редактору «Газеты выборчей» г-ну Михнику^[3]. Да, опросы общественного мнения, проводимые не только пропутинскими центрами, но и теми, которые сохраняют остатки независимости, указывают, что в России 80–85% интересующихся политикой лиц поддерживают Путина. Но безотносительно к силе имперско-деспотически-рабской традиции, которая глубоко укоренена в России, там существует

и контртрадиция, традиция свободы. Недавно в Петербурге собиралась интеллигенция, чтобы протестовать против деспотизма в России.

— Пятьсот человек в почти пятимиллионном городе...

— Да, но в тот же самый день в Москве протестовало около 2 тыс. человек. Два года назад — 20–40 тыс.; а во всех достаточно больших городах, вместе взятых, — несколько сот тысяч. Так что потенциал свободолюбивого протеста существует, но в последние годы его придушили. Это следствие систематической работы СМИ, настолько централизованных, настолько отклоняющихся от правды, что итогом этого становится отчуждение значительной части населения от реальности. Часть россиян протестовала, когда несколько лет назад выборы явно сфальсифицировали. Но Путин ответил им своей акцией, встречным ударом. Развязав войну, он лишь претворяет в жизнь очередную часть этой акции. Она должна создавать у россиян чувство внешней угрозы: мы сражаемся со всем миром, и если вы пытаетесь выступить против нас, то вы — предатели.

Однако эта проживающая, главным образом, в крупных городах группа — 10–15% общества — способна расти и в недалеком будущем активно выступить в публичной жизни.

— Что должно произойти, чтобы она выросла в подлинную силу?

— Во-первых, необходимо, чтобы Путину перестало везти. Пока все, к чему бы он ни прикоснулся, превращается в победу. Вот он в прошлом году унизил президента Обаму в Сирии. Именно так это представили в России — наконец кто-то показал Америке ее место в строю. Под конец минувшего года серьезные американские журналы в рейтингах самых влиятельных людей в мире на первое место поставили Путина, выше Обамы.

Напомню успехи 2010 года. Три дня: 8, 9 и 10 апреля. Торжественное открытие газопровода «Северный поток» президентом Дмитрием Медведевым. Участие Медведева во встрече на высшем уровне с Обамой, когда они подтвердили перезагрузку в американо-российских отношениях. И наконец, 10 апреля, Смоленск — огромный успех России, чудовищное унижение Польши, потому что Дональд Туск согласился на все позорные условия «объяснения» случившейся там трагедии. Это по существу привело к тому, что Польша перестала быть

лидером региона, — лидером, который до того момента мешал России в ее имперских поползновениях.

Коль скоро все проигрывают и отступают, то поддержка Путина растет. Запад должен был бы показать, что следующего шага вперед Путин уже не сделает. Санкциям надлежало бы нанести удар по российской экономике, а также по миллиардерам, которые крадут, как и раньше.

— Результаты санкций уже видны: драматическое падение стоимости рубля, бойкот Путина на последней встрече руководителей стран «двадцатки» в Австралии.

— Если эти санкции заметно повлияют на российскую экономику, то возникнет естественный вопрос: а хорошо ли эта власть защищает нас от Запада? И тогда дело может дойти до кризиса власти. И вызовут его вовсе не профессора-пенсионеры из Петербургского университета, а коллеги Путина из КГБ. Потому что они воспитаны точно так же, как он, и точно так же нацелены на устранение противника. Едва только Путин ослабеет — он станет их целью. А когда разразится война между бандами «вверху», запуганные демократы смогут поднять голову. И тогда — расширится пространство свободы «внизу».

Время, когда это наступит, зависит в том числе и от нашей позиции: необходимо оказывать Путину сопротивление. В одиночку Польше этого не сделать. Но она сумеет этого достичь, мобилизуя различные лобби, начав хотя бы с «зеленых» в Германии, которых в России без того уже ненавидят (с полной взаимностью). Обратим также внимание, что западные бизнесмены это не только толстосумы из «Рургаза» или «Газ де Франс», которые делают умопомрачительные деньги с Путиным, есть среди них и такие, кого он разорил, оставив «в одних носках». С ними тоже можно разговаривать и через них влиять на западное общественное мнение.

— Я не считаю, что Дональд Туск был унижен Путиным в вопросе о смоленском следствии. Но если это даже и так, то чего добились гораздо более сильная, чем мы, Великобритания, когда выдвинула требования к Путину в ходе следствия по делу об убийстве Литвиненко?

— Путин всегда тестирует стойкость противника. Дело Литвиненко несопоставимо, поскольку касается одного человека, притом россиянина, хотя одновременно и гражданина Великобритании. А у нас оно касается следствия по

делу о катастрофе, в которой погибла политическая элита во главе с президентом РП, 96 наших сограждан.

— Но Россия просто не поддается — и все. Будь то Великобритания, будь то Польша.

— Можно было отвоевать больше. Я понимаю стресс и шок после такой страшной трагедии, понимаю, что, возможно, не каждый в силах справиться с необходимостью молниеносно реагировать, но можно было воспользоваться тем, что Польша состоит в НАТО, и привлечь страны НАТО к оказанию помощи — например, использовать для выяснения причин произошедшей катастрофы спутники. От этого отказались.

— НАТО служит не для выяснения обстоятельств авиакатастроф, а польское правительство просило о помощи США, но по данному делу американцы ничем не могли нам помочь.

— Выяснить — была ли эта трагедия авиакатастрофой — могло нам помочь НАТО. Потому что в Смоленске погибли пять генералов Североатлантического пакта и командующий вооруженными силами одного из государств-членов. Однако с первого дня подход «Гражданской платформы» (ГП) был ясен: случилась катастрофа, а если кто-либо и был в ней виноват, то сам президент Польши. И выяснять здесь нечего. Детали может прояснить генерал Анодина. А в польско-российских отношениях всё окей.

— В тот период казалось, что россияне проявляют добрую волю и собираются удовлетворить наши требования. Мы не хотим быть как Путин, который везде видит врагов. Кроме того, причины катастрофы ясны, а отчет комиссии под руководством министра внутренних дел Ежи Миллера в главном своем выводе прозрачен.

— Такой была тогдашняя философия польских властей: закроем глаза на очевидные нестыковки и отклонения от нормы, возложим это на алтарь хороших отношений с Россией в надежде, что она изменится к лучшему. Часть наших СМИ видела только те жесты, которые хотела видеть. Помню, до чего меня изумило, каким образом польские СМИ сообщали о встрече Путина и Туска 7 апреля. Совсем иначе выглядел этот визит в российских СМИ. Польские СМИ показывали его как перелом — что наконец-то правда о Катыни пробилась к сознанию россиян. Однако фильм «Катынь» был тогда показан по нишевому телеканалу «Культура».

— После смоленской катастрофы данный кинофильм показали по главному российскому каналу. Это был как раз один из тех самых жестов доброй воли.

— Но важнее 7 апреля. Потому что российский телезритель не услышал выступления Путина на встрече с Туском. Транслировалась только пресс-конференция в Смоленске, на которой Путин объяснял, что в Катыни, быть может, похоронено 5–6 тыс. поляков, но у нас, русских, в 1920 г. убили 34 тыс. наших пленных. Он привел тогда такие фиктивные цифры, чтобы еще раз подло релятивизировать Катынь. Никто в польских СМИ не обращал на это внимания. Точно так же, как и на случившееся раньше — во время торжеств на Вестерплатте — шокирующее оправдание Путиным участия Советского Союза в развязывании Второй мировой войны. Западные СМИ уловили это, а у нас восторгались польско-российским примирением. Но ведь Путин выгораживал гитлеровскую Германию, якобы обиженную Версальским договором, а потому имеющую право на реванш, — мол, мы, россияне, это понимаем, потому что тоже были обижены тем договором...

— Путин, однако, осудил тогда пакт Риббентропа — Молотова, хотя и добавил, что начало войны — это переговоры с Гитлером, которые вели западные демократии, результатом чего был, среди прочего, Мюнхенский договор 1938 г. Впрочем, и Лех Качинский предполагал нормализовать польско-российские отношения, когда планировал поездку в Москву на годовщину окончания Второй мировой войны. И даже пригласил генерала Ярузельского на борт своего самолета. До визита дело не дошло, так как президент Качинский погиб в катастрофе.

— Нормализация отношений с Россией является необходимостью. И обязанность любой власти в Польше — стремиться к ней. Вопрос стоит об условиях подобной нормализации. Думаю, что 10 апреля эти обстоятельства нормализации стали переломными. Тогда следовало задуматься, будем ли мы и дальше продолжать игру: плохой президент Л. Качинский и хороший премьер Д. Туск, — коль скоро этот «плохой» президент перестал жить. Более того, политика осторожности по отношению к России, которую проводил президент Качинский, трагически подтвердилась. Дональд Туск выбрал другую линию и поменял ее лишь в 2014 г., на несколько лет позже, чем следовало.

— Вы, похоже, даете понять, что российские власти как-то замешаны в данной трагедии, а я считаю это абсурдным.

Ошибки с российской стороны имелись, однако речь идет о скандальных ошибках работников аэродрома.

Но присмотримся к принципам внешней политики Польши в те годы, когда страной руководила «Платформа», оставив при этом в стороне смоленскую катастрофу. В чем, по вашему мнению, состояли ошибки?

— Прежде всего в подчинении внешней политики, так же как и внутренней, принципам пиара. Первый принцип, который реализовало правительство Туска, звучал так: оппозиция неправа по любому вопросу. Перенесение такого подхода на внешнюю политику явилось кардинальной ошибкой. Символом этого стало разделение визитов 7 и 10 апреля.

— Президент Качинский был доволен, что летит 10 апреля один, так как хотел использовать фотоснимки, сделанные в ходе данного визита, для своей избирательной кампании. В этом нет ничего плохого, только не надо представлять это как огромное притеснение президента. Премьер-министр Путин предложил встретиться 7 апреля, и премьер Туск с этим согласился, ибо мы были заинтересованы в том, чтобы российский премьер-министр склонил голову над катынскими могилами.

— Я интерпретирую это иначе. Президент Лех Качинский всё еще пробовал за счет инерционных сил продолжать политику всех предыдущих правительств — такую восточную политику, где в расчет идет не только Москва, но также Киев, Вильнюс и несколько других столиц. Одновременно с этим премьер-министр Дональд Туск собирается нанести первый визит не в Киев или Вильнюс, а в Москву. Иначе, нежели все его предшественники на посту премьера.

— Но премьер Туск уже был с визитом в Вильнюсе. Кроме всего прочего, это было попытка нормализации отношений с Россией. Все в Европе вели с Россией выгодные дела, а мы были сбоку припека и вдобавок имели ярлык русофобов.

— Понимаю, но мы же не выиграли на этом почти ничего!

— Однако отношения изменились к лучшему, и теперь, когда Россия ввела эмбарго на польские продукты, отчетливо видно, как много мы теряем.

— Пользуясь этими распрекрасными отношениями с Россией, которые столь мучительно и с таким трудом выстраивались правительством Дональда Туска, мы за газ от Газпрома платим

гораздо более высокую цену, чем наши соседи. В этом ключевом вопросе мы не выиграли ничего. Может быть, есть смысл спросить, хорошо ли мы поступили, развернув свою деятельность на российском рынке? Не лучше ли было искать другие рынки, менее, чем российский, подверженные риску недружественных и политически обусловленных ограничительных мер воздействия?

— Вся Европа делает выгодный бизнес с Россией. А нам что, зарабатывать ни к чему?

— Может ли Польша, как того хочет Польская крестьянская партия ПСЛ, свести свою внешнюю политику к вопросу, продадим мы яблоки или нет?

— Если тривиализировать, то г-н профессор говорит крестьянам: да, вы понесете финансовые потери, но возложите их на алтарь большой политики Польши как лидера региона.

— Я охотно привожу пример из истории — экономическое сотрудничество у нас лучше всего получалось после 1850 г., когда отменили таможенную границу между Конгрессовкой^[4] и империей, в результате чего полностью открылся огромный рынок сбыта в России. Расцвела Лодзь, расцвел Белосток. Проблема лишь в том, что в политическом плане указанный период был для Польши самым худшим.

— А что мы выиграли благодаря антироссийской политике за те два года (я знаю, что это недолго), когда правил Пис? Мы не получили никаких выгод от того, что действовали резче.

— А что мы потеряли? Разве какие-нибудь важные контракты были отменены? Проводился контроль мяса из Польши, вот и всё...

Торговля с Россией напрямую зависит от политических решений Кремля. За его согласие на доступ к российскому рынку мы платим политическими интересами. Отнюдь не за красивые глаза Россия соглашается открывать рынок, а за то, что Польша заключила крайне невыгодный газовый контракт и что в 2008–2013 годах она отказалась от активной восточной политики.

— После начала агрессии в Крыму Дональд Туск говорил: нас никогда не воспринимали в Европе как русофобов. А вот Пис — да, вполне. И теперь, когда мы поменяли курс на антироссийский, наши европейские партнеры гораздо внимательнее прислушиваются к нам, поскольку знают, что у

нас нет аллергии на Россию, но есть серьезные причины, чтобы ей не доверять. Поэтому нам легче строить коалиции в Евросоюзе или добиваться санкций.

— Можно задуматься над эффективностью подобной тактики Туска, но я полагаю, что нынешняя реакция Запада на происходящее на Украине возникла не в результате уговоров со стороны Польши, она является лишь следствием перехода России через Рубикон и масштабов ее агрессии.

Действительно ли Польша утратила в Европе негативный, русофобский имидж? Боюсь, что нет. А почему он такой? Потому что интересы Польши противоречат интересам имперской России. У Германии нет таких противоречивых интересов. Россия воспринимает нас как противника и ведет пропаганду, которая выставляет Польшу перед западными странами в роли тупого и фанатичного русофоба.

— Это означает, что ПиС, провозглашая, будто ГП чрезмерно податлива в отношении России, рассказывает сказки.

— Напомню статью Радослава Сикорского в «Газете wyborczej» от 29 августа 2009 г. Это самый позорный текст, который напечатал польский министр иностранных дел. И не только потому, что господин министр оплевал там всю традицию межвоенной Второй Речи Посполитой — это ведь вопрос исторический, — но поскольку он констатировал, что Россия никогда не была столь демократической, столь уважающей права человека, как в тот момент, под управлением Путина.

В том же самом номере «Выборчей» где-то на странице 17 была информация, что некоего профессора из Архангельска как раз посадили в тюрьму за издание работы на тему лагерей 40-х годов. Тогда же в одной из московских тюрем угасал Сергей Магнитский — потому что осмелился показать коррупцию в органах власти. И в то же самое время Россия на маневрах «Запад» отрабатывала в присутствии польских наблюдателей тактическую ядерную атаку на Варшаву.

— Весь мир изменил тогда отношение к России. Запад всячески способствовал рахитическим симптомам либерализации политической жизни, поскольку президентом стал Медведев. Обама провозгласил знаменитую перезагрузку. Польша принаравливалась к линии своих союзников, ибо видела в них гарантию безопасности.

— Это самый серьезный аргумент. Рождается, однако, вопрос: нельзя ли было раньше, еще перед тем, как началась

перезагрузка, довести дело до ратификации договора о противоракетном щите? Договор этот польская сторона ратифицировала довольно-таки долго. Сикорский высказывал недовольство, что документ сконструирован не так, как ему бы хотелось. Но в первую очередь его волновало, что всё это сделало предыдущее правительство, представляя как свой успех. И это затянулось так, что администрация президента Буша, которая была готова ратифицировать указанный договор, исчезла, а новая администрация Обамы...

— ... уже не хотела указанного проекта и, наверно, отошла бы от него или как-то его ограничила. Ранее Сикорский считал, что на переговорах о договоре он метит высоко, поскольку защищает интересы Польши.

— Так он говорил, но одновременно, похоже, пробовал сказать, что предыдущее правительство продало нас «американским империалистам». Сикорский тогда производил такое впечатление, словно пребывал в убеждении, что Соединенные Штаты были для нас значительно большей угрозой, нежели Россия Путина.

— Вы критикуете восточную политику правительства ГП-ПСЛ, но ведь это Польша создала Восточное партнерство — вместе со Швецией. Упрек, что мы упустили Украину, представляется фальшивым.

— А каково финансирование Восточного партнерства, придуманного Карлом Бильдтом и Радославом Сикорским? 600 млн евро на шесть лет. Регион, на который распространяется данная программа и который я идентифицирую акронимом БУМАГА — Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Грузия, Армения, — это 100 млн жителей. Иначе говоря, в год на одного жителя — 1 евро. Может ли программа такого масштаба иметь политическое значение? Нет, это фиговый листок, заменяющий реальную политику по отношению к Восточной Европе.

— Нельзя предназначить больше денег на помощь перечисленным странам, пока они не реформируются, а уровень коррупции в них не снизится.

— Политическая программа для данного региона не обязательно должна иметь форму финансовой помощи, которая перетекает в руки олигархов. А политика Восточного партнерства — если понимать ее столь же позитивно, как это делаете вы, — радикально противоречила тому, что сделал

Сикорский при своем первом политическом шаге в роли главы МИД: поехал готовить визит премьер-министра в Кремль.

В январе 2008 г. Сикорского приняли в Москве накануне заранее объявленного визита премьер-министра Тимошенко в Россию — когда были приостановлены поставки газа на Украину. И именно в такой ситуации польский министр едет с первым визитом не на Украину, как поступил бы любой его предшественник, а в Россию.

Поэтому требуется взглянуть на внешнюю политику этой власти с птичьего полета, выставить ей счет за ошибки и вместе с тем представить ясное видение, четкий план, основанный на реальности, а не на несбыточных мечтаниях и наивных представлениях, будто Путин когда-нибудь станет рассматривать Польшу как равноценного партнера. В этом смысле история признала правоту незабвенного Леха Качинского.

Проф. Анджей Новак — сотрудник Института истории Польской Академии наук, преподаватель Ягеллонского университета в Кракове, главный редактор правового журнала «Аркана»; в кругах «Права и справедливости» его еще недавно упоминали в качестве потенциального кандидата правых сил на пост президента.

Проф. А. Новак — правый консерватор, и его взгляды редко близки к точке зрения либерала А. Михника. Прим. пер.

Королевство (или Царство) Польское, входившее тогда в Российскую империю называли в Польше «конгрессным» либо просто Конгрессовкой в память о Венском конгрессе 1815 г., где его образовали. Прим. пер.

1. Проф. А. Новак — правый консерватор, и его взгляды редко близки к точке зрения либерала А. Михника. Прим. пер.
2. Королевство (или Царство) Польское, входившее тогда в Российскую империю называли в Польше «конгрессным» либо просто Конгрессовкой в память о Венском конгрессе 1815 г., где его образовали. Прим. пер.
- 3.
- 4.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «В ночь с субботы на воскресенье (22/23 ноября) Государственная избирательная комиссия сообщила официальные результаты выборов в сеймики воеводств, состоявшихся 16 ноября. Решающей победы, впрочем, не одержал никто. По количеству полученных голосов в процентном отношении лидирует «Право и справедливость» (ПиС); большинство депутатских мандатов досталось «Гражданской платформе» (ГП). Результаты, которых добилась крестьянская партия ПСЛ, оказались намного лучше прогнозируемых, поэтому только «крестьяне» могут по праву говорить об однозначном успехе (официальные данные: ПиС — 26,85%, ГП — 26,36%, крестьянская партия ПСЛ — 23,68% Союз демократических левых сил — 8,78%,). (...) Выборы в органы самоуправления окончательно оформили коалицию ГП-ПСЛ, «крестьяне» значительно укрепили свои позиции, что сделало их по-настоящему равноправным партнером ГП. (...) ПиС, несмотря на серьезную поддержку со стороны духовенства, особенно приходских священников и части иерархов, не смогла победить в сельских районах. (...) Ярослав Качинский, впрочем, давно был готов к тому, что его партии не удастся потеснить «крестьян» в провинции. Уже не первый год Качинский возглавляет компанию по оспариванию результатов очередных выборов, которые, по его мнению, фальсифицируются действующей властью». (Янина Парадовская, «Политика», 26 нояб. — 2 нояб.)

• «Возможно, то обстоятельство, что крестьянская партия ПСЛ оказалась на первой странице сброшюрованного избирательного бюллетеня, и обеспечило этой партии высокие результаты на выборах. (...) Это, впрочем, нисколько не ставит под сомнение реального успеха «крестьян», который в первую очередь обусловлен их активной работой в польской провинции и на селе. Как мне кажется, крестьянская партия ПСЛ эволюционирует в абсолютно правильном направлении. В отличие от практически всех остальных политических группировок, «крестьяне» не превратились в партию вождистского типа. Борьба за лидерство в партии среди членов ПСЛ является вполне нормальным делом, при этом она не приводит к внутрипартийному расколу. Более того, эта партия

не исключает для себя альянса с левыми силами, хотя и принадлежит в то же время к правоцентристской Европейской народной партии, а на польской политической сцене вот уже семь лет выступает в коалиции с «Гражданской платформой». Стратегию ПСЛ отличают рационализм и предусмотрительность. Недавно мне довелось послушать выступления нескольких молодых политиков из ПСЛ, и они произвели на меня очень хорошее впечатление, продемонстрировав высокую политическую культуру и здравый ум. Этим они существенно отличались от своих излишне эмоциональных оппонентов, также присутствовавших в телестудии», — Александр Халль. («Жечпосполита», 28 нояб.)

• «Карта, отражающая результаты выборов мэров 65 городов, имеющих статус повета, показывает, что на выборах победили местные комитеты. Их представители получили 34 мэрских кресла. На втором месте оказалась «Гражданская платформа» — 18 победителей, далее в списке идут «Союз демократических левых сил» и «Право и справедливость» (по 6 финалистов выборной гонки), а также «Твое движение» — один победитель». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 2 дек.)

• «На сегодняшний день это самый известный в мире польский политик. О том, что этот человек был избран мэром Слупска, сообщили даже индийские СМИ. В самом деле, подумать только: гей на посту мэра! Пусть пока что совсем небольшого города, но знакомые уже прогнозируют, что этим дело не ограничится. (...) В Совете Европы искренне жалеют о его уходе: поляк, с которым можно нормально работать, выполняющий свои обязательства, человек с хорошей подготовкой и развитой внутренней культурой, вдобавок прекрасно говорящий по-английски. Такое встречается нечасто. «Я не считаю себя геем, который попал в политику. Я просто политик, — говорит о себе Роберт Бедронь из партии «Твое движение». (...) «Я выбираю мэра своего города, а не полового партнера», — ответила жительница Слупска на вопрос журналиста, не мешает ли ей сексуальная ориентация Бедроня. (...) Согласно опросу еженедельника «Политика», в котором приняли участие три десятка политических обозревателей, Бедронь входит в десятку лучших депутатов Сейма последнего созыва. (...) На каждой дискуссии в ходе заседаний Парламентской ассамблеи Совета Европы Бедронь обязательно брал слово, говорил всегда основательно и по делу — неудивительно, что его выступления запоминались слушателям. (...) Теперь он сменил варшавские и европейские залы заседаний на мэрию Слупска, а его зарплата,

соответственно, уменьшилась в два раза». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 6–7 дек.)

• «Городские общественные движения — это, безусловно, один из интереснейших симптомов пробуждения гражданского самосознания в Польше за последние годы. Как правило, их появление и рост связаны с тем, что жителей до глубины души возмущает высокомерная политика властей, которые принимают важные решения, не вступая при этом в диалог с людьми; более того, эти решения часто противоречат здравому смыслу. Отсутствие пространственного планирования, влекущее за собой урбанистический хаос, приватизация имущества коммунальных служб, коммерциализация публичного пространства, культурная деградация, фестивальная истерия, засилье рекламы, строительство торговых центров в исторических городских районах за счет местного бизнеса — вот последствия такой политики. И это только некоторые факторы, вызывающие справедливый гнев населения. Движение набирает силу не только в Польше — «право на свой город» стало лозунгом сопротивления, объединившего активистов всего мира». (Эдвин Бендык, «Политика», 26 нояб. — 2 дек.)

• Результаты региональных выборов в сеймики воеводств в очередной раз продемонстрировали, что Польша отчетливо делится на две части — западную и восточную. На западе страны (Поморское, Западно-Поморское, Куявско-Поморское, Великопольское, Любушское, Нижнесилезское, Опольское, Силезское воеводства) большее число голосов получила «Гражданская платформа». В оставшейся части Польши «Право и справедливость» победила в Мазовецком, Подляском, Лодзинском, Люблинском, Малопольском и Подкарпатском воеводствах, а крестьянская партия ПСЛ — в Варминско-Мазурском и Свентокшиском воеводствах. (по материалам «Газеты wyborczej» от 24 нояб.)

• «Я чувствую, как приходят в движение эти две тектонические глыбы — северо-западная Польша и Польша юго-восточная. Они мало-помалу наползают друг на друга. И очень скоро в Польше случится политическое землетрясение. Всё у этих глыб разное: степень доверия людей друг другу, религиозные практики, предубеждения, возраст, вера, благосостояние, уровень фатализма, отношение к демократии, образование, удовлетворение жизнью. Эти различия не только не исчезают, но становятся всё выразительнее. По одну сторону условных баррикад у нас успешные, хорошо образованные жители больших городов, не испытывающие страха перед будущим, с

другой — люди скорее преклонного возраста (молодежь в этой группе не обладает решающим перевесом), охваченные фрустрацией и постоянным ощущением угрозы извне, отравленные теорией заговора, уверенные в том, что на интересы Польши вечно кто-то посягает и что кто-то постоянно пытается нам навредить, видящие во всем чужие дьявольские козни. И это писовское пятно с востока расползается по всей стране. И не потому, что постепенно исчезают люди, мыслящие другими категориями, нежели сторонники этой политической группировки, но потому, что поляки теряют своих политических представителей, считая, что такое представительство в принципе невозможно. Миллер (Союз демократических левых сил) не представляет их интересов, Копач («Гражданская платформа») тем более, а в ПСЛ они сами не пойдут. Поэтому та категория участников выборов, у которых на первом плане были их идеалы, оказалась вытеснена с обочины политического процесса избирателями, озабоченными конкретной выгодой. (...) «Гражданская платформа» начала сдавать позиции не потому, что отказалась от какой-либо системы ценностей, а потому, что утратила связь с реальными, жизненными, повседневными интересами людей, которые эту партию поддерживали. (...) Польша постепенно сворачивает на путь французской и британской ксенофобии», — проф. Януш Чапинский. («Газета выборча», 22–23 нояб.)

• «География выборов в органы самоуправления совпала с картой парламентских выборов. (...) Сельские избиратели, а также электорат из небольших городов намного интенсивней принимают участие в местных выборах, нежели в парламентских. Им гораздо интереснее, кто будет управлять непосредственно ими, кто станет местным депутатом или старостой, нежели результаты выборов в Сейм. (...) Важную роль на местных выборах играют разного рода гражданские комитеты, то есть сравнительно недавно возникшие городские общественные движения. А общественные комитеты наверняка не будут выступать на парламентских выборах, так что неизвестно, как поступят эти избиратели — пойдут ли на выборы, за кого станут голосовать», — проф. Ян Спевак. («Польска», 1 дек.)

• «Во время выборов в сеймики воеводств отмечено рекордное (более пятисот) количество акций протеста, связанных с выборами, очевидные пробелы в избирательном законодательстве, число которых постоянно растет, а также утрата общественного доверия высшими государственными демократическими институтами после того, как был побит

рекорд по количеству недействительных бюллетеней — по данным Якуба Шчепанского («Польска», 24 нояб.), это 17,93%, то бишь около 2,15 млн избирателей». (Томаш Петрыга, «Жечпосполита», 3 дек.)

- «Ярослав Качинский пообещал провести 13 декабря «Марш в защиту демократии и свободы СМИ». Запланированная акция протеста связана с якобы имевшими место фальсификациями итогов выборов в органы самоуправления. В числе почетных членов оргкомитета марша значатся, среди прочих, архиепископ Вацлав Дембо, а также епископы Веслав Меринг, Игнаций Дец, Антоний Дидич и Эдвард Франковский. (...) Председатель Конференции епископата Польши архиепископ Станислав Гондецкий заявил, что епископы не должны оказывать поддержку ни одной из политических партий. (...) А этот марш — мероприятие сугубо партийное, связанное исключительно с политической борьбой. (...) «Право и справедливость» утверждает, что выборы были сфальсифицированы, не предъявляя при этом никаких доказательств последнего. (...) Если представители Церкви сегодня столь открыто принимают участие в подобных акциях, ничего хорошего в будущем нам это не обещает». (Доминика Веловейская, «Газета wyborcza», 6-7 дек.)

- «Право-религиозное крыло добилось в Польше всего, чего только можно было: уроки религии и воспитания в семье, запрет аборт на законодательном уровне, постоянное присутствие религиозных символов в общественных местах, собственные влиятельные СМИ (...). Эта политическая сила успешно противится любым переменам, как в общественном, так и в правовом поле, заблокировав принятие закона о гражданском партнерстве, конвенции о противодействии насилию в отношении женщин и домашнему насилию, и даже запретив показ спектакля «Пикник на Голгофе». Куда уж дальше?», — Доминика Козловская, главный редактор ежемесячника «Знак». («Газета wyborcza», 3 дек.)

- «Человек должен бояться в жизни в первую очередь стопроцентной уверенности в том, что он в чем-либо уверен, поскольку такие уверенные в своих взглядах люди обычно больше всех заблуждаются. Заблуждаются те, кто не способен на рефлексию относительно своей уверенности», — о. Юзеф Тишнер. («Газета wyborcza», 8-9 нояб.)

- «По сравнению с октябрём количество сторонников правительства увеличилось на 6% (составив, таким образом, 41%), а противников правительственного курса стало меньше на 3% (теперь их 15%). Доля же тех, кто, оценивая работу

кабинета Эвы Копач, занимает нейтральную позицию уменьшилась до 37% (снижение составило 3%). Таковы данные ЦИОМа». («Газета wyborcza», 22–23 нояб.)

- «По данным ЦИОМа, деятельность президента Бронислава Коморовского положительно оценивают 76% поляков. (...) Количество граждан, критически относящихся к работе Сейма, уменьшилось на 7%. В ноябре о политике Сейма негативно высказалось 64% опрошенных». («Жечпосполита», 21 нояб.)

- «За десять дней до парламентских выборов в Молдавии президенты Польши и Украины побывали с официальным визитом в Кишиневе. “Нам хотелось бы, чтобы Молдавия обрела свой собственный свободный путь в Европу”, — заявил президент Бронислав Коморовский». («Газета wyborcza», 21 нояб.)

- «Как представители одного человечества, мы очень тесно связаны между собой, очень близки, буквально срослись друг с другом, причем намного сильнее, чем это можно выразить вербально. В то же время, мы живем в обстановке тотального неравенства, в мире, в котором, с одной стороны, всё очень прочно переплетено и взаимообусловлено, а с другой — всё более и более нестабильном. (...) Я думаю, что эта дестабилизация будет нарастать и захватывать новые, некогда спокойные, территории. Что-то такое носится в воздухе», — Анджей Ледер. («Газета wyborcza», 6–7 дек.)

- «Москва высылает троих польских военных атташе и одного сотрудника политического отдела нашего посольства». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 18 нояб.)

- «Со вчерашнего дня Дональд Туск возглавляет Совет Европы. „Я убежден, что Совет Европы теперь находится в надежных руках”, — заявил предшественник Туска, Херман Ван Ромпёй. Он подчеркнул, что Туск — это „европеец с живым умом и открытым сердцем”. (...) „О, Боже...”, — такой репликой улыбающийся Туск начал свою речь, которую произнес на хорошем английском. (...) Главным вызовом, перед которым сейчас стоит Евросоюз, является защита основополагающих ценностей и свобод от „внешних и внутренних врагов”, убеждал Туск. (...) Другой серьезный вызов — это преодоление кризиса и завершение реформ „зоны евро”. (...) Говоря о третьем вызове, Туск заявил, что ЕС должен всячески укреплять свои позиции на международной арене, особенно в контексте безопасности границ и поддержки соседей. (...) Четвертым же вызовом Туск признал дальнейшее развитие

крепких партнерских отношений между ЕС и США». (Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 2 дек.)

• «Церемония спуска флага на польской военной базе Баграм под Кабулом после семилетней миссии Польши в Афганистане прошла в четверг рано утром в присутствии оперативного командующего Войска Польского, генерала Марека Томашицкого. 15-я смена польского военного контингента закончила свою миссию в составе Международных сил содействия безопасности (ISAF). (...) Срок миссии официально заканчивается 31 декабря 2014 года. (...) Вчера на интернет-портале НАТО наше министерство обороны разместило отчет об итогах участия Польши в миссии. (...) В ней участвовало 28 тыс. военнослужащих и гражданских сотрудников вооруженных сил (польская профессиональная армия насчитывает ок. 100 тыс. военных). (...) В ходе миссии обучение прошли около 11 тыс. афганских военнослужащих. (...) На польские проекты развития для Афганистана было затрачено в общей сложности 80 млн злотых. (...) С 1 января в Афганистане начнет свою деятельность очередная миссия «Resolute support» («Решительная поддержка»). В ней примут участие ок. 120 польских советников, в основном офицеров». («Павел Вронский, «Газета wyborcza», 5 дек.)

• «Основная миссия наших войск в Афганистане подходит к концу...» (фрагменты дискуссии). «Бригадный генерал Войцех Грабовский: „В Центр совместных сил НАТО в Быдгоще на учения приезжали афганские военные — около 150–200 офицеров ежегодно”. (...) Генерал Марек Томашицкий: „(...) Облик нашей армии целиком изменился в контексте процедур и навыков международного общения, обучения и подготовки военнослужащих, принимающих непосредственное участие в боевых операциях, а также руководства низшего и высшего звена. После столкновения в ходе миссий с конкретной угрозой, польские военнослужащие совсем иначе подходят к выполнению своих боевых и учебных задач. У них появляются новые бойцовские качества, они становятся психически более неуязвимыми, хотя и не все. (...) Обе миссии (в Ираке и Афганистане) стали переломным моментом в развитии польских вооруженных сил. За 11 лет, которые прошли с того момента, как в 2003 году наши военные появились в Ираке, в нашей армии произошли поистине революционные изменения. (...) И если сначала нам приходилось просить всех остальных о сотрудничестве, то теперь наши партнеры по коалиции сами выражают желание действовать с нами сообща». (...) Генерал Януш Адамчик: (...) „Происходящее сегодня в наших вооруженных силах и новые направления их

развития во многом обусловлены теми знаниями и опытом, которые мы приобрели, сражаясь в Ираке и Афганистане. (...) Мы достигли самого высокого мирового уровня"». («Польска збройна», декабрь 2014)

- «Польская группа специалистов в Афганистане начала свою деятельность 28 июня 2008 г. (...) и работала без перерыва до конца ноября 2013 года. (...) Поляки запланировали и реализовали 194 проекта помощи. (...) Построили энергетическую сеть (...). Провели торги на закупку генераторов для сельской электростанции и модернизацию энергетической сети, строительство либо ремонт гидроэлектростанции, а также закупку светодиодных ламп. Были вложены деньги в строительство и ремонт дорог. (...) Построены водоочистительные сооружения и свалка мусора в городе Гхазни. В провинции появились многочисленные колодцы, был построен водопровод, взяты пробы качества грунтовых вод, поставлены гидравлические электроколонки. (...) Местный медперсонал прошел необходимое обучение, была отремонтирована крупнейшая больница в провинции Гхазни, родильное и хирургическое отделения были оснащены современным оборудованием. (...) Построены и отремонтированы школы и детские сады, а также клубы. (...) Образовательные учреждения оснащены мебелью и необходимым оборудованием. (...) Ни один объект, созданный поляками, не был уничтожен», — бригадный генерал Раймунд Анджейчак. («Польска збройна», декабрь 2014).

- «В ходе операции «Resolute support» («Решительная поддержка»), которая начнется 1 янв. 2015 г., будет задействован наш воинский контингент в количестве 150 военнослужащих и гражданских сотрудников. Поляки будут выполнять в основном функции советников на разных уровнях, окажут необходимую помощь и поддержку министерству обороны и внутренних дел, полиции и 203-му корпусу Афганских национальных вооруженных сил. Польские военные будут находиться в Баграме, Кабуле и Гамбери. (...) На расходы, связанные с участием в «Resolute support» в бюджете оборонного ведомства предусмотрено 32 млн злотых». («Польска збройна», дек. 2014)

- «Среди нескольких десятков военных миссий за пределами страны, в которых с 1953 г. участвовали польские военные, наиболее трагической оказалась последняя, афганская» — погибло 44 польских военнослужащих, сотни были ранены. 31 марта 2012 г. вступил в силу закон о боевых ветеранах за пределами Польши. „Закон наделяет участников миссий

статусом ветерана, а также пострадавшего ветерана. Эта вторая группа получила широкий спектр прав, включая надбавку к пенсии и пособию, льготный проезд в общественном транспорте, доплату за обучение, а также облегченный доступ к медицинскому и психологическому обслуживанию. Статус ветерана, который предоставляется по заявлению заинтересованного лица, сегодня получили более 10 тыс. бывших и действующих военнослужащих, а статус пострадавшего ветерана — свыше 530". В 2008 г. военнослужащие действующих вооруженных сил и запаса, получившие во время зарубежных миссий ущерб здоровью, учредили Ассоциацию раненых и пострадавших в ходе миссий за пределами страны. 19 дек. 2014 г. в Варшаве откроется Центр ветерана — организация, которая будет поддерживать как военнослужащих, так и гражданских сотрудников вооруженных сил, принимавших участие в заграничных миссиях нашей армии». (Малгожата Шварцгрубер, «Польска збройна», дек. 2014)

• «В 356 школах у нас действуют в общей сложности свыше 1 300 военизированных классов. «В этих классах занимается более 33 тыс. учащихся. По сравнению с предыдущим годом нами отмечен существенный рост количества школ с такими классами. Их теперь на 110 школ больше», — комментирует полковник Вальдемар Осипюк. (...) «Это очень хорошо, что в течение нескольких дней наша молодежь смогла прочувствовать, что такое учения в полевых условиях, на настоящем полигоне. Разумеется, условия учений были приспособлены к реальным возможностям школьников. (...) Ну, а кто из этих 33 тысяч учащихся станет потом военным, увидим». (Яцек Шустаковский, «Польска збройна», ноябрь 2014).

• «В 1997 г. во Владимире-Волынском (...) археологами были обнаружены массовые захоронения. (...) Работы были возобновлены лишь в 2011 г., после того, как украинцы нашли несколько очередных общих могил с убитыми поляками. (...) В следующем году были обнаружены останки еще 385 жертв НКВД. Среди них было много польских солдат, офицеров и полицейских. В „ямах смерти“ были найдены солдатские сапоги, форменные пуговицы с орлами, полицейские бляхи, значки с орлом с полицейских фуражек, а также фрагменты одежды и обуви, пряжки от ремней, очки, кошельки и медальоны. Но самые крупные массовые захоронения были обнаружены в этом году. (...) В общей сложности во Владимире-Волынском найдены останки 2 722 жертв обоих тоталитарных режимов — коммунистического и нацистского, а местность

получила название „малая Катынь”. (...) Обнаруженные останки и личные вещи очень плохо сохранились. По положению костей в ямах и наличию большого количества гильз (в основном от советского пистолета ТТ) можно судить, что большевики расстреливали своих жертв возле заранее выкопанных ям. После экзекуции тела беспорядочно сбрасывались в ямы, затем земля утрамбовывалась, посыпалась известью и вновь утрамбовывалась при помощи гусеничного транспорта». (Анна Домбровская, «Польска збройна», дек. 2014)

• «Мариуш Марковский, совладелец реабилитационного центра „Добрый брат” в Осеке, пригласил на лечение в Польшу украинских парашютистов, получивших ранения в ходе боев на Донбассе. (...) Марковский официально обратился к украинским властям с просьбой самим определить тех, кто нуждается в услугах реабилитационного центра. (...) „Получив официальное подтверждение, я пригласил в наш центр 32 человека. Четверо из них ждали очередной операции, поэтому прибыло 28 военных в сопровождении двух психотерапевтов, — рассказывает Мариуш Марковский. — Будущее польско-украинских отношений зависит от этих молодых ребят. Этим жестом я хочу доказать им, что Польша, их сосед, дружественно настроена по отношению к Украине”». (Дорота Абрамович, «Польска», 17 нояб.)

• «Прокуратура Бельско-Бялы возбудила первое уголовное дело против поляка, который воевал на Донбассе на стороне пророссийских сепаратистов. (...) Скорее всего, речь идет о 29-летнем активисте националистической организации „Лагерь Великой Польши”. (...) Польские граждане не могут проходить службу в иностранной армии — за это им грозит пять лет лишения свободы. (...) Агентство внутренней безопасности вскоре проинформирует органы прокуратуры в Катовице и Щецине еще о двух поляках, воевавших на стороне сепаратистов». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 8 дек.)

• По словам начальника Генерального штаба Войска Польского, генерала Мечислава Гогула, «в этом году польские самолеты целых 22 раза становились объектами провокации со стороны российских ВВС. (...) В последнее время российские самолеты специально подлетают к самой границе польского воздушного пространства. За прошедшие годы было зафиксировано лишь несколько таких случаев. (...) Причем всякий раз в этих провокациях участвуют самолеты в полной боевой готовности. Большинство инцидентов, очевидно, связаны с попытками проверить степень устойчивости противовоздушной обороны НАТО». («Газета wyborча», 8 дек.)

- «На территории Луганской и Донецкой областей, то есть Донбасса, по данным последней переписи населения, проживает 4 тыс. человек, считающих себя поляками. (...) Из 400 жителей Донбасса, имеющих карту поляка, сто хотят немедленно репатриироваться в Польшу. (...) Эти люди не видят никаких перспектив и возможностей нормальной жизни в регионе, объятom войной», — Михал Дворчик, фонд «Свобода и мир». («Наш дзенник», 6-7 дек.)

- «Возможности вернуться ждут 2,6 тыс. наших соотечественников, которые в настоящее время являются гражданами других государств. Если процесс их возвращения в Польшу будет идти такими темпами, то займет около 16 лет, говорится в не публиковавшемся ранее отчете Высшей контрольной палаты (ВКП). (...) Иногда ожидание переезда в Польшу в рамках репатриации длится целых 10 лет. (...) В 2007 г. количество лиц с переселенческой визой, ожидающих возможности вернуться, составляло 1 476 человек, а в 2012 г. — 1 937. (...) «Ни одно из подконтрольных министерств так и не взялось за реализацию Правительственной программы сотрудничества с поляками за границей на 2007–2012 годы. Не был расписан график работы соответствующих ведомств, не определены критерии и способы оценки выполнения стоящих задач», — пишет ВКП». (Павел Решка, «Тыгодник повшехный», 23 нояб.)

- «Опубликованный в 2013 г. Институтом общественных отношений отчет показывает, что из более чем 24 тыс. заявлений о присвоении статуса беженца, направленных в адрес польских властей в 2009–2014 гг., были удовлетворены только 1,5%». («Газета wyborча», 20 нояб.)

- «В Польше легально находятся свыше 140 тыс. иностранцев — таково количество выданных видов на жительство. Впрочем, по некоторым данным, этих людей может быть в несколько раз больше. Министерство внутренних дел провело опрос об отношении поляков к живущим у нас иностранцам. По данным опроса „Иммигранты в Польше“, две трети опрошенных относятся к приезжим „позитивно или скорее позитивно“. (...) Каждому пятому респонденту такая ситуация, наоборот, не нравится. (...) Самый большой процент иностранцев в Польше составляют украинцы, белорусы и русские. (...) Согласно статистике Управления по делам иностранцев, около 100 тыс. человек находятся в нашей стране нелегально. Есть данные, что общее количество иммигрантов в Польше составляет полмиллиона человек». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 5 дек.)

- «В 2012 г. 12 749 поляков получили гражданство других стран, входящих в ЕС. Чаще всего в качестве новой родины наши соотечественники выбирают Германию (4 532). Впрочем, за последние годы значительно выросло количество поляков, получивших гражданство Великобритании (3 040). (...) Польское гражданство в 2012 г. было предоставлено 3 792 иностранцам — среди них больше всего украинцев, а также белорусов и россиян». («Дзенник газета правна», 20 нояб.)

- «Навсегда покинуть страну готовы свыше одной пятой поляков (21%), а среди молодежи об эмиграции мечтает почти каждый третий — таковы результаты последнего опроса ЦИОМа». («Дзенник газета правна», 4 дек.)

- «Только в третьем квартале поляки взяли кредитов наличными и в рассрочку на сумму 19,9 млн злотых, а с января по сентябрь мы взяли в долг на текущие расходы и покупки 57,7 млн злотых. Это не только на 13% больше, чем за аналогичный период прошлого года, но и больше, чем в 2008 году, который в этом смысле ранее бил все рекорды. (...) Общая задолженность поляков по статье потребительских кредитов достигла 144 млрд злотых, что по отношению к ВВП превышает средний уровень по Евросоюзу». (Моника Саевич, «Жечпосполита», 20 нояб.)

- «Почему наши журналы вот уже 25 лет постоянно публикуют списки самых богатых поляков, вместо того, чтобы обнародовать списки самых щедрых меценатов и спонсоров? В США Билл Гейтс, Уоррен Баффет и Джордж Сорос в обоих списках по праву занимают первые места. В Польше бизнесмены, в отличие от наемных работников, являются самой претенциозной общественной прослойкой: они громко и активно требуют экономической свободы, забывая при этом об общественной ответственности, хотя развивают свой бизнес именно благодаря государству и его гражданам. У нас совершенно иные, нежели на Западе, представления о престиже. Там предпринимателей уважают не только за то, сколько те зарабатывают, но и за то, сколько они тратят на общественно-полезные цели», — Славомир Сераковский. («Ньюсуик Польска», 24-30 нояб.)

- «Польша всё успешнее борется с коррупцией, и в этой связи нашей стране удалось подняться на несколько позиций в рейтинге „Индекс восприятия коррупции“, составленном компанией „Transparency International“. По сравнению с прошлым годом мы на целых три позиции приблизились к тем странам, которым удастся вести бизнес открыто». В рейтинге «Transparency International» мы находимся на 35 месте, уступая Эстонии и Франции (26 место), но опережая Испанию и

Португалию (37 место), а также Литву и Словению (39 место). («Жечпосполита», 4 дек.)

• «Существуют три этапа сознательного, последовательного противодействия коррупции. Во-первых, необходимо признать наличие этой проблемы, что мы с успехом предприняли. (...) Второй шаг — принятие антикоррупционного законодательства и создание соответствующих институтов по борьбе с коррупцией. С этим мы тоже справились. (...) Третий же этап представляет собой разработку правовых решений, гарантирующих высокое качество и прозрачность управления на всех государственных уровнях. И вот с этим третьим этапом мы, как государство, справляемся не то чтобы очень. У нас есть определенные сложности, связанные с отсутствием ясных, понятных, простых правовых решений. Антикоррупционный закон 1997 года безнадежно устарел, а правила подачи имущественных деклараций крайне дифференцированы, часто весьма запутаны и неупорядочены. Кроме того, у нас отсутствуют юридические механизмы решения вопросов, связанных с политической коррупцией, кумовством, семейственностью, клиентелизмом. Более того — и эту проблему часто поднимают неправительственные организации — у нас отсутствуют правовые нормы, предусматривающие государственную защиту так называемых „информаторов“, то есть тех, кто подает сигналы о коррупционных и иных нарушениях», — Павел Войтуник, директор Центрального антикоррупционного бюро. («Польша», 5-7 дек.)

• «Славомир Новак, бывший министр транспорта и член правления „Гражданской платформы“, был вчера оштрафован на 20 тыс. злотых за то, что не указал в своей имущественной декларации элитные часы марки „Улисс Нарден“ стоимостью свыше 10 тыс. злотых. Пост министра С. Новаку пришлось покинуть еще в прошлом году; в „Гражданской платформе“ он уже также не состоит. После вступления приговора в законную силу С. Новак окажется в реестре осужденных, что поставит крест на его политической карьере. Сам Новак в четверг сложил с себя депутатские полномочия». (по материалам «Жечипосполитой» и «Газеты wyborчей» от 28 нояб.)

• «Радослав Сикорский, будучи в 2007-2014 гг. министром иностранных дел, круглосуточно находился под защитой Бюро правительственной охраны (БПО) и передвигался только на служебном автомобиле с водителем. В то же время, как депутат Сейма, Сикорский получал компенсацию за использование в служебных целях личного автомобиля, общая сумма которой

составила 80 тыс. злотых. Прокуратура не нашла в действиях Сикорского состава преступления, поскольку компенсация была положена ему по закону. Остается, правда, загадкой, как можно, все время передвигаясь на лимузине БПО, одновременно наездить за год 20 тыс. километров на личном автомобиле. Впрочем, ответ на этот вопрос в компетенцию прокуратуры не входил. (...) Судя по всему, в отношении министра Сикорского практиковалось „двойное финансирование”. Возило его БПО, а Сейм доплачивал за частный автотранспорт», — Войцех Чухновский, Агата Новаковская. «Мы обратились к Эве Копач с просьбой об исключении Сикорского из партии „Гражданская платформа”, что автоматически приведет к потере им поста маршала Сейма», — говорит руководитель парламентского клуба партии „Право и Справедливость” Мариуш Блашчак». («Газета wyborча», 9 дек.)

- «Осужден польский священник. На три года тюрьмы за мошенничество и присвоение чужого имущества трибунал Ватикана осудил о. Бронислава Моравца. Священник был экономом римской базилики Санта-Мария-Маджоре, в его распоряжении было много объектов недвижимости. Дело было возбуждено, когда оказалось, что в кассе базилики не хватает 200 тыс. евро». («Газета wyborча», 17 нояб.)

- «Во второй половине октября в СМИ появилась информация о том, что в Ольшанице (Подкарпатское воеводство) в результате нападения медведя погиб 61-летний мужчина: «Нападение жестокого зверя в Бещадах. Медведь попробовал человеческой крови и будет убивать», «Кровожадное чудовище загрызло пенсионера, изуродовав тело. (...) Охотники с собаками отправились на облаву, чтобы окружить и убить зверя». (...) Спустя несколько дней Мария Хшановская, глава районной прокуратуры в Леско, заявила: “Согласно предварительному заключению экспертов, раны, от которых наступила смерть 61-летнего гражданина, не могли быть нанесены животным. (...) Всё указывает на умышленное убийство, совершенное человеком”». («Дзике жиче», нояб.)

- «Эти фотографии появились в конце октября в Фейсбуке, на странице „Люди против охотников”. Создатели профиля пишут: „Вот как в действительности выглядит любовь охотников к животным. Если вы знаете кого-либо из этих вырожденков, сообщите нам его координаты”. За несколько дней эти снимки разместили у себя более 30 тыс. человек, а почти 5 тыс. пользователей Фейсбука оставили соответствующие комментарии: „Уроды, а не люди”, „Ужас, в голове не

укладывается. Звери”. (...) Участники группы „Люди против охотников”, а их около двух тысяч человек, регулярно мониторят интернет-форумы охотников (...) и сотрудничают с полицией. (...) На сайте nieglosujenamysliwych.pl („Не голосуем за охотников”) можно найти свежий список парламентариев, увлекающихся охотой». (Александр Гургуль, «Газета выборча», 17 нояб.)

• «В середине прошлого века тетерев обитал практически во всех польских лесах. (...) В 2009 г. популяция тетерева сократилась почти до 750 особей. По различным оценкам, сегодня их количество составляет около 500-600 птиц. (...) Популяция глухарей в стране не превышает 380-500 особей. (...) Мало того, что глухарь и тетерев вымирают довольно быстрыми темпами, они до 1995 г. были причислены к промысловым видам диких птиц». («Газета выборча», 20 нояб.)

• «В тени обычных повседневных человеческих историй в Польше разворачивается история расчеловечивания, которую общество старается еще и не замечать. СМИ в упор ее не видят, а публичные персоны всячески замалчивают. (...) Кошмарна сама тема дискуссии, за которой стоит столь же кошмарная практика. (...) Заклание животных на мини-алтарях научных карьер происходит „тихой сапой”. (...) Наиболее поражающая воображение полемика связана с легализацией обычая перерезать голосовые связки умирающим от боли во время лабораторных опытов животным. Я не знаю более извращенной юридической дискуссии и более ужасной конфронтации защищаемых ценностей: права исследователя на психологический комфорт, с одной стороны, и права живого существа на артикуляцию смертной муки, с другой. (...) Кем надо быть, чтобы бороться за право подрезать голосовые связки мучающемуся животному? Кем надо быть, чтобы соглашаться с тем, что комиссии, утверждающие такие эксперименты, состоят в большинстве своем из самих экспериментаторов, пребывающих в перманентном и неустраняемом конфликте интересов? Кем надо быть, чтобы требовать для себя права многократного использования одних и тех же животных в нескольких экспериментах? Кем надо быть, чтобы добиваться возвращения практики показательных опытов над животными в школах? Какого эти люди роду-племени? Кому они молятся? (...) Из более чем двухсот тысяч лабораторных животных, ежегодно истязаемых в ходе опытов, большая часть страдает без всякой необходимости», — Ян Хартман. («Политика», 26 нояб. — 2 дек.)

- В Сейме «в среду объединенные комиссии по науке и сельскому хозяйству работали над подготовкой ко второму чтению правительственного законопроекта об охране животных, используемых в научных либо образовательных целях. (...) Законопроект, в частности, предусматривает следующее: запрещается подвергать животных опытам, приводящим к длительным сильным мучениям, степень которых нельзя снизить (...); запрещается (кроме исключительных случаев) подвергать животных, переживших крайне болезненные ощущения, очередным экспериментам; запрещается проводить операции, которые лишают животных возможности громко подавать болевые сигналы (в том числе запрещается подрезание голосовых связок); предусматриваются гарантии того, чтобы обезболивающие средства, которые применяются в отношении животных, были действенными». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 27 нояб.)

- «История наших взаимоотношений с животными — это история грязной эксплуатации, доминирования и презрения, а вовсе не сказка о счастливой дружбе». Вышел польский перевод книги Эрика Барата «С точки зрения животного. Другая версия истории» в переводе Паулины Тарасевич (изд-во «В подворку», Гданьск, 2014). («Тыгодник повшехный», 30 нояб.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Есть ли в Польше левые, о которых можно было бы сказать, что они являются парламентским представительством избирателей, симпатизирующих левым взглядам, как это имеет место в Германии или во Франции? Ныне к слабеющему от выборов к выборам Союзу левых демократов (СЛД), являющемуся очередным воплощением формации, порожденной Польской объединенной рабочей партией времен ПНР, относятся как к посткоммунистической организации, и трудно надеяться, вопреки усилиям бывших «товарищей», что могло бы быть иначе, хотя, несомненно, в Союзе немало представителей молодого поколения, которых едва ли можно отягощать ответственностью за то, что творилось до 1989 года, — хотя, вступая в эту партию, они тем самым сознательно или неосознанно приняли ее наследство. А это наследство если и не вопиюще уродливо, то, во всяком случае, красотой никак не блещет.

То, что дела плохи, стало всерьез обсуждаться только после последних выборов местного самоуправления. Некоторые деятели партии все смелее говорят, что накануне предстоящих президентских и парламентских выборов необходимо что-то предпринять, чтобы сдержать тенденцию спада. Именно в таком духе высказывается Кшиштоф Яник, функционер старшего поколения, в интервью «Жечпосполитой» (№ 283/2014), озаглавленном, в сущности, очень верно, «Нельзя сражаться с Господом Богом»: «Диагноз прост. Левое движение в той форме, в которой оно существовало до сих пор (с одной стороны, как символ сентиментальной тоски по прошлому, с другой — как мотор перемен, внедрения жизненных новаций), потеряло всякий смысл. Изменилась структура страны. Польское общество находится в стадии меркантилизма. Революционных настроений у нас нет». В то же время, добавляет Кшиштоф Яник, западное левое движение «иное — либеральное экономически, включая современную систему государственной опеки, поддерживающее общественное разнообразие. Тогда как СЛД консервативен в своих главных принципах». Тем не менее, полагает он, время левых наступит, «когда инициатива перейдет к двадцатилетним, которые сегодня поддерживают „Право и справедливость“, поскольку

считают, что это антисистемная партия. Ошибочно полагают, по-моему, потому что это самая что ни на есть системная партия».

Без опасения допустить ошибку можно утверждать, что К. Яник ошибается. Нет, не в том, что молодежь к «Праву и справедливости» притягивают популистские социальные лозунги. Ошибается он, когда полагает, что молодые, после разочарования обещаниями партии Качинского, станут голосовать за СЛД, поскольку, независимо от того, каким бы изменениям эта партия не подверглась, данная вывеска молодежь не привлечет. Так что прав Рафал Калюкин, когда, характеризуя позицию шефа СЛД Лешека Миллера, пишет в статье «Пазлы Миллера», опубликованной на страницах «Ньюсуик Польска» (№ 50/2014): «Союз с начала 90-х годов, пусть потрепанный и изолированный, имел свой верный электорат. Польшу тогда разделил спор, касающийся оценки почти полувековой истории ПНР. Требование правых из „Солидарности” радикально рассчитаться с прошлым порождало спрос на посткоммунистических левых. Но та эпоха прошла бесповоротно. От давних дискуссий остались одни обрывки, что еще обеспечивает СЛД относительную стабильность, но продолжать цепляться за них — это путь вниз, к упадку. У Союза, зацикленного на защите генерала Ярузельского, нет будущего. А по-прежнему идущий этим путем Миллер в последнее время все больше напоминает Казанову из фильма Феллини — стареющего ловеласа в безумно напыщенном мире, который в финале соблазняется куклой и только тогда с удивлением открывает, что безвозвратно пересек рубеж, за которым просто смешон. (...) Сегодня перед левыми лежат разбросанные пазлы. Двадцатилетний человек без перспектив, колеблющийся между желанием эмигрировать, махнуть на все рукой и опуститься или же взбунтоваться. Тридцатилетний, который уже создал себе скромное жизненное пространство и с интересом присматривается к городским движениям, борющимся с коммерциализацией публичной сферы. Сорокалетний, опасющийся, что его детям придется в жизни еще труднее. Шестидесятилетний, проклиная дату рождения, из-за которой он сейчас попадает в реформированную, уже не столь щедрую пенсионную систему. Даже если каждый из них — потенциальный избиратель левых, то с равным успехом один даст себя увлечь Маршу независимости^[1], а другой — Бальцеровичу. Одни принципиально не голосуют, другие выражают протест мягко (...). Впрочем, давно уже прошло время глубоких идентификаций».

Вот на этом, последнем предложении имеет смысл на минуту задержаться. А что, интересно, могла бы означать в данном контексте левая идентичность, особенно глубокая? Если подумать, то получается, что глубинным ядром та-кой идентичности следует признать нечто, называемое «этосом левого дви-жения». Это из ряда импондерабилий, к которым в политике относятся с почти нескрываемым презрением, и такое презрение — наследие комму-низма, не только, впрочем, в Польше, но и почти что во всех странах, кото-рые выбрались из сферы московского, коммунистического влияния. Больше-вики заменили левый этос властолюбием: так было в советской России, когда уничтожалось социалистическое меньшевистское движение, так было в Польше, где осуществилось «объединение», а по сути ликвидация Польской социалистической партии, которую вынудили объединиться с управ-ляемой из Кремля Польской рабочей партией (несогласных арестовывали или репрессировали). Ликвидация Социалистической партии, за что наследники ПОРП так и не рассчитались, была одновременно ликвидацией этоса социа-листического движения: традиции этой, богатой традициями, социал-демокра-тической партии почти пятьдесят лет истреблялись и вытравливались из памяти общества, что и привело к тому, что само понятие «социализм» стало в Польше подозрительным и воспринимается с крайним недоверием, в осо-бенности молодыми поколениями. А Союз левых демократов волей-неволей является носителем всех этих практик, так что деятели Союза оказываются символом персональной непрерывной связи с коммунистическим прошлым. Людей, которые бы могли (о умении речь пока вообще не идет) апеллировать к этосу настоящей левой идеологии, этим деятелям взрастить не удалось, да они и не видели такой потребности, не говоря о том, что сами едва ли понимали суть дела: ведь они, скорее, не люди идеи, а прагматики, которых интересуют прежде всего механизмы власти, в том числе и внутри партии. Можно сказать, что коммунизм и то, что потом называли «реальным социализмом», привели к уничтожению левого этоса, что с редкой наглядностью видно в последовательных фазах преобразования ПОРП в СЛД.

В ходе этих преобразований рушится также единство посткоммунистической среды. Об этом пишет Агатон Козинский в статье «Рокош^[2] в СЛД? У Миллера мало времени» («Польша. The Times», № 99/2014): «Когда-то совместные публичные выступления Лешека Миллера и Александра Квасневского немедленно вызывали спекуляции на тему их потенциального союза; появлялись аналитические прогнозы

последующих этапов их негладкой дружбы, рассуждения, удастся ли им возродить былую силу левых в Польше. Но не на этот раз. Совместная конференция двух столпов могущества СЛД прошлого десятилетия, поводом для которой послужила публикация доклада о тайных тюрьмах ЦРУ, была только лишь и исключительно тактическим союзом для защиты доброго имени обоих политиков. После нее каждый пошел в свою сторону. Квасневский поехал в свой офис — он после фиаско проекта, в который ввязался в связи с выборами в Европарламент, заявил, что из политики уходит и (по крайней мере, пока что) слово держит. А Миллер отправился чистить авгиевы конюшни, в которые превратился нынешний СЛД. Потому что хотя в официальных выступлениях представители Союза и сохраняют каменное лицо, и с улыбкой на устах убеждают, что ситуация под контролем, но за кулисами там все кипит».

И должно кипеть: почти десять лет Союз лишен какого бы то ни было участия во власти, а это значит, что молодые его деятели, прошедшие прекрасную школу партийного безыдейного прагматизма, замаскированного только лишь фиговыми листками левых слоганов (из которых наиболее эффектные и эффективные, то есть антиклерикальные и социальные, перехватили активисты возглавляемой Янушем Паликотом группировки «Твое Движение»), не могут удовлетворить свои материальные потребности, которые реализуются на околоправительственных постах. А. Козинский пишет без обиняков: «Причина более чем очевидна — фатальные результаты на выборах местного самоуправления. Если такой результат на выборах в Европарламент можно было бы как-то рационально объяснить сильной конкуренцией со стороны ярких и узнаваемых имен списка «Твоего Движения» (подкрепленного поддержкой Квасневского), то такая отговорка по отношению к последним выборам уже не сработает. Оказалось, что король голый. СЛД, который под водительством Миллера должен был укреплять свои позиции как третья политическая сила в стране, начинает опасно приближаться к 5-процентному избирательному барьеру. (...) Похоже, что поиск баланса будет стоить СЛД много нервов, поскольку все еще не поставлен сколь-нибудь внятный диагноз, объясняющий такую слабую поддержку. (...) Однако партийная оппозиция, лицом которой является Гжегож Наперальский, (...) делает радикальные выводы. Ее главный упрек таков: Союз под руководством Миллера перестал быть привлекательным для избирателей и без видимых изменений столкнется с большими проблемами в преодолении избирательного барьера на предстоящих в следующем году

парламентских выборах». Дело, однако же, в том, что Наперальскому, который ведь также выполнял функции председателя партии, не удалось четко сформулировать, в чем же должны состоять эти перемены. И ничего удивительного: у него ментальность классического партийного аппаратчика, но при этом он не в состоянии показать даже тот уровень политической игры, который демонстрирует укорененный, как и Квасневский, в давнишних высших структурах ПОРП Лешек Миллер. Того хуже — Г. Наперальский этого не осознает.

Подводя итоги, А. Козинский пишет: «Непохоже, чтобы оппозиция внутри СЛД была в состоянии изменить положение. За резкой антимиллеровской риторикой не идут свежие концепции и идеи, способные увлечь электорат. Однако в пользу концепции дать Миллеру еще один шанс говорит совсем другое обстоятельство. Миллер встал у штурвала партии в очень трудный момент — в 2011 году, когда вверх круто шло Движение Паликота, стремящееся забрать у Союза его избирателей и его структуры. Бывший премьер оборонялся, призвав на помощь все сентименты по отношению к ПНР. И сделал это эффективно, поскольку СЛД по-прежнему сохраняет поддержку на уровне 8–9%, тогда как партии Паликота, в общем-то, уже нет. Но что бы о Союзе ни говорить, сегодня СЛД — самая главная партия на левом фланге политической сцены, а еще год назад это было не столь очевидно. Поэтому представляется, что Лешек Миллер заслуживает еще одного шанса. До выборов у него есть еще год, — достаточно, чтобы выплыть вместе с Союзом на более просторные, чем лишь посткоммунистические, воды. Если через год СЛД будет вновь иметь 8%, то тогда стремления его главы будут более чем обоснованными».

Так это смотрится с точки зрения интересов самой партии. Жаль, что в своем анализе Агатон Козинский не решился ответить на вопрос, насколько преобразования СЛД отвечают интересам Польши и ее граждан. Стоило бы вспомнить времена трансформации, когда едва живых посткоммунистов поддерживал Лех Валенса, говоривший о необходимости, во имя сохранения демократического строя, «укрепить левую ногу». Он укрепил ее до такой степени, что заблокировал возможность возрождения в Польше уничтоженного предшественниками Квасневского и Миллера аутентичного левого этоса. СЛД, конечно, не вечен, но чем дольше он существует, тем дольше делает невозможным создание демократического левого движения (хотя бы на манер западных социал-демократических партий), на отсутствие которого жалуются не только его потенциальные избиратели,

но даже и правые конкуренты — они чувствуют, что «что-то здесь не то», поскольку такие левые, каких представляет Союз, политической, а тем самым и стимулирующей к действию конкуренции для них не составляют.

1. Марш независимости — ежегодно проходящая в Варшаве 11 ноября, в День независимости Польши, демонстрация, организованная националистическими движениями. В последние годы празднование Дня независимости регулярно отмечалось столкновениями с полицией. — Прим. ред.
2. Польш.истор. *rokosz* (букв. 'бунт, смута') — восстание шляхты против короля. — Прим. пер.

ЕВРОПА БОИТСЯ ЧУЖОГО

Без границ никак. Не получается без них подчинять людей. Ездят куда хотят, болтаются туда-сюда, просто невыносимо. Именно поэтому постепенная ликвидация границ в современном мире порождает необходимость укрепления границ. Вот вам диалектика XXI века.

Как только в Европейском Союзе ликвидировали границы, а гражданам дали право свободно селиться в любой стране, оказалось необходимым это право у них отобрать.

Британский премьер Дэвид Кэмерон взял на прицел граждан т.н. «нового Евросоюза» — болгар, румын, поляков, которых, по мнению, британцев, слишком много; они отнимают рабочие места либо приезжают в Лондон только за тем, чтобы выклянчить социальное пособие. С этим покончено, мы закрываем ворота для такой иммиграции, объявил Кэмерон.

Британские любители заборов и шлагбаумов не принимают во внимание факты. Они не признают тот аргумент, что иммигранты из Центрально-восточной Европы больше вносят в их бюджет в виде налогов, чем изымают из него в виде социальных пособий.

Конечно, премьер Кэмерон не дурак. Он знает об этом. Но еще он знает, что должен получить голоса избирателей, которые охотно бы обтянули Британские острова колючей проволокой и ввели визы для всех иностранцев. Поэтому он возвещает об ограничениях, затрудняющих гражданам других стран ЕС доступ к британским социальным пособиям и льготам, даже если это противоречит европейским принципам.

Ничего удивительного, что новому главе Европейской комиссии Жан-Клоду Юнкеру, который только 1 ноября занял эту должность, уже спустя несколько недель пришлось отчитать британского премьера: «Нельзя всех поляков, румын или болгар, которые, в соответствии с правилами Евросоюза, ищут лучшей жизни в Великобритании, представлять преступниками», — сказал он.

Однако это проблема не только Кэмерона и англичан. В современном мире у каждой нации есть свое иммиграционное пугало, видение которого преследует ее по ночам. Британцы

боятся европейцев с Востока. Французы, итальянцы и испанцы боятся жителей арабских стран и Северной Африки. Немцы боятся мусульман. Они даже организуют шествия под лозунгом: «Прекратить исламизацию Германии». Русские боятся выходцев с Кавказа.

А поляки? Поразительно, но похоже, что, во всяком случае, пока они никого не боятся. Это следует из опроса, проведенного в конце ноября по заказу министерства внутренних дел. На вопрос об оценке роста числа иммигрантов 12% опрошенных поляков заявили, что испытывают к ним «явно позитивные чувства», тогда как 53% — что «скорее позитивные». Так что, в общем, целых две трети общества принимают присутствие иностранцев. Негативно к ним относятся 22%. Приемлемость иммиграции возрастает вместе с образованием — целых 75% людей с высшим образованием положительно относятся к иностранцам в Польше.

Это хорошая новость. Вольем, однако, в эту бочку меда чуточку дегтя. Ведь интуиция подсказывает, что в истолковании результатов этого опроса может крыться ошибка.

Маловероятно, чтобы поляки оказались исключительно устойчивы к воздействию вируса, который вызвал по всей Европе эпидемию ксенофобии.

Может быть, процент иммигрантов в польском обществе просто не достиг критического уровня, с превышением которого тревожные сигналы страха срабатывают в сознании большого числа граждан?

А может, иммигранты заняли специализированные, узкие ниши и не конкурируют с поляками за рабочие места и доступ к этим самым благам? Украинки, в большом количестве приезжающие в Польшу, становятся домработницами. Украинцы строят и ремонтируют дома. Они никому не угрожают, так как их потенциальные конкуренты оказывают те же самые услуги клиентам на западе Европы.

И все же появляются сигналы, указывающие на то, что настроения поляков могут измениться. За последние два года резко выросло число украинских студентов в польских ВУЗах. Во время демографического спада они стали спасением для учебных заведений, борющихся за выживание. В большинстве своем они оплачивают учебу и сами себя содержат. Поэтому может показаться, что их присутствие должно всех радовать.

Однако же недавно на интернет-портале gazeta.pl появилась статья о росте неприязни к украинцам среди студентов и

жителей Люблина. Журналистка написала: «Скоро украинский станет языком преподавания — жалуются польские студенты. Часть из них прямо говорит, что в люблинских ВУЗах слишком много украинцев. Их упрекают в том, что они не хотят учить польский язык, занимают общежития, а преподаватели смотрят на них сквозь пальцы». Если заменить названия национальностей, получилась бы точная копия мнения британцев о поляках.

Анна Шадковская-Ценжкая, представитель местных властей в Люблине, подтверждает, что настроения в городе меняются в неблагоприятном направлении: «Исследования, которые мы проводили в 2012 г., показали, что люблинцы, в принципе, не замечают иностранцев, так что их отношение к приезжим было тогда нейтральным. В 2014 г. было уже по-другому. Жители Люблина стали замечать иностранцев и, к сожалению, появилось больше негативных мнений».

Больше всего беспокоят, однако, процитированные в статье слова украинского студента: «Негативное отношение к иностранцам чаще всего проявляется у молодых людей. Со стороны пожилых я никогда не сталкивался с неприятным комментарием».

Кто-то сказал когда-то, что молодежь — это будущее народа. Ему явно не приходило в голову, что это может прозвучать, как угроза.

УКРАИНИСТИКА БЕЗ УКРАИНЦЕВ

На вопросы нашего издания о современных немецких исследованиях Украины ответил научный руководитель двухнедельной украинской летней школы, специалист по чешской и русской литературе профессор Александр Вёлль, председатель немецкой ассоциации украинистов. На момент беседы он являлся директором Института славистики, а по совместительству — заведующим кафедрой восточно- и западнославянской филологии университета им. Эрнста Морица Арндта в Грайфсвальде, на северо-востоке Германии.

Сразу после интервью наш собеседник был избран президентом находящегося неподалеку Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере и Слублицах. В телевизионном интервью по случаю своего избрания Александр Вёлль заявил, что хочет сделать из Виадрины в первую очередь польско-германский университет, но не обошел вниманием и украинцев. Он дал понять, что в связи с интересом, которое вызывает германская образовательная система у юных жителей этой молодой восточноевропейской демократии, Виадрине имеет смысл развивать германо-украинское сотрудничество в академической сфере.

— Какими языками вы владеете?

— В гимназии я учил латынь, потом — английский, французский, немного испанский. Далее в университете — русский, польский, чешский, словацкий. Сейчас я самостоятельно пытаюсь улучшить свой украинский язык. Я его не изучал, поскольку в Германии нет украинистики.

Только здесь в Грайфсвальде каждый, кто хочет исследовать Украину, может выбрать программу исследований Украины. Украинский язык можно изучать еще на нескольких кафедрах в Германии, но у нас есть лингвистика, литературоведение и страноведение в комплексе.

— В вашей краткой биографии на сайте Грайфсвальдского университета, есть нетипичный пункт: в 2008 году вы отказались от места в университете св. Андрея в Шотландии, то есть вы выбрали не развитую капиталистическую страну, а уголок постсоциалистического мира, более того —

Мекленбург-Переднюю Померанию, самый депрессивный регион даже по меркам Восточной Германии. Реакционные настроения — как со стороны правых сил, так и слева — сильнее всего в ФРГ как раз в здешней местной политике.

— Конечно, в Оксфорде это был большой шок для коллег. Однако я уверен, что это был правильный поступок с моей стороны. Оксфорд — интересное место, но учебный план — всегда один и тот же, как в школе в Германии. Да и студентов у преподавателя не так уж много, иногда приходится иметь дело с индивидуальным обучением. Студентам это удобно, но преподавателям быстро становится скучновато.

Я люблю сложные задачи, а здесь все было абсолютно не так, как надо. Надо было построить новую структуру украинской летней школы, улучшить функционирование института славистики. Когда я в течение четырех лет был деканом, я реструктуризировал весь факультет. Сейчас в институте славистики в Грайфсвальде и в научном колледже Крупа все так, как мне хотелось бы.

— Кто был отцом-основателем украинской летней школы? Какие идеи лежали в основе этого проекта у его истоков, в 1995 году?

— С сегодняшней точки зрения это была экзотическая идея. Здесь работал профессор Манфред Нимайер. Он был лингвистом и, кажется, работал в этом городе всю жизнь. После падения стены он решил, что здесь надо сделать что-то особенное, что-то другое, чем в остальных немецких институтах, занимающихся славистикой, потому что это так далеко от всех других учреждений. Он обсудил это с представителями немецкого научного сообщества, научным советом, с немецкими политиками в Бонне, и в результате в 1995 году была создана украинистика. Первым руководителем украинской летней школы был русский профессор Владимир Мокиенко, языковед, специалист по чешской литературе. Сегодня он работает в Петербурге. Следующим — стал я. Нимайер был директором института славистики, он русист, поэтому научное руководство украинской летней школой осуществлял сначала В. Мокиенко, а сейчас, вот уже пять лет, — я.

— Всего на Западе регулярно проходят две летние украинские школы. Чем отличается украинская летняя школа здесь от такой же в Гарварде?

— В Гарварде эта школа обслуживает, прежде всего, украинскую диаспору. Украинский Гарвард основан эмигрантами, там мышление и контакты эмигрантов, там другая атмосфера. Я знаю работающих там Джорджа Грабовича и Сергея Плохия. Когда я начал работать в Грайфсвальде, я решил, что для меня важна, прежде всего, компаративистика: изучение русских, украинских, славянских контактов в литературе, в языках. Важную роль играет в наших исследованиях и еврейская тема, т.к. в таких городах как Черновцы или Львов евреи до середины Второй мировой войны составляли более половины населения. Не менее важны и гендерные исследования – это сейчас почти табу как на Украине, так и в России. У меня была аспирантка Вероника Сухатская, которая сейчас работает в университете в Щецине, она написала диссертацию о ЛГБТ-литературе украинских эмигрантов в Канаде, охватив три поколения. Сейчас уже эти вопросы затрагивают не только эмигранты в Канаде, но и украинские ученые. Однако, когда начались разговоры о создании летней школы, один солидный украинский коллега спросил: «Алекс, как все это будет выглядеть?». Когда я рассказал ему об этом, он покраснел и гневно сказал: «Это украинская летняя школа, а не гендерная или еврейская. Так нельзя!» Но мне кажется, что эта концепция хорошо работает, т.к. из года в год у нас все больше участников, и, похоже, качество преподавания тоже становится все лучше.

— Какие основные рабочие языки в вашей летней школе?

— Это большая проблема, т.к. у нас есть студенты, обучающиеся здесь по программе «Эразмус», которые не очень хорошо знают немецкий и совсем редко знают украинский. Языки, на которых мы общаемся, — это немецкий и английский. Иногда славянские студенты не очень хорошо владеют английским языком, поэтому основной язык общения на грайфсвальдской украинистике — немецкий. У нас есть языковые курсы, вот там все говорят по-украински.

— Как изменился состав участников украинской летней школы за последние 19 лет?

— Сейчас у нас все больше аспирантов. С самого начала это были студентки из Дрогобыча. Раньше информации о школе было недостаточно, сейчас научный колледж Круппа обеспечил нам плакаты в разных университетах и научных учреждениях Германии, в других странах Европы и во всём мире. Теперь о нас знает больше людей.

У нас абсолютно международный состав учащихся, в прошлом году была аспирантка из Африки, в этом году — аспирантка из

Канады, учёный из Индии, трое итальянцев, сербка, не говоря уже о поляках. В последние несколько лет были учащиеся даже из Южной Америки, Франции, Британии. В течение одного вечера летней школы аспиранты могут представить результаты своей работы. Некоторые приезжают повторно.

— **Какая летняя школа была самая многочисленная?**

— В 2008 году, на волне надежд после Оранжевой революции. Тогда у нас было 80 участников, из них 35 аспирантов. Потом, когда пришёл Янукович, интерес схлынул, в этом году у нас всего 42 человека, из них чуть больше половины аспирантов. Примерно одна четвертая из них, то есть около десяти человек, — украинцы. Процент украинцев за эти годы снизился, т.к. хотя их общее число остается более-менее стабильным, растёт количество участников из других стран.

— **Если в каждой летней школе принимало участие десять-пятнадцать украинцев, то за прошедшие 19 лет в вашей украинской школе обучалось от двухсот до трехсот украинцев.**

— Да, сейчас больше аспирантов, раньше было больше украинских студентов.

— **Очевидно, что здесь повышает квалификацию будущая интеллектуальная элита — аспиранты, магистры, другие специалисты высокого класса ...**

— Мы тоже на это надеемся.

— **Возможно, за последние 19 лет многие бывшие участники летней школы сильно выросли. Скажите, пожалуйста, есть ли украинцы, которые за последний период сделали в Германии впечатляющую карьеру, заняли ключевые места в академической сфере, в других гуманитарных областях.**

— В Гуманитарном центре исследований истории и культуры Центрально-Восточной Европы в Лейпциге есть несколько человек. Есть и в Магдебурге. Они еще не профессора, они пока только доценты. В Регенсбурге работает госпожа доцент, написавшая исследование об Ольге Кобылянской. Во Фрайбурге тоже есть украинец доцент.

— **Но профессора среди них нет ни одного?**

— Профессоров пока нет. Чтобы стать профессором, надо прекрасно говорить по-немецки, защитить кандидатскую диссертацию, потом докторскую, надо иметь 30 публикаций и преподавать минимум пять лет. Обычно у наших выпускников

такие сложные биографии, что пока никому не удалось стать профессором в Германии.

— Массовая иммиграция из Украины в Германию идет уже четверть века, в том числе приезжают люди уже с научными степенями. 200–300 украинцев прошло только через грайфсвальдскую летнюю школу. Значит ли это, что сотни украинцев, многие из которых аспиранты или даже вообще кандидаты наук, недостаточно мотивированы и квалифицированные?

— Нет. В Германии примерно 60 профессоров славистики. За последние 10 лет было сокращено 45% всех славистик. За это же время ок. 15 этих профессоров ушло на пенсию, то есть было 15 возможностей стать профессором. В Германии славистика раньше была преимущественно русистикой. Если человек «вышел» из украинистики, то, чтобы стать профессором славистики в Германии, ему надо, к сожалению, в первую очередь быть русистом, а не украинистом. Это большая организационная проблема немецкой славистики, в этом смысле Германия не отреагировала на распад Советского Союза надлежащим образом. Я лично думаю, что в Германии нужно было бы создать минимум 5 профессорских должностей для специалистов по украинской филологии. Сейчас украинистика существует только в Грайфсвальде, где на украинистике учатся 20 студентов, а для того, чтобы открылось профессорское место, нужно минимум 150 студентов. Всего в Грайфсвальде учится 190 студентов-славистов. У нас на славистике работает три профессора, поэтому все коллеги думают, что тут — люкс!

Украинцам довольно сложно понять эту структуру, которая неадекватна германским ожиданиям будущего. Из двухсот-трехсот студентов-украинцев, которые закончили нашу украинскую летнюю школу, к сожалению, никто не смог занять одно из 60 предназначенных для славистов профессорских мест.

— Украинцы, которые попадают в здешнюю летнюю школу, изучают не только украинскую филологию, пожалуй, Украиной занимается меньшинство из них. Они изучают Польшу, Россию, другие славянские страны, многие — Германию или даже Америку, да что угодно. Может быть в других областях — не в сфере украинской филологии — кто-то из закончивших вашу летнюю школу украинцев стал в Германии звездой, профессором?

— Три или четыре года назад Теохарис Григориадис получил должность юниор-профессора восточной экономики в

Свободном Университете в Берлине.

— Но он, наверное, не украинец?

— Думаю, полу-грек, полу-украинец^[1].

— А вырос он в Греции или на Украине?

— Мне кажется, он долгое время жил на Украине, но отец у него грек. Мне кажется, что в Германии достаточно мало профессоров, которые были бы чистыми украинцами.

— На Украине много людей смешанного происхождения, от браков с русскими, евреями, греками, с кем угодно.

— Раньше самым известным был Олекса Горбач, его жена перевела на немецкий очень много украинской литературы. В Регенсбурге профессором славистики был Эрвин Ведель, он родился в Одессе, потом жил в Лодзи, а потом переехал в Регенсбург, по происхождению он русский немец.

Сегодня, мне кажется, что за последние пять лет у нас не было «чистого» украинского аспиранта, были поляки, восточные немцы, русская немка. Да, последние пять лет у меня не было украинского аспиранта.

— Даже если мы посчитаем, что Теохарис Григориадис — украинец, то получается, что в Германии за последние два десятилетия лишь один выпускник украинской летней школы стал профессором, да и тот грек.

— Оцените германский масштаб: 60 профессоров славистики, 100 профессоров по восточноевропейской истории, может быть, еще 10 — это профессора, специализирующиеся в восточноевропейской экономике и праве.

— А политологи?

— Их мало. Они есть только в Берлине... В Регенсбурге — один Мачкув, но он поляк. Может быть, максимально 250 профессоров из этой области на всю Германию. Конечно, украинцев среди них немного. Это ещё и наследие Советского Союза. У нас часто работали русские профессора, к примеру, профессор Игорь Смирнов в Констанце, но всегда это были люди из Петербурга или Москвы, они были в привилегированном положении, ведь у них были контакты. С Киевом, Одессой контактов было немного. Поэтому в Германии работает много русских и мало украинских профессоров.

— Вы сказали «много русских профессоров». Скажите – где? И были ли они учениками украинской летней школы? В России во время СССР славистика была довольно сильная, многие ученые из РСФСР изучали Польшу, Украину и другие славянские страны.

— Например, Генрих Киршбаум родился во Владивостоке, он сейчас юниор-профессор в Гумбольтском университете в Берлине. Но он не «чистый» русский, он русский немец.

— Ну, происхождение у многих смешанное, раз родной язык у него русский, значит этнически он русский.

— Он был бы абсолютно не согласен с этим утверждением, он бы сказал: «Я — не русский». [...]

— А может быть дело в том, что украинцы в Германии (а украинских студентов в Германии очень много) общаются между собой, обмениваются информацией и видят, что среди 200–300 закончивших вашу школу украинцев никто не сделал карьеры, поэтому-то и падает интерес к Грайфсвальду?

— Не думаю, потому что большинство участников не стремится стать профессорами, потому что, например, Александра Бинерт, Богдан Андросук, Кристоф Гильген не собираются делать академическую карьеру, они хотят работать в экономике, на маленьких предприятиях, которые сотрудничают с Украиной. Мне кажется, было бы интересно спросить у наших студентов, кто хочет писать кандидатскую, потом докторскую и работать в университете? Может 3–4 человека и нашлось бы. Наверное, у них совсем другие планы. Думаю, им просто не интересно заниматься теорией, провести жизнь за кулисами, просидеть ее в библиотеке. Они хотят, прежде всего, делать что-то конкретное, и зарабатывать все же чуть больше денег, чем в университете

— Многие люди идут туда, куда их берут. В бизнесе, особенно в смешанных предприятиях, едва ли возможно обойтись без носителей языка. Спрос также формирует предложение, а возможности формируют потребности, мотивацию.

— Если речь идет о мотивации, то еще пять лет назад каждый умел говорить по-русски, поэтому везде доминировали русисты. Сейчас ситуация изменилась, но все же еще пять лет назад человек, знающий русский язык, прекрасно жил на Украине. Просто, как мне кажется, прошло еще недостаточно времени.

— Вы – председатель германской ассоциации украинистов, кто из признанных на международном уровне исследователей входит в эту ассоциацию?

— Не надо идеализировать, в ассоциацию входит всего 40 человек. Из профессоров Франк Гольчевский из Гамбурга, Герхард Зимон, Рудольф Марк из Гамбурга, Элизабет Эрдман-Панджич из Бамберга, которая написала книгу об украинском философе Сковороде, Вальтер Кошмал, недавно издавший книгу о Шевченко, Юлиана Бестерс-Дильгер, автор исследования на тему украинской рекламы в 90-х годах — это, наверное, основные имена. У нас мало финансов, мало людей.

— Какой процент из этих сорока человек немцев, а какой – украинцев?

— Только Светлана Адаменко.

— В чем вы видите причину того, что американская ассоциация украинистов тесно сотрудничает с украинской диаспорой, а германская — нет?

— Ну, скажем, когда была жива Анна-Галя Горбач, а Олекса Горбач был профессором во Франкфурте, мы с ними сотрудничали. Они были магнитом, центром, тогда эмигранты играли в ассоциации какую-то роль. Сегодня — никакой. Эмигранты создают собственные организации: Кёльнское украинское общество, Дюссельдорфское украинское общество и так далее. Им этого достаточно. Мы ведь научная организация, а у них другие интересы, например, пропагандировать украинские танцы и борщ.

— Какие темы популярны в политологических и исторических исследованиях Украины в Германии в последнее десятилетие?

Например, Матиас Ниендорф занимается Голодомором, Бандерой, сотрудничеством с немцами во время войны. Это актуальные темы, которые важны сейчас политически. Сейчас особое внимание уделяется исследованиям памяти, т.е. того, кому и какие памятники стоят, какие появляются новые. Политологи изучают историю конституции, в том числе ее вечную проблему: сколько власти дать украинскому президенту, как его ограничить? Очень популярна гибридность, постколониальные исследования, которые очень популярны не только в Германии.

Сейчас мы являемся членами проекта в Санкт-Гааллене Ульриха Шмидта. У него много денег от швейцарского национального фонда, австрийского научного фонда и германского исследовательского общества. Кроме нас в проекте участвуют: Ольга Левицкая в Варшаве, Ярослав Грицак во Львове, они уже три года делают статистические исследования, анкеты. Проект называется “Region Nation and Beyond”. Я с коллегами — Йенсом Хертом и Маркусом Хоффманном — пишу очерки об украинской литературе, мы готовим публикацию. Кроме того, коллеги с Ульрихом Шмидтом пишут историю украинской литературы.

— Какие новые перспективы для исследования Украины появились в Германии после Оранжевой революции, которая здесь вызвала неподдельное восхищение у широкой общественности, и, возможно, рост стабильного интереса у профессионалов?

— Может быть, пять лет после нее на курсах украинского языка было в два раза больше людей, чем раньше, но это не значит, что много (в Грайфсвальде это было 15, а стало 30 человек). Политологи делали семинары – «Цветные революции». Конечно, больше интереса, но структура славистики не изменилась. Когда пришел Янукович, то преподавали здесь те же самые люди.

— Какие новые перспективы для германской украинистики вы видите после Евромайдана и последующей войны?

— Трудно сказать, это началось в ноябре прошлого года. Каждый день на первых полосах газет, в еженедельных журналах – Украина. Ещё пять лет назад я не мог говорить со своей родней в Баварии или бывшими одноклассниками об Украине, потому что они почти ничего не знали об этой стране. А сегодня они хорошо знают географию этой страны, отчасти политику. Каждый немец опасается Третьей мировой войны. Сейчас неясно, чем все это закончится.

Если начнется новая «холодная война», мы рискуем потерять все контакты с Россией. Возможно, это стимулирует развитие украинистики и откроет перед ней новые перспективы. Однако сегодня украинистика очень политизирована, и это нехорошо, когда политика так влияет на науку. Нынешнее положение несколько напоминает ситуацию с арабистикой, потому что там были революции, арабская весна, а потом германское государство дало много денег на ориенталистику, в частности арабистику (у меня есть друзья и коллеги в этой сфере), и

сейчас на соответствующих кафедрах вдвое больше людей. Увы, в украинистике пока такого нет.

— Часть активистов Евромайдана вышли на улицы, требуя облегчения визового режима, протестуя еще и против того, что визы сейчас русским получать проще, чем украинцам. Многие хотели бы, чтобы в перспективе между ЕС и Украиной был введен безвизовый режим. Очевидно, что многие молодые люди захотят переехать в Германию, главную страну ЕС, территориально близкую Восточной Европе — тем более, что в и без того небогатой Украине уже 2 года подряд наблюдается экономический спад. Какие советы вы могли бы дать украинцам относительно карьеры в академической сфере в Германии?

— После визового скандала с Украиной в 2005 г., когда из-за временного облегчения визового режима с Германией у консульств возникли огромные очереди, а в них расцвели криминал и коррупция, Йошку Фишера — тогдашнего главу МИДа — чуть было не отправили в отставку. Он объяснялся, оправдывался тогда почти 14 часов. Это был ужас. Поэтому сейчас уже никто из официальных лиц не обещает, что в ближайшее время украинцы получили безвизовый въезд.

Здесь — в Германии — важны публикации именно в немецких хороших журналах. У нас своя система оценки журналов, своя иерархия, но она другая, чем в Англии. В Британии и США все же больше гласности, система оценки более прозрачная, в Германии этого нет, никто не понимает правил публикации в журналах. Надо самому, при помощи знакомых и коллег, понять эти правила, найти дорогу. В англоязычных странах, все опубликовано, а нам приходится говорить с коллегами, всегда искать информацию изнутри.

— Ну, в Британии и США тоже некоторые вопросы решаются «по знакомству», работает телефонное право: *network corruption*.

— Да, у них важны магистральные и популярные темы, подходы — мейнстрим, кто-то говорит даже о «сетевом профессиональном организованном преступном сообществе» — „*network mafia*”. Но все-таки в Германии очень важно писать работу у хорошего профессора, у которого есть репутация, связи, возможности опубликовать твои тексты, найти для тебя работу. В США и Британии — не так, там все решается на конкурсной основе. У нас роль научного руководителя важнее, чем там.

В Германии в гуманитарной сфере то, что ты пишешь книгу по-английски, еще не гарантирует успех, т.к. мы связаны с немецким языком. Я не уверен, что в Германии коллеги хорошо отнесутся к кому-то, кто будет писать только по-английски. Значительная часть публикаций должна быть на немецком языке, как минимум 40%. Все основные публикации должны быть на немецком. В Италии, например, больше обращают внимания на англоязычные публикации ученого.

В Германии, в отличие от США, важен опыт работы за границей: не в стране, которую ты изучаешь — это как раз само собой разумеется (в нашем случае это Украина), но кроме этого, надо год или два проработать в какой-то другой западной стране. Лучше всего этот год провести на стажировке в США или Британии.

-
1. В биографии, размещенной на сайте университета в качестве родного языка Т. Григориadis указал только греческий. Прим. автора.

СОЛИДАРНОСТЬ ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Отношения между Польшей и Украиной после 1989 года не вернулись в избитую колею давних территориальных притязаний и счетов за обиды. В том числе благодаря активности и позиции независимых сообществ.

Центральная и Восточная Европа занимали важное место в политической мысли польской демократической оппозиции, убежденной, что свобода Польши теснейшим образом связана со свободой соседних народов.

Формирование дружественных отношений с восточными соседями требовало двух принципиальных решений. Первое — это отказ от территориальных претензий, то есть примирение с утратой Вильно, Львова и восточных окраин II Речи Посполитой, так называемых Кресов. Второе — отказ от попыток вернуться к ягеллонской идее или федеративным проектам, в которых наши партнеры видели лишь выражение польского империализма.

Сине-желтый флаг во Львове

Такая перемена геополитического мышления происходила постепенно. Начало можно датировать 1952 годом, когда парижская «Культура» опубликовала письмо ксендза Юзефа Маевского. «Как мы, поляки, имеем право на Вроцлав, Щецин и Гданьск, так и литовцы справедливо добиваются Вильно, а украинцы — Львова», — писал ксендз Маевский. «Пусть литовцы, которые переживают худшую судьбу, чем мы, радуются своему Вильно, а во Львове пусть развевается сине-желтый флаг», — продолжал он. Редакция подчеркнула, что хотя восстановление предвоенной ситуации на восточных землях «столь же невозможно, сколь и нежелательно», все же любые перемены должны быть приняты представителями заинтересованных народов. «Придет время, когда у украинцев, прибалтов и литовцы появится шанс добиться если не полной независимости, то во всяком случае настоящей автономии. Польша должна поддерживать интересы этих народов в Москве и защищать их от Москвы», — заявлял Юлиуш Меровский, что означало необходимость раз и навсегда отказаться от

Вильно, Львова, от каких бы то ни было польских попыток получить преимущества за счет названных народов.

В Польше свободная дискуссия на эту тему была невозможна. Однако важное выступление по этому вопросу прозвучало 17 сентября 1974 года в варшавском кафедральном соборе св. Иоанна. Отец Ян Зея говорил о праве литовского, белорусского и украинского народов на свободную жизнь и независимость: «Как бы могли мы забыть о тех ближайших к нам народах, с которыми когда-то жили в одной Речи Посполитой, называвшейся в конце своей истории Речью Посполитой Обоих Народов, которая в стремлениях лучших своих сынов действительно хотела быть таковой! Сегодня мы назывались бы Речью Посполитой четырех народов».

Свободная Польша в свободном мире

В середине 70-х годов вопрос отношений с соседними народами перешел из стадии символических жестов в политические программы нарождающейся оппозиции. «Мы не соседи с Россией. Наши восточные соседи — это Украина, Белоруссия и Литва», — заявил Польский альянс независимости, акцентируя отказ от территориальных претензий и необходимость примириться с «болезненной» утратой Львова и Вильно.

Проблематика соседних стран, анализ их исторических отношений с Польшей и концепции будущих взаимных отношений часто присутствовали на страницах изданий, выходивших вне цензурного контроля. С точки зрения польской антикоммунистической оппозиции, насколько Украина, поставленная в положение вассала Москвы, была брильянтом в короне советской империи, настолько же получение Киевом самостоятельности стало бы путем к распаду СССР.

В первом номере «Голоса», издававшегося Комитетом общественной самозащиты Комитета защиты рабочих, была напечатана совместная статья Яцека Куроня, Антония Мацеревича и Адама Михника под заголовком «Польское дело — русское дело». Это был сильный голос в пользу независимости Украины, Белоруссии и Литвы и в поддержку российских демократов, сопротивлявшихся московскому империализму.

«Без преодоления взаимной враждебности невозможна общность целей украинцев, литовцев, белорусов, поляков и русских. Отсюда вырастает программа действий: бороться с

ксенофобией и шовинизмом в собственном народе, ширить понимание свободолюбивых чаяний украинцев, белорусов, литовцев». Во времена II Речи Посполитой Польша «наравне с Советской Россией» участвовала «в политике раздела Украины, Белоруссии и Литвы», писали лидеры Комитета защиты рабочих в 1977 году. Счеты за прошлые обиды, однако, не должны перечеркнуть солидарность оппозиционных демократов, выступающих против советского империализма.

Восточноевропейская тематика занимала важное место на страницах независимого католического журнала «Спотканя». Во вступительной статье Януш Крупский назвал неприязнь к соседним народам — чехам, литовцам, белорусам — помехой на пути к независимости. Он указывал на опасность обращения к старым лозунгам возвращения Львова и Вильно, что омрачило бы отношения с литовцами и украинцами, которые от этих городов, разумеется, «отказаться не могут».

Уже в первом номере журнала «Спотканя» была помещена научно-историческая статья Юзефа Смаги «Украина по отношению к польской государственности». Прослеживая драматическую конфронтацию возрожденной в 1919 году Польши и стремящейся к свободе Украины, автор не скрывал убежденности, что за исторические неудачи и негативные для обоих народов последствия этой конфронтации следует, прежде всего, винить Польшу.

По вопросу будущего польско-украинских отношений высказался также украинский автор — Константин Заленко. Его вывод звучал: «Все дело в том, чтобы при появлении исторического шанса наши народы не оказались, с одной стороны, неподготовленными, пассивными, а тем более конфликтующими, а с другой стороны, — чтобы не уповали исключительно на добрую волю и помощь Запада».

В 1979 году, к 100-летию Семена Петлюры, «Спотканя» опубликовали воззвание «К братьям украинцам». В нем выражалось убеждение, что не может быть свободной Польши без свободной Украины, а свободной Украины без свободной Польши. Петлюра был для журнала не только героем антибольшевистского союза, заключенного с Пилсудским в 1920 году. «Это именно он, пламенный украинский патриот, одним из первых понял и полагал, что единственный путь для наших народов — это путь единения и взаимного компромисса».

Условия единения

Действующая в условиях угрозы советского вторжения «Солидарность» ориентировалась не на экспорт своей революции, а на ее защиту перед лицом внешней опасности. Под аккомпанемент маневров войск Варшавского договора едва ли следовало рассматривать планы идейного наступления в соседних странах. Единственным исключением в этом отношении было принятое съездом «Солидарности» «Послание людям труда Восточной Европы». Во внешнеполитическом отношении действовало требование геополитического самоограничения. Однако в оппозиционных группах, действовавших под знаком «Солидарности», продолжались независимые рассуждения о месте Польши в Центральной и Восточной Европе.

Одним из важнейших выступлений в истории этой дискуссии стало опубликованное «Независимым издательством» в 1981 году эссе Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма (замечки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков)». Липский, весьма авторитетный оппозиционер с большим стажем, коснулся темных пятен в нашей истории: чувства превосходства по отношению к другим и даже ненависти, польского шовинизма и национального эгоизма. Рассматривая нанесенные нам обиды, давайте не будем забывать о собственной вине перед другими народами, призывал Липский. «Ксенофобия и национальная мегаломания взаимно подпитывают и поддерживают друг друга. Мы знаем, как пострадала Польша от немцев и от русских. Но это не оправдывает перехлестывающих через край глупости и ненависти по отношению к этим народам; глупостью и ненавистью человек вредит сам себе. Фашиствующие украинцы запомнились нам в сороковые годы, но ведь тут иной, чем с Германией, счет обид и вин, что, однако, не помогает украинцам в массовом польском сознании».

Страстное, моралистическое эссе Липского было встречено пропагандистской атакой коммунистов, рьяно кинувшихся на защиту доброго имени поляка от оппозиционного «космополита». Текст также пришелся не по вкусу некоторым традиционалистским группам оппозиции. Однако эссе более десяти раз было напечатано в различных подпольных изданиях, пользуясь успехом у читателей. Оно было замечено и за рубежом, открывая возможность диалога со всеми соседями.

В польско-украинской дискуссии также принял участие знаменитый историк Збигнев Вуйцик. Единение с украинцами требует от поляков жертв. Они должны понять, что «этнически украинские земли, принадлежавшие польскому государству до

1939 года, должны войти в состав будущей Украинской Республики». Суверенные польское и украинское государства должны приступить к тесному политическому сотрудничеству. Это сотрудничество не означает, однако, «какого-либо возврата к идее федерализации, еще полвека назад разумной и верной, но сегодня полностью утратившей право на существование». Вуйцек понимал, что лелеемая в Варшаве идея не встретит ответного энтузиазма в Киеве.

«Обуз», «АВС» и другие

В том же 1981 году возникло первое оппозиционное издание, посвященное странам советского блока — «Обуз» («Лагерь»). Этот высочайшего уровня журнал, выходивший до 90-х годов, редактировали Ежи Таргальский, Ян Малицкий и Анджей Ананич. В серии «Библиотека журнала “Обуз”» вышло 16 книг, в том числе такие произведения, как «Утопия у власти» Михаила Геллера и Александра Некрича и «Политика и общество в советской Украине 1953–1980» Бориса Левицкого. В 1983 году редакция журнала, продолжая альтруистические традиции II Речи Посполитой, культивированные, например, Восточным институтом, организовала подпольный аналитический центр — Институт Восточной Европы. Институт Восточной Европы издал, в частности, «Историю Греко-католической церкви на Украине после Второй мировой войны».

После введения военного положения и ухода «Солидарности» в подполье многие оппозиционные сообщества отбросили прежние предубеждения и задумались над местом Польши в Центральной и Восточной Европе, над отношениями с соседними народами и будущем всего региона. Возникло несколько посвященных этой тематике групп и изданий, в которых велись дискуссии об общности судеб после Ялты и концепциях новой геополитики.

В 1984 году начал выходить журнал «АВС». Редакция (шефом был Бронислав Коморовский) заявляла, что это «независимое издание, посвященное проблематике народов и государств между Адриатикой, Балтикой и Черным морем». «АВС» напоминал о многовековом польском присутствии на Восточных Кресах, но принимал территориальные изменения после Второй мировой войны. О ягеллонской идее и концепции федерации писалось: «Мы далеки от намерения перенести эти идеи в современность, в совершенно иную политическую реальность. Однако хотели бы предостеречь: не следует отправлять на свалку попытки минувших поколений создать концепцию мира Восточной и Центральной Европы — мира,

основанного на взаимном уважении прав и стремлений народов. Так что подчеркнем: по нашему убеждению, будущий мир будет результатом согласия, союза и сотрудничества суверенных государств, созданных, в частности, народами бывшей Речи Посполитой Обоих Народов».

В 1985 году появился журнал «Новая коалиция» (главный редактор — Гжегож Костшева-Зорбас). Издание стремилось представить обзор международной информации и политической мысли, касающейся народов, заселяющих территории от Балтики до Балкан, — народов, которые «объединяет общность геополитических устремлений», то есть стремление к независимости и суверенитету, а также желание получить статус равноправного партнера в Европе. Путем к этой цели должно было стать сотрудничество в рамках коалиции народов Центральной и Восточной Европы. Необходимо преодолевать — вопреки московской политике «разделяй и властвуй» — конфликты, предубеждения, дурные традиции. У многочисленных территориальных споров нет перспектив. Единственный выход — это признание нынешних границ при гарантии полноты прав национальных меньшинств», — писала редакция.

Украине и польско-украинским отношениям был посвящен «Диалог» 1986 года. Издание намеревалось «разоблачать стереотипы, укорененные в сознании наших обществ. Мы живем и будем жить рядом друг с другом. И Мы, и Они лишены свободы, суверенитета, вынуждены принять чуждые нормы и ценности. Сегодня нас объединяет большее, чем разъединяет (...), от нас самих зависит будущее взаимных отношений. Наследуются не только свершения, — но также их отсутствие». Анализу проблем Украины был посвящен также первый номер журнала «Мендзыможе» 1987 года. Издание, выпускавшееся деятелями Польской социалистической партии, пропагандировало сотрудничество народов Межморья — от Балтики до Черного моря — как необходимость для освобождения из-под советского контроля. Поляки должны чувствовать особую ответственность за создание такого союза, поскольку несут значительную часть вины за неудачу этого проекта. Польша также обладает самым сильным движением сопротивления коммунизму, которое располагает подпольными издательствами, способными распространять идеи антисоветского союза.

Миссию распространения знаний о соседних народах и построения новых отношений продолжили в 80-е года известные, давние оппозиционные издания. Влодзимеж

Мокрый опубликовал в «Спотканиях» обширное исследование «Сегодня, вчера, завтра поляков и украинцев». «Польско-украинский диалог непрост, но есть надежда, что этот начинающийся трудный разговор поляков и украинцев не будет прерван, а пойдет по-партнерски и окажется конструктивным, ведущим к созданию прочных основ добрососедского сосуществования, служащего взаимному узнаванию и творческому взаимообогащению. Это станет возможным, когда побледнеют „красные ночи” Волини и „зарева в Бещадах”, все еще заслоняющие совокупность вековых польско-украинских отношений, которые развивались раз лучше, раз хуже, а иногда взрывались жестокостью, возможной только в гражданских войнах, отношений — меченных кровью, как в первой библейской семье», — такие слова появились в этом журнале в 1987 году.

Новым словом в дискуссии о регионе Центральной и Восточной Европы стал журнал «Неподлеглость» («Независимость»). Издание формулировало концепцию будущей Польши, зачастую идущую вразрез с политической линией главного течения оппозиции. Открыто выражало надежду на распад Советского Союза, декларировало поддержку антисоветской ирреденте и стремление к геополитическим переменам во всем регионе. Как утверждалось, условие освобождения Польши из-под советского доминирования — это изгнание России со всей территории бывшей Речи Посполитой. Поэтому оппозиция должна активно поддерживать отделение Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии и Украины, а проживающее там польское меньшинство должно получить все гражданские, национальные и религиозные права, что в свою очередь необходимо гарантировать всем национальным меньшинствам в Польше.

Открытые границы

В 1984 году четыре подпольные группировки — Организация Свобода-Справедливость-Независимость, Политическое движение «Освобождение», Либерально-демократическая партия «Независимость» и Политические группы «Воля» выступили с совместным заявлением по вопросу границ.

Восточным соседям Польши рекомендовали признать существующие границы, что позволит преодолеть конфликты, которые «многократно разделяли, ссорили и опасно ослабляли как поляков, так и украинцев, белорусов и литовцев». Границы все равно должны быть открытыми, а «польское меньшинство на Украине, в Белоруссии и Литве должно обладать полной свободой, дающей возможность сохранять идентичность и

развивать национальную культуру, то есть прочное наследие поколений должно быть сохранено», — предлагали польские оппозиционеры. Шагом в том же направлении стало «Заявление по вопросу принципов польско-украинского сотрудничества», принятое в 1987 году Конференцией украинских партий и политических организаций, Либерально-демократической партии «Независимость» и Организацией за независимость.

Попытки поддержки освободительных движений в соседних странах предпринимала «Борющаяся Солидарность», относившаяся к радикальному крылу подполья «Солидарности». Деятели «Борющейся Солидарности» тайно переправляли через границу публикации на русском, украинском, литовском и белорусском языках, а также полиграфическое оборудование для независимых групп в СССР. В программе 1987 года «Борющаяся Солидарность» подчеркивала, что польская сторона не имеет никаких территориальных притязаний ни к кому из соседей. «Мы полагаем, что надо оставить пограничные уособицы, мотивированные далеким или недавним прошлым, обиды выселений и т.п. Затем, чтобы не множить новых обид». В настоящее время границы государств региона или республик СССР должны остаться сохраненными, но при этом открытыми для людей и идей.

Разделенные во многих иных вопросах, деятели подпольной «Солидарности» по вопросу отношения к соседям Польши выказывали удивительное единодушие и дальновидность. Благодаря такой позиции в 1989 году в Центральной и Восточной Европе удалось отбросить наследие враждебности и взаимных обид, которые так отягощали в прошлом польско-украинские отношения.

Ян Скужинский — историк и публицист, профессор, главный редактор журнала «Свобода и солидарность. Исследования по истории оппозиции коммунизму и диктатуре». Автор многочисленных публикаций по современной истории Польши. Одна из последних его книг — «Сила бессильных. История Комитета защиты рабочих» (2012). Работает в Европейском центре «Солидарности».

РУССКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ПНР

После окончания Второй мировой войны, несмотря на то, что, с одной стороны, большое количество русских, проживавших на землях бывшей Второй Речи Посполитой, уехало на Запад, а с другой — оказалось на землях, присоединенных к СССР, или же переехало туда в рамках репатриации, на территории польского государства по-прежнему проживали представители этого национального меньшинства. По разным оценкам, их количество могло достигать 40, 80 и даже 100 тысяч, однако, наиболее правдоподобной представляется цифра 19–20 тысяч (Олейник 2003:525–529). Из этого числа, по оценке Лешека Олейника, около 2/3, то есть 12–13 тысяч, проживало на территории белостокского воеводства, причем, это были как православные сельские жители (в их число могли входить также белорусы, которые еще окончательно не осознали своей национальной принадлежности), так и старообрядцы, осевшие на этих территориях еще во времена Первой Речи Посполитой, когда они скрывались здесь от религиозных преследований. Кроме того, компактное проживание русских наблюдалось и в больших польских городах; таких как Варшава, Лодзь, Познань, Вроцлав, Гданьск, Краков, Пётркув-Трибунальский, Калиш. Среди россиян, проживавших на этих территориях, были как представители русской белой эмиграции, так и потомки бывшей царской бюрократии или военных, а также репатрианты из восточных воеводств Второй Речи Посполитой, которые были присоединены к СССР (Олейник 2003:527–529).

Отношения русского меньшинства с польскими коммунистическими властями нельзя назвать простыми. Главной причиной было довольно неплохое положение русских во время немецкой оккупации, что давало повод обвинить ее представителей в коллаборационизме и способствовало тому, что поначалу власти собирались трактовать польских русских наравне с фольксдойчами второй категории. Со страниц прессы звучали прямые намеки на то, что многие во время оккупации заявляли о своей русской национальности исключительно из конъюнктурных соображений. В конце концов, было решено, что те, кто принадлежал к существовавшему во время немецкой оккупации национальному русскому комитету, не будут подвергаться репрессиям, если их работа не была связана с антипольской деятельностью. Очередной причиной сложной ситуации русских в коммунистической Польше была

антикоммунистическая и антисоветская деятельность многих представителей этой группы в довоенное время. Впрочем, это стало также причиной того, что ими заинтересовались находившиеся в Польше отряды НКВД, особенно на территории Поморья. В одном только городе Торунь вскоре после его взятия Красной Армией, были арестованы и вывезены в СССР двенадцать проживавших там человек, русских, из которых в Польшу вернулись только пятеро. Несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, представители этого меньшинства очень скоро предприняли попытки реанимировать свою общественно-культурную деятельность. Первая такая попытка имела место в Лодзи, где по-прежнему существовала довольно многочисленная (около 1 700 человек) русская диаспора. Уже в мае 1945 г. более десяти человек из лодзинских русских под руководством юрисконсульта лодзинского православного прихода Владимира Эпштейна (одного из самых уважаемых представителей этого сообщества) предприняли попытку возобновить деятельность существовавшего до войны Русского Благотворительного Общества (РБО), направив соответствующее ходатайство в адрес городских властей. Вскоре после этого аналогичную попытку предприняли представители русской диаспоры в г. Пётркув. Однако обе эти попытки закончились неудачей, главным образом из-за сопротивления со стороны польского МИДа, поскольку в министерстве посчитали, что в связи с продолжавшимся процессом репатриации представителей непольских меньшинств в СССР, деятельность подобного рода организации является излишней, а кроме того, может способствовать тому, что люди русской национальности будут оставаться в Польше, что противоречило бы принципам договора о репатриации. Однако в конце концов действия в пользу возобновления деятельности этой организации увенчались успехом, благодаря инициативе русской варшавской диаспоры, которой удалось зарегистрировать в Варшаве 7 декабря 1946 г. статус РБО в общепольском масштабе. Благодаря этому вскоре удалось создать местные отделения РБО в названных ранее городах, а также в Беловеже. Был также назначен первый председатель возрожденного общества, им стал один из учредителей этой организации, бывший до войны депутатом и деятелем русского меньшинства Николай Серебренников. С момента своего возникновения РБО могло рассчитывать на поддержку православной церкви, которая, например, предоставила лодзинскому отделению этой организации свой приходский дом в качестве резиденции общества. Кроме того, в 1948 г. было издано несколько номеров внутреннего бюллетеня под названием «Звено». К 1950 году численность РБО составила 300 членов (AAN, MAP sygn. 718, k.

22–24; Golon 1993:205–208, 216–217; Olejnik 2001:351, 353–358; 2003:530–534).

Но деятельность общества натолкнулась на препятствия, чинимые со стороны властей. Одной из причин была упомянутая ранее довоенная деятельность председателя Н. Серебренникова, в связи с чем в марте 1949 г. правление РБО приняло решение отозвать его с поста и назначить на это место Елену Вакар. Несмотря на это, власти по-прежнему намеривались ликвидировать общество, однако в конце концов ограничились лишь рекомендацией изменить название организации, вследствие чего в июне 1950 г. был созван съезд, на котором было принято решение преобразовать РБО в Русское культурно-просветительное общество. В докладе Владимира Писаревича изменение названия обосновывалось тем, что «Социализм не признает благотворительности, которая является чем-то вроде подачки, социализм гарантирует всем право на работу, учебу и отдых [...]». Полемизировать с этой позицией пытался бывший председатель Николай Серебренников, однако в существовавшей тогда ситуации шансов на успех у него не было. Новым председателем организации стал довоенный журналист и эмиграционный деятель Георгий Соколов. Кроме него, в состав Главного правления входили вице-председатель Антонина Барчиковская, секретарь Владимир Писаревич, казначей Зинаида Артецкая, а также Дмитрий Шулин, Владимир Эпштейн, Дмитрий Соколов, Анна Шадрина, Антон Шаронов, Мария Кисель, Валерий Макшеев и Юрий Волковицкий. Главными целями общества были признаны: распространение как среди польских русских, так и среди других польских граждан информации о достижениях Советского Союза и его роли в укреплении коммунистической системы, а также повышение уровня социалистического самосознания представителей русского меньшинства в Польше. Предполагалось также постоянно пропагандировать русскую культуру, но при этом способствовать распространению социалистического содержания. Таким образом Общество стало более зависимо от коммунистического режима, однако одновременно оно получало частичное финансирование из бюджета государства, которое позволило ему создавать многочисленные культурные и просветительные организации. К крупнейшим среди них относились коллектив Русского драматического театра в Варшаве, лодзинский хор «Калинка», хор и театральный коллектив в Беловежи и мастерская художественных тканей в Войнове. Были созданы отделы РКПО в Варшаве, Лодзи, Беловеже (что интересно — здесь среди членов коллектива были преимущественно белорусы),

Пётркуве-Трибунальском, Познани, Сосновце, Ольштыне, Гданьске, Кракове, Вроцлаве. С 1952 г. возобновилось издание журнала «Звено», на сей раз в масштабе всей страны. Однако издание его прекратилось уже после выхода нескольких номеров (Olejnik 2003:534-537).

Несмотря на лояльность в отношении властей и тот факт, что многие члены Главного правления РКПО были членами ПОРП, власти по-прежнему с недоверием относились к этой организации, ввиду «белого» прошлого многих ее членов. Именно поэтому члены РКПО стали объектом слежки со стороны польской службы безопасности (Syrnyk 2008:224; AAN, SK PZPR 237/XIV-144, к. 2-3). Кроме того, в 1955 г. финансирование организации из государственного бюджета прекратилось. В результате 18 ноября того же года члены этой организации были вынуждены создать Хозяйственное управление, целью которого было изыскивать финансовые средства, при помощи управления специальными предприятиями, и направлять их на деятельность РКПО. По мнению Лешека Олейника, это решение нельзя было назвать правильным, ибо таким образом снижалась активность членов организации в области культурно-просветительской работы. (Olejnik 2003:536-537). Тем не менее, в тогдашней ситуации это был единственный способ, обеспечивающий Обществу возможность дальнейшего функционирования. Среди упомянутых предприятий были: Фабрика химических эссенций и пищевых паст (Варшава, ул. Лукиская 22), Мастерская региональных художественных тканей в Войнове, Фабрика по производству щеточных изделий (Варшава, ул. Радзиловская 5), Предприятие по производству бетонных изделий в Гданьске-Вжещ и в местечке Пщулки, Предприятие по переработке фруктов и овощей в Ящице, Хорнувке и Хенрикове, а также Предприятие по производству бакелитового пресс-материала в Пястове (AAN, SK PZPR 237/XIV-144, к. 20). К счастью, вскоре для организации польских русских, благодаря «оттепели» и «польскому октябрю» 1956 г., стала возможной более свободная деятельность. Именно в 1956 г. Главное правление объединило в своих рядах деятелей организации, ставших впоследствии ведущими лидерами, таких как: Игорь Гостинский и Пантелеймон Юрьев. В том же году в очередной раз возобновилось издание ежемесячника «Звено», а с 1957 г. началось издание еженедельника «Русский голос», который затем поглотил первое издание. Происшедшие в 1956 г. перемены дали возможность сформировать новые отделения РКПО в Габовых Грондах, Августове, Белостоке и Бельске-Подлясском, а в первой из названных местностей была открыта школа с русским языком как предметом преподавания (Olejnik

2003:537). Кроме названных ранее местностей, отделения РКПО существовали также в Люблине, Щецине и Торунь. Общество также создавало кружки любителей русского языка, в которые принимались и поляки. В подарок от СССР Общество получило киноаппаратуру, благодаря чему возник кинотеатр, в котором шли сеансы советских фильмов („Dziennik Łódzki”, nr 284 (3739)/1958, s. 3). Помимо всего прочего, политические перемены позволили созвать 21 декабря 1958 года, впервые после 1950 г., съезд Общества. В нем приняли участие 117 делегатов РКПО из 19 населенных пунктов (Августов, Беловежа, Белосток, Бельск Подляский, Эльблонг, Габовые-Гронды, Гданьск, Хайнувка, Клодзк, Краков, Легница, Лодзь, Олыштын, Познань, Пшемысль, Варшава, Водзилки, Войнов, Вроцлав) (Olejnik 2003:538; «Русский голос» № 7/1959, s. 1).

Как уже ранее упоминалось, в состав РКПО входили не только этнические русские. Например, согласно данным от 1954 г., нерусские (к которым, наряду с теми, у кого не было четкого представления о своей национальной принадлежности, могли относиться также представители смешанных с этнической точки зрения семей), составляли около 15% членов этой организации. Среди них были поляки (16 человек), белорусы (15 человек) и украинцы (5 человек) (Olejnik 2001:356–357). Кроме того, часть деятелей этой организации вынашивала идею о необходимости расширения деятельности также среди украинцев, белорусов и лемков, живущих в Польше. Это, безусловно, вызывало недовольство со стороны деятелей организаций этих меньшинств, например, главный редактор белорусской «Нивы» утверждал, что от «„Русского голоса” отдаёт „единой и неделимой”» (Olejnik 2003:537). Другим проявлением «кражи душ» со стороны членов РКПО была деятельность происходившей из этнических лемков Констанции Трохановской из Вроцлава, которая на рубеже 50-х и 60-х годов предпринимала попытки переманить местных лемков из состава Украинского Общественно-Культурного Общества (УОКО), по этой причине она стала объектом слежки со стороны СБ. Единственным результатом ее действий стал выход нескольких лемков из УОКО в Пешице и образование ими филиала русской организации (Syrnyk 2008:225). Однако для дальнейшей деятельности РКПО наибольшую угрозу представляли не столько конфликты с другими организациями восточнославянских меньшинств, сколько действия партии и властей, которые с конца 50-х годов вновь косо смотрели на ее инициативы. Претензии предъявлялись прежде всего по поводу хозяйственной деятельности: якобы зарплаты членов правления слишком завышены, устав организации не соблюдается, учет членов не ведется, а сбор членских взносов

прекращен. Контролеры Высшей палаты контроля предъявляли претензии к деятельности фирм, которыми руководило Хозяйственное управление РКПО, особенно критикуя чрезмерные контакты с частным сектором. В 1959 г. общество лишили его главной резиденции площадью 480 м², которую оно занимало много лет в гостинице «Европейская», — под предлогом перестройки помещения (там располагались театральный зал, русский клуб, редакция «Русского голоса» и офисы Хозяйственного управления). В конце концов, как РКПО, так и подчинявшиеся ему предприятия были распущены в июле 1960 г. (AAN, SK PZPR sygn. 237/XIV-144, k.81-81/2; Olejnik 2003:538).

Но несмотря на это, польские русские не сдавались. 21 апреля 1961 г. в Лодзи группа местных русских подала заявку на регистрацию Русского культурного общества «Звенья», резиденция которого должна была находиться в Лодзи. В состав временного Главного правления вошли: в качестве председателя — Пантелеймон Юрьев, в качестве первого заместителя — Владимир Эпштейн, в качестве второго заместителя — Зинаида Ринер, казначеем была избрана Оксана Крижановская, а секретарем — Надежда Русакевич. Устав организации был практически идентичен уставу РКПО. Польские власти проявили неожиданную благожелательность в отношении этой инициативы, произведя регистрацию в особом порядке в течение всего лишь нескольких дней с момента подачи заявки. В польском приложении к «Русскому голосу» под названием «Głos Rosyjski» в номере за июль 1961 г. был опубликован программный манифест нового Общества, написанный Пантелеймоном Юрьевым, в котором излагались главные цели организации: «Задачей, которую ставит перед собой новое общество, является распространение среди проживающего в Польше русского населения прогрессивной русской, советской и польской культуры. Общество популяризирует и распространяет традиции совместной борьбы русского и польского пролетариата. Вышеозначенных целей общество достигает путем организации центров распространения и популяризации русской и советской культуры и искусства, организации собраний, лекций, докладов и выставок. Уставом Общества предусматривается учреждение и возложение на себя руководства клубами, читальнями, библиотеками, а также организация кружков самообразования и клубных кружков, распространение книг и изданий на русском языке» („Głos Rosyjski”, lipiec 1961, s. 1). До конца 1961 г. в состав правления вошли также Станислав Юдзил и Виктор Сверж-Свержинский. В это время РКО «Звенья» насчитывало 762 члена, объединенных в 10 отделениях в

Варшаве, Лодзи, Вроцлаве, Гданьске, Белостоке, Ольштыне, Войнове, Августове, Габовых Грондах и в деревне Водзилки. В последующие годы образовались также отделения в Легнице и Кракове. Примерно в 1963 г. численность членов РКО составила свыше двух тысяч членов. В целом до середины 70-х годов в рядах РКПО и его преемников побывало от 5 до 9 тысяч человек. Несмотря на то, что РКО фактически было продолжателем дела РКПО, представители РКО «Звенья» официально отмежевывались от предыдущей организации по той причине, что она прежде была распущена. К счастью для этого ново-старого общества, польское МВД отнеслось к нему поначалу вполне благожелательно, выделив ему постоянную ежегодную дотацию и единовременную денежную поддержку в размере 5,2 млн злотых, что позволило организации выкупить уже не принадлежавшие ей ввиду задолженности предприятия РКПО. Свой первый съезд РКО «Звенья» организовало в июне 1962 г. На съезде избрали состав нового правления, в которое вошли: Григорий Рыбаков — председатель, Пантелеймон Юрьев и Виктор Сверж-Свержинский — заместители председателя, И. Ратанова-Гринман — генеральный секретарь и М. Рудлевский — казначей. Членами правления стали Анастасия Макаровская, Емельян Ефимов, Галина Острогорская, Виктор Нелипович, Констанция Трохановская, Петр Леонов, Семен Ермаков, Лев Микулин. 20 июня организация была переименована в Русское Культурное Общество (РКО). В свою очередь 28 апреля 1963 г. новым председателем правления стал Пантелеймон Юрьев.

В 60-е годы РКО продолжало осуществлять свою культурно-просветительскую деятельность через управляемые им театр, кинотеатр, библиотеки, читальни, танцевальные коллективы, группы чтецов-декламаторов, а также организуя мероприятия, пропагандирующие русскую культуру. Особенно активно действовало лодзинское отделение организации. Однако коммунистические власти в очередной раз начали предъявлять претензии относительно деятельности общества, обнаружив, что вопреки их представлениям, руководство новой организации не стало безвольным инструментом в руках власти. Ибо члены руководства РКО были сильно связаны с православной церковью, более того, среди них по-прежнему было много людей, происходивших из рядов белой эмиграции. Вследствие этих факторов 4 октября 1964 г. отказаться от поста председателя правления был вынужден Пантелеймон Юрьев, а его место занял партийный активист Георгий Тредьяковский. Новый председатель фактически саботировал деятельность общества. Например, в результате его действий, в 1967 г. собрание книг библиотеки лодзинского отделения РКО было передано Библиотеке им. Л. Варынского (Olejnik 2006:106). Более

того, несколько раньше, в середине 1965 г., из киосков «Руха» исчез редактированный бывшим председателем Юрьевым «Русский голос», который был переформатирован во внутренний бюллетень РКО. В статье под названием «Наши задачи», опубликованной вскоре после того, как это издание было сведено к формату небольшой, лишенной нумерации страниц, брошюры тиражом в 200 экземпляров, он обратился к членам организации, которую он вел фактически к упадку, со словами о благонамеренности своих действий: «Вступление в ряды Русского культурного общества не может носить спекулятивный характер, лица этого рода, рано или позже демаскируют себя, и тогда должны будут оставить наши ряды. Нам нужны члены идейные, активные общественные работники!» («Русский голос», № 2(228)/1965). Издание это окончательно закончило свою жизнь в начале 1968 г. Что интересно, во время событий 1968 г. РКО пользовалось благожелательным отношением со стороны коммунистических властей, которые подчеркивали лояльность и патриотизм членов этой организации, в отличие от членов Общественно-культурного общества евреев в Польше. Однако в это время деятельность РКО начала ослабевать...

В 1970 г. организация насчитывала в своем составе уже только 968 членов, объединенных в 6 отделениях в Белостоке, Варшаве, Гданьске, Войнове, Лодзи и Вроцлаве. Начал также давать о себе знать процесс старения членов организации, к чему приводила, в частности, прогрессирующая ассимиляция польских русских. В 1970 г. средний возраст членов правления РКО составлял 64 года. С группой старых деятелей, поддерживающих православную церковь (Владимир Эпштейн, Николай Иванов, Иван Женов), боролась фракция, связанная с ПОРП (Ирина и Филипп Холод, Евгений Горский, Георгий Матысяк и лидер этой группы Георгий Тредьяковский). Что интересно, в это время наибольшую активность начал проявлять белостокский филиал общества. Три года спустя, в 1973 г., численность членов снизилась до 417 человек. Хотя в 1970 г. новым председателем был избран Николай Иванов, однако обязанности председателя по-прежнему исполнял Г. Тредьяковский. 1 ноября 1973 г. власти назначили в принудительном для РКО порядке своего куратора в лице второго из названных деятелей. К этому моменту были уже распущены отделения в Войнове, Варшаве и Вроцлаве. Остальные отделения демонстрировали все меньшую активность, при этом, расходы на их содержание возрастали. В связи с этим упомянутый куратор подумывал о роспуске всей организации и включении ее в состав Общества Польско-Советской Дружбы (ОПСД). Он также размышлял над созданием

«Клубов Русской культуры» вместо существующих по-прежнему отделений РКО, в конце концов он все же склонился к первой идее, что получило одобрение у государственных и партийных властей (которые и без того уже давно на этом настаивали). В конце концов, 1 июля 1974 г. Георгий Тредьяковский назначили ликвидатором РКО. Со своей задачей он справился к концу декабря того же года. Имущество РКО отошло ОПСД. А все документы этой организации, относившиеся к периоду 1962–1973 гг., были сожжены 4 декабря 1974 г., это было сделано в котельной здания на ул. Венцковского 13 в Лодзи (резиденции правления РКО). Факт этот, безусловно, очень затруднил работу исследователей, занимающихся историей этой организации. Наибольшее сопротивление оказывало белостокское отделение РКО, насчитывавшее 92 человека, которые планировали даже действовать самостоятельно, однако в конце концов сдались и они. В результате общественно-культурная деятельность русского меньшинства в ПНР почти совершенно прекратилась, а ее возрождение стало возможным лишь после падения коммунистического режима в Польше. В демократических условиях возрождение деятельности русского меньшинства в Польше имело место в том отделении, которое дольше всех оказывало сопротивление властям, то есть в Белостоке. В настоящее время русское меньшинство в Польше представляет, продолжая традиции РКПО и РКО, Русское Культурно-Просветительное Общество (РКПО) в Белостоке, а отношения между польскими властями и русским меньшинством, а также другими национальными и этническими меньшинствами, регулируются Законом о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке от 06.01.2005 (см. интервью с Анджеем Романьчуком на сайте jestemstad.pl). Теперь остается лишь надеяться, что, несмотря на новое ухудшение польско-российских отношений, общественно-культурная деятельность русского меньшинства в Польше больше не будет объектом политического давления со стороны обоих государств.

Библиография

Источники

AAN — Archiwum Akt Nowych w Warszawie

MAP — Ministerstwo Administracji Publicznej, sygn. 718

KCPZPR — Komitet Centralny Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej, sygn. 237-XIV-144.

Пресса

„Dziennik Łódzki”, Łódź 1958

„Głos Rosyjski”, Łódź 1961

«Русский голос» Warszawa-Łódź 1959–1965

Сайты в Интернете

http://www.jestemstad.pl/materially/wywiady/Andrzej_Romanczuk_wywiad.pdf, dostęp 16.07.2014.

Литература

Golon Mirosław, Deportacje rosyjskich i ukraińskich mieszkańców Torunia do ZSSR w 1945 r. [w:] Mniejszości narodowe i wyznaniowe w Toruniu w XIX i XX wieku, red. Mieczysław Wojciechowski, Toruń 1993.

Olejek Leszek, Drugie Rozwiązanie przez władze polskie w latach 1945–1946 kwestii grup narodowościowych uprzywilejowanych w czasie okupacji niemieckiej [w:] Wrzesień 1939 roku i jego konsekwencje dla ziem zachodnich i północnych Drugiej Rzeczypospolitej; red. Ryszard Sudziński, Włodzisław Jastrzebski; Toruń-Bydgoszcz 2001.

Olejek Leszek, Kres autonomii. Rosyjskie stowarzyszenia w Łodzi po II wojnie światowej [w:] „Kronika miasta Łodzi”, nr 2/2006.

Olejek Leszek, Polityka narodowościowa Polski w latach 1944–1960, Łódź 2003.

Olejek Leszek, Polityka państwa polskiego wobec Rosjan po II wojnie światowej [w:] „Sprawy Narodowościowe – Seria Nowa”, t. VI (1997), z 2 (11).

Syrnyk Jarosław, Wojewódzki Urząd Bezpieczeństwa Publicznego we Wrocławiu wobec mniejszości rosyjskiej i tzw. środowiska białogwardyjskiego [w:] „Aparat represji w Polsce Ludowej”, nr 1(6)/2008.

«ПОЛИН» — МУЗЕЙ ЖИЗНИ

Недавно появившийся Музей истории польских евреев называли «Полин». По-древнееврейски это Польша; «по лин» означает еще и «отдохни». Это второе значение должны были услышать евреи, которые в средние века бежали с немецких земель на восток. Об этом напоминает музей «Полин», экспозиция которого выходит за рамки восприятия еврейской истории в Польше только сквозь призму Катастрофы. Музей напоминает, что евреи, помимо этого, нашли здесь также (в меру) спокойную пристань. Причем на сотни лет.

Как построить музей?

20 лет — ровно столько продолжался процесс возникновения в Варшаве Музея истории польских евреев «Полин»: от замысла до стараний получить поддержку польского правительства, через поиск средств от индивидуальных жертвователей до строительства здания и организации экспозиций. Это довольно долго, однако с сегодняшней перспективы можно признать, именно столько времени было необходимо не только для того, чтобы реализовать столь масштабный замысел, но и для того, а может быть, прежде всего, для того, чтобы перестать рассматривать польско-еврейские взаимоотношения главным образом сквозь призму Холокоста. Благодаря изменению подхода «Полин» смог возникнуть именно в той форме, в какой мы можем его теперь осматривать.

Источником вдохновения для создания в Варшаве музея истории польских евреев стал открывшийся в 1993 г. современный Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне. На церемонии торжественного открытия этого музея в столице США в числе гостей была и кандидат наук Гражина Павляк, тогдашний заместитель директора по делам развития в объединении «Еврейский исторический институт». Облик современного нарративного, повествовательного музея, в котором излагалась история Холокоста, подсказал ей замысел организации в Варшаве чего-то подобного. Одним из первых, кого пригласили сотрудничать в создании варшавского музея, был Йешаягу Вайнберг — автор концепции упомянутого музея Холокоста в Вашингтоне, а также прославленного Музея диаспоры в Тель-Авиве. Поначалу думали адаптировать для этой цели существующее здание Еврейского исторического института. Замысел заключался в расширении уже

действовавшей там экспозиции. Когда оказалось, что по техническим соображениям это невозможно, стали строить планы по возведению музея с нуля. Перед его учредительным комитетом встали конкретные задачи: найти средства, построить здание, а также решить, как рассказать саму историю.

Музей истории польских евреев — это первое в Польше публично-частное учреждение, созданное совместно правительством страны, неправительственными организациями и частными жертвователями. «С самого начала было ясно, что наше предприятие будет требовать значительной международной поддержки: иностранных правительств, фондов, а также обычных граждан. Возведение и оснащение подобного музея требует огромных финансовых средств, а их сбор — разработки соответствующей стратегической концепции», — эти слова Гражины Павляк мы можем прочесть в музее на проходящей сейчас временной экспозиции под названием «Как сделать музей?» На начальной стадии работы самой важной целью было получение от польского правительства поддержки и обещания помочь при реализации этого замысла. Такая официальная декларация, помимо (очевидных) финансовых выгод, значительно облегчила бы становление проекта на международной арене — а завоеванная известность и широкая огласка привлекла бы, в свою очередь, новых инвесторов. Вдобавок к этому позиция польского правительства была важна для зарубежных еврейских кругов, которые на первых порах довольно сдержанно относились к идее создания еврейского музея. У них, особенно у американских евреев, Польша ассоциировалась с кладбищем, оставшимся после Холокоста, с некрополем, где трудно было себе вообразить «музей жизни». Гражина Павляк проявила, однако, настоящую нестигаемость и начала с того, что занялась организацией экскурсий в Польшу для своих американских друзей. Долго ждать не пришлось, чтобы часть скептиков превратилась в неофитов, каждый из которых стал агитировать в своей среде за содействие строительству музея. Круги от данного проекта расходились все шире, обнаруживались люди, а также учреждения и организации, которые хотели участвовать в финансировании строительства и организации экспозиций. Благодаря средствам, полученным главным образом от частных лиц и фондов из Германии, Великобритании и Польши, появилась возможность дать ход детальной проработке проекта нового музея.

Огромным шагом вперед в процессе возникновения «Полина» был 2005 год. После десятилетнего существования на правах

общественной инициативы музей получил официальное признание властей и статус государственного проекта. На основании трехстороннего договора между министром культуры и национального наследия Польши, президентом столичного города Варшава (тогда им был Лех Качинский), а также председателем объединения «Еврейский исторический институт» (ЕВИИ) произошло своеобразное разделение обязанностей. Государство обеспечило землю под строительство, равно как обязалось оплатить часть расходов из публичных средств, в частности затраты на возведение здания и его оснащение. В свою очередь, объединение ЕВИИ обязалось профинансировать и организовать главную экспозицию. Функцию опеки над созданием музея взял на себя президент РП Александр Квасневский. С этого момента потребовался еще чуть ли не десяток лет интенсивного труда, чтобы дожидаться окончательного официального открытия музея с постоянной экспозицией. Строительство Музея истории польских евреев, оценочная стоимость которого должна была составлять около 160 млн злотых (27 млн долларов), в конечном итоге обошлось в 320 млн (около 55 млн долларов). Лишь на строительство здания было потрачено около 180 млн злотых.

Глядя на процесс строительства «Полина», следует признать, что оно представляло собой далеко не повседневную задачу, причем по нескольким соображениям. Во-первых, на нем была отработана уникальная (для инвестиции такого размаха) модель сотрудничества трех сторон: государства, города и гражданского общества. Во-вторых, по своему характеру указанная инвестиция стояла выше политических разногласий — с самого начала она пользовалась благосклонностью полного состава каждого правительства независимо от того, какая именно партия находилась у власти. В-третьих, на протяжении всего строительства этого музея дело ни разу не дошло до крупных скандалов и напряженностей. А при таком количестве финансирующих субъектов и при столь длительном времени реализации проекта это весьма неожиданно и отчасти удивительно. Даже архитектурный проект здания не возбудил каких-либо крайних эмоций. Выбранный по итогам конкурса оригинальный проект архитектора Райнера Махламьяки завоевал признание пластичной и высокохудожественной аранжировкой интерьеров.

Многозначное пространство

Здание музея расположилось в центре старого еврейского квартала Варшавы, именовавшегося Северным районом, на

месте бывшего комплекса зданий так называемых Волынских казарм. С ноября 1940 г. и вплоть до конца существования варшавского гетто эта территория находилась в границах закрытого района. В августе 1942 г., во время массовой акции по вывозу евреев в Трешлинку сюда перебрался варшавский юденрат. После Второй мировой войны зона вокруг Волынских казарм стала местом памяти о погибших в варшавском гетто. В 1946 г. здесь открыли первый, а в 1948 г. — второй памятник Героям гетто.

Там же возвышается и фронтально размещенный по отношению к этому памятнику музей «Полин» — одно из самых лучших с точки зрения проектировки зданий в Польше, которое по мастерству исполнения не уступает таким знаменитым зарубежным сооружениям, как Еврейский музей в Берлине или даже музей Гуггенхайма в Нью-Йорке. Проект финского архитектора Райнера Махламьяки получил множество наград, в том числе Чикагскую международную архитектурную премию «Атенеум» (The Chicago Athenaeum International Architecture Award), премию Евростойительства (Eurobulid Award) за 2013 г. и премию Объединения польских архитекторов (SARP) за лучший архитектурный объект, возведенный за публичные средства.

Здание музея — это минималистский объект, запроектированный на плане в форме квадрата. Одно из требований конкурса состояло в том, чтобы здание не доминировало над памятником Героям гетто. Проект Махламьяки удовлетворил этому условию, образуя компактную и скромную (но при этом весьма функциональную) конструкцию, все богатство которой заключается в аранжировке внутреннего пространства. Дело в том, что главный зал образуют высокие, волнообразные стены, разделяющие интерьер на две неравные части. Подобное драматически искривленное пространство с мягкими углами и фактурой известняка напоминает ущелье, которое отсылает к переходу евреев через расступившиеся воды Красного моря на пути к Обетованной земле. Но такой вариант интерпретации внутреннего пространства — далеко не единственный: характер конструкции создает атмосферу недосказанности, позволяет играть значениями и, благодаря своей неоднозначности, открывает широкое поле для других ассоциаций. А это, как утверждает автор проекта, приводит к тому, что здание не может быстро наскучить. Декан школы дизайна и визуальных искусств имени Сэма Фокса, профессор архитектуры Питер Маккейт добавляет: «Полная экспрессии конфигурация данного интерьера позволяет строить самые

разнообразные аналогии — скажем, с бурлящей волной, замкнутой пещерой, освещенным каньоном. Такие формы можно также истолковывать в контексте истории — как отсылки к опыту многих версий разделения и соединения: мгновенный откат расступившихся вод моря, соприкосновение и перемещение культур, драматический ход исторического процесса — однако все это без демагогической риторики и абсолютного символизма».

Необычайно пластичная конструкция главного зала, дополнительно озаряемого сверху естественным светом, приглашает посетителя внутрь, словно уже упомянутая расступающаяся перед ним вода. Интересно еще и то, что у главного входа в здание тоже есть символическое измерение, хотя оно и не входило в намерения творца указанного сооружения. Его форма напоминает древнееврейскую букву «тав», с которой на иврите начинаются слова «тарбут» (культура), «толдот» (история), а также «тэва» (ковчег). По признанию самого Махламьяки, это не было его сознательным выбором, а интерпретация входа в древнееврейском духе появилась уже в ходе строительства, однако вне всяких сомнений стала очередным достоинством проекта.

История должна быть правдивой

Создание постоянной экспозиции было для музея еще одним огромным вызовом. Само проектирование главной выставки продолжалось полтора года, над ее подготовкой работало 120 историков и музейщиков из Польши, Израиля и США. Серьезной проблемой в момент начала проектных работ над экспозицией была нехватка, неполнота или разрозненность сохранившихся источников и объектов. Поэтому было принято решение, что музей сосредоточится не на демонстрации экспонатов, а на рассказе истории. Большое влияние на внедрение в музей нового экспозиционного стиля оказал опыт Йешаягу Вайнберга, выдающегося музейщика, в частности создателя и директора музея Холокоста в Вашингтоне. Вайнберг решил, что «собирать, копить и демонстрировать объекты религиозного искусства либо оригинальные памятные предметы, уцелевшие из минувших эпох, хотя конечно же и является обязанностью всех исторических музеев, не исчерпывает его миссии, поскольку на сегодняшний день, чтобы передать следующим поколениям знания и опыт прошлого, особенно отдаленного и плохо документированного, этого уже мало». В своей работе он повторял, что музей — это повествование в трех измерениях, что там необходимо выстраивать ситуации и окружающую обстановку, а не только

показывать объекты. Именно такой и была цель постоянной экспозиции в Музее истории польских евреев — создание визуального повествования, которое покажет не одни лишь экспонаты, но наряду с ними расскажет о исторических явлениях и процессах.

Концепция нарративного музея не является чем-то новым в мире организации выставок и экспозиций. Современные музеи уже довольно давно отошли от эталона XIX века, в рамках которого доступ к экспонатам предоставлялся широкой публике в элегантных залах и сверкающих витринах, дабы посетитель (слушая или не слушая экскурсовода) с подобающим пиететом восхищался реликтами и раритетами прошлого. Вместо этого современные исторические музеи начали предлагать своей аудитории интерактивное повествование, в котором как раз сам музей должен рассказывать историю, а посетитель становится активным участником мультиконтекстного повествования. Экспонаты и мультимедийные материалы подбираются именно с точки зрения представляемой истории. Благодаря применению различных мультимедийных носителей посетитель сам решает, какой способ изложения этой истории для него предпочтителен. Впрочем, в Польше нарративный музей — тоже не новость, примером чего служит хотя бы музей Варшавского восстания.

В этом месте нужно сразу отметить, что для такого музея, как «Полин», выбор нарративного пути может быть как его силой, так и слабостью. Силой — ввиду сложного характера экспозиции, которая позволяет посетителям углубиться в подробности многовековой истории двух переплетенных между собой народов. Слабостью — потому что как раз эта сложность и мультисюжетность (заключающаяся в громадном количестве мультимедийных экранов, а также отрывочных, слабо систематизированных цитат) может вызвать у потребителя дезориентацию — прежде всего, ввиду избытка стимулов и отсутствия конкретной направленности.

Главное достоинство музея состоит в том, как рассказывается история. Создатели «Полина» не хотели, чтобы центральным пунктом всей экспозиции становилось уничтожение евреев (Шоа) в период Второй мировой войны. Поэтому из восьми залов, предназначенных для осмотра, только один посвящен Холокосту. Как написал в 1993 г. проф. Михал Фридман: «Необходимо сохранить и спасти от забвения тысячелетнее достояние польского еврейства, [...] но это не будет музей умершего мира. Он станет живым, развивающим, обучающим

и воспитывающим центром культуры». Посему главная цель музея — показать тесно переплетающуюся историю обоих народов на протяжении веков, а также вклад еврейского народа в развитие польской культуры, науки и экономики. «Евреи в течение нескольких сотен лет были частью Польши по собственной воле. Значительная часть польско-еврейского прошлого — это история богатая и сложная, но необязательно болезненная», — сказал на страницах «Газеты wyborczej» директор музея, проф. Дариуш Столя. Постоянная экспозиция рассказывает о судьбах евреев в Польше на пространстве десяти веков. По мере возможности такой рассказ ведется от лица свидетелей и участников, тогда как современный комментарий ограничен до минимума. Очередные залы раскрывают перед нами отдельные (разумеется, названные условно) периоды этой истории.

Экспозицию открывает инсталляция «Лес». При всей своей неприметности это существенная и очень символичная конструкция, которую зритель может воспринимать двояко. Размещенный на стеклянных плитах фрагмент (мультимедийного) лесного пейзажа, с одной стороны, вводит зрителя в легенду, касающуюся происхождения слова «Полин». С другой стороны, эта инсталляция — светлая, заполненная безмятежными звуками шелестящих деревьев — четко дает понять, что авторы экспозиции не хотят и не будут концентрироваться на смерти. Возможно, это утверждение сделано на вырост, но такой манифест действует на обычного посетителя, словно малая шоковая терапия — устраивает ему своего рода конфронтацию со стандартными картинками и ассоциациями, связанными с судьбой евреев в Польше, и поддает их сомнению. Это действует одновременно и успокаивающим, и стимулирующим образом. От легенд осуществляется переход к первым встречам с евреями, иначе говоря, ко временам средневековья, — к первым поселениям еврейских торговцев, прибывших с территории Западной и Южной Европы.

Благодаря хорошо развитому мультимедийному слою, десяткам цитат из всевозможных документов, а также огромному макету Кракова и Казимежа посетитель может вместе с купцами странствовать по всей Европе и внимательно присматриваться к поступательному движению еврейской культуры. Развитие еврейской культуры и экономики на землях Речи Посполитой ведет к очередной эпохе — так называемому *Paradisus ludaeorum* (буквально 'райскому саду', иными словами, к золотому веку истории евреев в Польше), то есть к временам между XVI и XVII столетиями. Любопытно, что

примерно этот же период считается вместе с тем Золотым веком и для всей Речи Посполитой. Очередные залы демонстрируют следующие этапы пути поселившегося в Польше еврейского народа: это времена модернизации, развития фабричной Лодзи в XIX веке, а далее, после экспозиции посвященной межвоенному двадцатилетию, период Второй мировой войны и Катастрофы.

Предпоследнему среди залов, ввиду его особого характера, следует посвятить отдельный абзац. Начать надо с того, что Катастрофа евреев во время Второй мировой войны показана в нем с перспективы жертв. Много места посвящено событиям из истории варшавского гетто, которым сопутствуют (размещенные на стенах) цитаты, в частности из «Дневника» Адама Чернякова^[1] и «Хроники варшавского гетто» Эммануэля Рингельблюма, историка и педагога, расстрелянного в его руинах. Большое впечатление производит также узкий проход и лестница с названиями выселявшихся улиц (от Сенной до Ставок), которая ведет вниз — прямоком на Umschlagplatz^[2]. Такое обыгрывание пространства усугубляет у посетителя тревожное чувство, что ступенька за ступенькой он опускается в низший из кругов ада. Представлено в экспозиции и функционирование немецких лагерей уничтожения, которые были образованы на территории оккупированной Польши. Конструкция соответствующей двухуровневой галереи, подбор, а также способ представления экспонатов должны, как утверждают создатели этого сооружения, вызывать у собравшихся то ощущение тесноты, скученности и репрессивности, которые повторяются в сообщениях евреев, загнанных в переполненное гетто.

Но на этом экспозиция не завершается, хотя, наверно, для многих конец Второй мировой войны — это точка, когда истории обоих народов разделяются. Последний зал показывает судьбы тех, кто пережил войну, и дилеммы, которые были с этим связаны. «Остаться или уехать?» Большинство уцелевших уехало сразу же в первые годы после войны — это было бегство от растущей волны антисемитизма, а также от погромов, которые имели место в Кракове или Кельце. Тех, кто тогда остался по своей воле, власти ПНР при помощи антисемитской травли принудили к отъезду в марте 1968 г.

Показать тысячелетнюю историю еврейского народа в нескольких залах — задача нелегкая. Трудно избежать стереотипных представлений и ложных интерпретаций (пусть даже неосознанных). Еще труднее — вглядываться в

собственное отражение в судьбах других. Музей истории польских евреев не уклоняется от трудных тем — таких, как польский антисемитизм. Последний по существу выступает в польско-еврейских отношениях в качестве их неотъемлемой части, поскольку первые свидетельства о нем восходят еще к самым начальным этапам совместной истории. Вот, например, текст раввина Майстерлина из Вилнер-Нойштадта, который сообщает, что во Вроцлаве евреи якобы «закупили семь облаток и оплевывали их». Таких примеров много (в числе других — хоть бы пасквиль первых десятилетий XVII века, в которых говорится, что «Польское королевство — это рай для евреев, ад для крестьян, чистилище для мещан и владычество для слуг»). Еще труднее такие проблемы, как Вторая мировая война и самые разные реакции поляков на гибель евреев в Варшавском гетто (в послевоенной Польше указанный мотив часто появлялся в литературных произведениях, скажем, Ханны Краполь, Казимежа Мочарского или Зофи Нальковской) либо укрывание еврейских семей (и связанный с этим общественный остракизм), а также события 1968 г. Подобного рода темы особенно трудны по той причине, что они все время продолжают жить в польском общественном сознании. Доказательством этого служат хотя бы реакция на фильм «Последствия/ Остатки после жатвы» (2012) режиссера Владислава Пасиковского, бурные дискуссии вокруг книг Яна Томаша Гросса или дискуссия, вызванная спектаклем Кшиштофа Варликовского «(А)поллония».

Антисемитизм — по-прежнему ли он остается частью польской идентичности?

В связи с возникновением такого музея невозможно обойти неудобные вопросы, например, является ли данная экспозиция в большей мере польской или же скорее еврейской? Ведь у жертвы один рассказ, а у свидетеля преступления — совсем другой. Директор «Полина» Дариуш Столя старается пресекать такого рода вопросы, указывая, что для него на первом месте стоит историческая правда, соответствующая актуальному состоянию наших знаний. И признается, что экспозиция говорит вовсе не одним голосом — ведь даже евреем можно быть разным: ортодоксальным, ассимилированным, бундовцем или сионистом.

Возникает, однако, вопрос о том, а какую, собственно говоря, функцию должен выполнять «Полин»? Ответы могут быть, естественно, разными в зависимости от того, о какой из групп, вовлеченных — прямо или косвенно — в возникновение и деятельность музея, ведется речь. О потенциальных

посетителях? Об учредителях? Начнем с самой Польши. Появление такого музея, несомненно, улучшило ее имидж на международной арене. В Европе при любом подвернувшемся случае тычут пальцами в польский антисемитизм. Можно привести пример известного фильма Би-би-си, снятого перед чемпионатом Европы по футболу 2012 г., в котором репортер этой медийной корпорации не советовал приезжать в Польшу, в частности, из-за высокого уровня антисемитизма. И вот двумя годами позже в Варшаве открывается Музей истории польских евреев. По этому случаю в газете «Нью-Йорк таймс» появляется статья, в которой журналисты с одобрением отмечают, что Польша выделяется на фоне остальной Европы, где антисемитские настроения угрожающе нарастают. Немного ранее в интервью для культурного портала «Либеральная культура» Марси Шор, американская исследовательница истории Восточной Европы, с энтузиазмом говорит об улучшившемся отношении поляков к евреям. Шор добавляет также, что рассматривает Музей истории польских евреев как символ зрелости польского исторического сознания готового принять еврейскую историю в качестве части своей. Польские газеты пишут о большом «возвращении евреев в Польшу». Другие с гордостью говорят, что ведь точно так же, как Польша без евреев была бы сегодня другой страной, так евреи без Польши не стали бы тем народом, каким являются сегодня.

В последние годы мы можем говорить о значительном росте интереса к еврейской культуре в Польше. Об этом свидетельствуют хотя бы разнообразные фестивали, связанные с еврейской культурой (в их числе ставшие уже знаменитыми Краковский фестиваль еврейской культуры, Варшавский фестиваль кинофильмов на еврейскую тематику или международный кинофестиваль «Еврейские мотивы»). Можно также наблюдать некое движение, связанное с возвращением к еврейским корням. Особенно это касается молодых людей, которые начинают охотно культивировать традиции предков. «Молодые поляки жаждут для себя прочного отождествления с чем-либо, — процитировал «Нью-Йорк таймс» директора музея Дариуша Столю. — Быть евреем, интересоваться еврейской культурой означает нечто исключительное, нечто слегка иное».

Однако не все являются такими оптимистами. Польский публицист Александр Смоляр^[3], в интервью для «Либеральной культуры» заявляет, к примеру, что прежде всего нельзя говорить ни о каком возвращении евреев. Максимум — это возвращение историй о евреях, поскольку евреи, погибшие в Катастрофе, уже никогда не вернутся. Сомневается он и в том,

что польский уровень антисемитизма якобы ниже, чем западный. И уж тем более не может быть и речи про какое-то закрытие вопроса об антисемитизме. Нам не следует быть наивными, даже если язык антисемитов несколько смягчился. Журналы правого толка, такие, как «Наша Польша», «Найвыжшы час» или «Наш дзенник» заполнены антисемитскими комментариями и пасквилями. В еженедельнике «Газета варшавска» после открытия Музея истории польских евреев написали, что это — красивый жест со стороны польских властей, который настоятельно требует благодарности и даже взаимности со стороны еврейского народа. И добавили: «Наша польская детская наивность, а если говорить напрямую, глупость, заключающаяся в вере (для которой нет никаких оснований), будто кто-то настолько же искренне стремится к примирению и дружбе, в очередной раз должна спуститься с облаков на землю. Оказывается, этот Музей истории польских евреев — всего лишь очередной элемент созданной с циничным расчетом безупречной мозаики под вывеской „предприятие Холокост”». Вместе с открытием «Полина» стали также раздаваться голоса, что, коль скоро в Польше возник музей меньшинства, то почему же еще нет музея большинства, иными словами, нет комплексного музея истории Польши. Даже если в таких высказываниях и не звучит антисемитская нотка, косвенно они артикулируют некую проблему, связанную с комплексом собственной истории, которая в недостаточной степени выдвигается на передний план. Утешительной новостью может быть, однако, то обстоятельство, что, как продолжает Смоляр, хотя польский антисемитизм и распространен, он вместе с тем относительно мелок, анахроничен и лишен политического напора. Важен еще и тот факт, что польское общество начало задавать себе трудные вопросы и инициировать дебаты — зачастую неудобные — на тему евреев в Польше. Имеются в виду хотя бы дебаты по поводу местечка Едвабне^[4]. И хотя подобные дискуссии нередко болезненны, однако в обществе все-таки существует потребность во внятном разговоре на эту тему, желание осмыслить и понять, как строятся взаимоотношения между обоими народами.

Где же во всем этом найдет себе место «Полин»? Существуют опасения, что даже для евреев данный музей может оказаться отнюдь не столь интересным, как памятные объекты, сохранившиеся после Холокоста. Например, для молодых израильтян и американцев еврейского происхождения организуются экскурсии в Польшу, так называемые марши живых, цель которых состоит, среди прочего, в том, чтобы напомнить о страданиях и одиночестве еврейского народа.

Некоторые боятся, как бы дело не закончилось тем, что в музей будут заглядывать одни лишь школьные экскурсии. Что же касается директора «Полина», то он, похоже, не совсем знает, каким образом, например, достучаться с идейным посланием музея до тех, кто вовсе не желает его слышать. Однако перечисленные выше опасения — это всего лишь не слишком отчетливые предчувствия. А пока Дариуш Столя приглашает в музей и предлагает побеседовать: «В моем воображении рисуются дискуссии в музее, исходной точкой для которых служит история польских евреев, но вместе с тем эти дискуссии затрагивают и современные проблемы, например, связанные с сегодняшней национальной идентичностью. Ведь экспозиция обращается к таким вещам, которые актуальны прямо сейчас. Мне нравится, что главные споры минувшего 25-летия были спорами историческими, и я считаю дискуссии о польско-еврейской истории одним из самых крупных достижений независимой РП. В них — одна из причин, почему я люблю мою страну: здесь люди считают, что прошлое важно».

Свое высказывание он завершает фразой: «Прошлое — это одна из тех немногих вещей, которые у нас общие».

-
1. Адам Черняков (1880–1942) — инженер-химик, до войны советник еврейской религиозной общины, член городского совета Варшавы, сенатор РП, во время оккупации президент так наз. еврейского совета (юденрата) варшавского гетто; 23 июля 1942 г., в день начала акции по вывозу евреев из варшавского гетто в Треблинку, покончил жизнь самоубийством. Здесь и далее прим. пер.
 2. Umschlagplatz (буквально: перевалочный пункт) — так называлась площадка около одной из железнодорожных веток, куда в 1942–1943 гг. стогнали евреев Варшавского гетто для погрузки в эшелоны перед отправкой в лагерь уничтожения (Треблинку, Белжец и др.).
 3. Александр Смоляр — автор переведенного на русский сборника эссе «Табу и невинность», где «еврейскому вопросу» посвящено много внимания.
 4. 10 июля 1941 г. в местечке Едвабне еврейская община была уничтожена местным польским населением. То же самое произошло еще в нескольких местностях, расположенных поблизости. Эти преступления долго приписывали немцам, лишь в 2000 г. Ян Томаш Гросс в книге «Соседи» описал, используя свидетельства очевидцев, подлинные события в Едвабне.

«БЛИЗКИЙ НЕЗНАКОМЕЦ»: СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ПРЕОДОЛЕВАЕТ ГРАНИЦЫ

Калининград, Клайпеда и Гданьск — когда-то Кенигсберг, Мемель и Данциг — города с очень похожей историей. Города, в которых практически — или даже совсем — нет коренных местных жителей. Конечно, уже не одно поколение выросло «местным», но предки жили если и не далеко, то все равно не здесь, а бабушка вспоминает, что когда она приехала... Города, где жителям приходится самостоятельно выстраивать свою идентичность, осваивать исторические декорации, раскапывать и реставрировать — или сравнивать с землей чужое прошлое. Города, в которых нарушена своего рода культурно-территориальная преемственность.

Кроме того, все три города неразрывно связаны с морем, но оторваны друг от друга. Гданьск от Клайпеды отделяет меньше трехсот километров, но чтобы попасть из одного города в другой, полякам и литовцам приходится проехать все восемьсот — в объезд Калининградской области. Из Гданьска ничего не стоит поплыть в Швецию, из Клайпеды ходят паромы в Германию, но между двумя городами пролегла пропасть, имя которой — транзитная виза.

— В прошлом году мы были в Гданьске, — рассказывает литовский художник Роландас Марциус. — Мы были просто поражены, что так близко есть такой большой, такой красивый город!

Возможность активного культурного обмена гданьских, клайпедских и калининградских художников, кураторов и критиков появилась в начале 2013 года, когда стартовал проект «Ближний незнакомец» (Close stranger), нацеленный на улучшение взаимопонимания между жителями, а также институциями, работающими в сфере современного искусства в трех партнерских городах. В проекте принимали участие Клайпедский центр культурной коммуникации, Балтийский филиал Государственного центра современного искусства в Калининграде и Центр современного искусства «Лазня» в Гданьске. Финансировался проект из средств Евросоюза в

рамках программы приграничного сотрудничества Европейского института соседства и партнерства.

В начале «Близкого незнакомца» художники, писатели, журналисты, кураторы из трех городов поехали в арт-экспедицию из Гданьска в Калининград и Клайпеду, чтобы на основе своих впечатлений составить арт-путеводитель, который выйдет в Калининграде на четырех языках — английском, польском, русском и литовском. Кроме того, художники, арт-критики, фотографы из трех стран побывали на резиденциях у «соседей», а затем осуществили у них свои проекты — инсталляции и интервенции в городское пространство. В гданьской «Лазне», калининградском ГЦСИ и клайпедском Центре культурной коммуникации прошли персональные и совместные выставки, которые сопровождались образовательными программами для детей, мастер-классами и лекциями, благодаря чему дети и подростки могли не просто увидеть выставки, но и принять участие в творческом процессе, почувствовать себя современными художниками.

В Гданьске, например, прошла “Russian Red” — выставка известного калининградского художника Юрия Васильева, построенная на многозначном сочетании белого и красного. Она включала в себя видео работы, снятые в русской деревне, в которой с каждым годом становится все меньше жителей. Лейтмотив всех видео — снег: вот на входе в зал «Лазни» человека в ватнике на фоне красной стены забрасывают снежками, и это одновременно и игра, и насилие; вот мужики катят по полю огромный снежный ком, свой сизифов труд; вот ровные, заботливо слепленные булочки-снежки отправляются в печку, в огонь, и красное пожирает белое без остатка.

Большая выставка куратора Евгения Уманского, названная «9 000 км», прошла и в Гданьске, и в Клайпедде, хотя ее состав менялся. Видео, снятые разными художниками на всем пространстве от Калининграда до Владивостока, создают художественную панораму России, жизни отдельных людей и городов. Вот «Монстрация» в Новосибирске, а вот девушка в начале двухтысячных бреет ноги, надевает чулки, красится и идет на свидание.

Литовская художница Кристина Инчюрайте и арт-группа «Культиуристкi» (Cooltūristės) показали в «Лазне» и в Калининграде работы, объединенные под названием «Встреча. Украденное прошлое», где истории героев развиваются на фоне архитектурных символов, в том числе, на фоне архитектурных реликтов советского времени. В них говорит реальность

огромных опустевших объемов и заброшенных пространств, таких как подъемник на пляже в Светлогорске или уже не существующая мозаичная детская площадка — «Космический детский сад», замок мечты, которой больше нет.

В Калининграде были показаны «Три сна» Витослава Червонки — одного из первых польских художников, начавших работать в жанре видео. Его же выставка «Источники» состоялась в Центре современного искусства «Лазня-2» в гданьском Новом Порте и была посвящена богатой истории и довольно печальной современности этого района, на ревитализацию которого направлена деятельность «Лазни-2».

«Близкий незнакомец» приоткрыл жителям трех городов не только современную арт-сцену соседей, но и сцену музыкальную. В рамках проекта прошла серия резиденций саунд-художников и три фестиваля экспериментальной музыки “Sound around” во всех трех городах.

Сейчас проект, рассчитанный на 2 года, подходит к концу. Завершающая выставка, включающая работы художников, созданные в ходе резиденций, была показана в Клайпеде в октябре-ноябре 2014 года. В выставочном зале Центра культурной коммуникации открылась экспозиция «9 000 км», а затем зрители и все желающие отправились на экскурсию по инсталляциям и объектам современного искусства, появившимся к этому дню в старом городе. Провел ее директор Центра Игнас Казакавичюс. Шестеро художников (и групп художников) из трех стран работали каждый в своем стиле и жанре над интерпретацией важных тем настоящего и прошлого Клайпеды. Привычные набережная, театральная площадь, стены, улицы и даже газоны преобразились — некоторые на один вечер, некоторые на несколько дней или недель, отдельные объекты останутся в городском ландшафте надолго.

Даниил Акимов, саунд-художник из Калининграда, записывал звуки портового города, чтобы разместить их в неожиданных местах, там, где ухо прохожего не привыкло улавливать ничего подобного, таким образом его инсталляция, названная «Меня звуковой ландшафт Клайпеды», нарушила привычный порядок восприятия окружающего пространства.

Со звуком работает также мультиинструменталист Донатас Белькаускас. Его инсталляция представляла собой традиционный литовский коммуникативный ударный инструмент — табалай, состоящий из подвешенных деревянных пластин и молотка. Деревянная конструкция

привлекала внимание многих пешеходов, не только дети, но и взрослые не могли удержаться, чтобы не постучать в нее, и эта игра отсылала к тем далеким временам, когда наши предки передавали друг другу сообщения иначе, чем по смс и электронной почте.

Михал Подгурчик и Кая Побережны (дуэт гданьских архитекторов) предложили Клайпеде яркие объекты — красные качели на двоих, на которых было нанесено расстояние в километрах между приморскими городами. «Соседи» могли встретиться на них лицом к лицу, преодолевая барьеры. Мини-площадка, названная «На качелях с незнакомцем», осталась на Театральной площади и после открытия.

Еще один постоянный объект смонтировала на стене в старом городе калининградская арт-группа «Сан Донато». Это первый за долгое время случай, когда городские власти разрешили художникам вмешаться во внешний вид городских стен. Гигантский вырезанный из металла QR-код считывается как «Здесь могло бы быть ваше граффити», отсылая к запрету на граффити в историческом центре Клайпеды. Как рассказывает один из участников группы, Евгений Уманский, QR-код не был первой идеей создания арт-объекта в Клайпед: «Сначала мы хотели использовать стену ремонтной судовой верфи и сделать на ней мозаику — воспоминание о „ракете“, катере, который в советское время ходил из Клайпеды в Калининград. Но директор верфи не согласился, сказав, что напоминания о советских временах не вызывают у него положительных ассоциаций. Зато проект понравился гданьской „Лазне“, может быть, удастся реализовать его там».

История и память, как личная, индивидуальная, так и общая, стали источником вдохновения инсталляций литовской художницы Лореты Таллат-Келпшиене и польки Эвы Кобылярчик. Первая вмонтировала в землю зеркальные формы, напоминающие калейдоскопы с янтарем, заставляя прохожих посмотреть под ноги и вспомнить свое детство — когда-то все мы закапывали в землю «секретики» из фантиков и стеклышек. Эва Кобылярчик «забинтовала» городские раны памяти рыбацкими сетями: черная вуаль покрыла ветви деревьев, фонари, скамейки на набережной Дане, создавая таинственную и загадочную атмосферу. По словам художницы, Гданьск, Клайпеду и Калининград объединяет общая история, а меланхолическая осень — лучшее время, чтобы об этом задуматься.

Михал Подгурчик, один из участников выставки, рассказывает: «Думаю, что проект, прежде всего, был интересным опытом

для художников, опытом работы с неизвестным, встреч с коллегами и возможности узнать своих соседей — таких непохожих, хотя и таких близких».

Может быть, следующий проект будет называться «Старый знакомый»?

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

— Этот фильм триумфально идет на разных фестивалях и на экранах кинотеатров, — сказала о фильме Павла Павликовского Агнешка Холланд. — «Ида» удивительно чиста и скромна в плане художественных средств, а при этом безукоризненно логична, неоднозначна, поражает простотой своей формы и одновременно ее рафинированностью.

Наиболее престижные награды для фильмов Старого Света — Европейские кинопремии (ЕФА) вручались 13 декабря в Риге. Черно-белая, камерная «Ида» победила во всех главных категориях: лучший фильм, режиссура (Павел Павликовский), сценарий (Павел Павликовский и Ребекка Ленкевич) и операторская работа (Рышард Ленчевский и Лукаш Жаль). Кроме того, удостоилась еще и специальной премии публики. Фильм рассказывает историю послушницы Анны, которую во время войны спрятали в монастыре от немцев. Анна — еврейская девочка, о чем уже взрослой она узнаёт от тети Ванды, судьи-коммуниста с прокурорским прошлым в период сталинизма. Обе отправляются в странствие, которое должно им помочь узнать не только трагическую историю их уничтоженной семьи, но и правду о собственной идентичности. С момента премьеры «Ида» оказалась осыпанной номинациями и премиями на ключевых конкурсах и фестивалях, в частности в Гдыне, Торонто, Лондоне и Лос-Анджелесе.

17 декабря — новый триумф «Иды». Картина получила в Европейском парламенте премию «LUX» для фильма, утверждающего европейскую культуру и европейские ценности. Премию вручил в Страсбурге председатель Европарламента Мартин Шульц.

— Павел Павликовский, анализируя в фильме «Ида» процесс взросления, показал нам пучину европейской души в ее самых темных глубинах, — сказал Шульц.

Он также подчеркнул, что европейские фильмы помогают лучше понять собственную историю и историю соседей, а также достичь того, к чему мы стремимся, то есть преодоления национальных границ.

Получит ли «Ида» Оскара, мы скоро узнаем: 15 января 2015 года будут названы номинанты, а 22 февраля — победители.

Зато трудно говорить об успехе последнего фильма Кшиштофа Занусси. Его картину «Инородное тело» (на экранах кинотеатров с 5 декабря) критика приняла более чем сдержанно, появилось также несколько откровенно язвительных рецензий. Это фильм о молодом итальянском католике, который попадает в Польшу в большую корпорацию, где руководство не приемлет его религиозные принципы. Он чувствует себя преследуемым и «становиться жертвой настоящего моббинга» со стороны агрессивного феминистского лобби.

«Замысел Занусси защитить попираемую сегодня добродетель и во времена всеохватной постмодернистской неопределенности вступить за то, что однозначно, — этот замысел, возможно, и благороден, только вот в фильме он превращается в собственную карикатуру, — пишет Яцек Вакар в «Культуре либеральной». — В этой картине трудно принять и предложенный образ корпорации, и образ христианской веры».

Вакар подводит итог последним работам 75-летнего режиссера, автора таких ценимых фильмов, как «Структура кристалла» и «Защитные цвета»: «Свой последний удачный фильм он снял в 2000 году. Это была «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем». Впрочем, удачу во многом определила прекрасная роль Збигнева Запасевича. А потом довелось еще посмотреть «Персону нон грата» (2005). Тем большую досаду вызвало у меня «Инородное тело». На наших глазах важная глава истории польского кино, похоже, безвозвратно заканчивается».

Можно полагать, что и зрительные залы придут к аналогичному мнению.

Как всегда, в декабре в прессе подводились итоги культурных событий уходящего года. Тадеуш Соболевский, оценивая фильмы, вышедшие на экраны в 2014 году, в десятке лучших называет только одну польскую картину — это «Боги» Лукаша Пальковского. Критик особенно отмечает Томаша Кота, мастера перевоплощения, который создал образ доктора Религи, трансплантолога, пересаживающего сердца, тип self-made man'a, который не позволяет себя опередить и ведет за собой других.

В десятке Соболевского оказались также «Майдан. Революция достоинства» в режиссуре Сергея Лозницы («триумф

документального фильма-наблюдения») и «Левиафан» Андрея Звягинцева — точно выстроенный детектив, переходящий в катастрофический фильм ужасов. «После „Груза 200“ Балабанова не было столь мощного удара по постсоветскому строю, — пишет Соболевский. — В русских прекрасно то, что они так могут — по крайней мере, в искусстве».

Кинопремию имени Анджея Мунка за 2014 год, присуждаемую Лодзинской киношколой (с 1965 года) смелым, ищущим новые средства кинематографического высказывания творцам, зачастую затрагивающим болезненные темы, получил Себастьян Буттный за фильм «Heavy mental» (лучшая режиссура). Премию за лучшую операторскую работу получил Михаил Собоцинский, снявший фильм Ежи Ковыни «Камчатка».

Профессор Кристина Захватович-Вайда и Анджей Вайда получили 24 ноября титулы почетных докторов Педагогического университета в Кракове. Выступавшие на официальной церемонии говорили об их вкладе в культурное наследие Польши и мира, заслугах в развитии искусства и о мудрости, которой они учат своими произведениями. Награжденные в ответных речах вспоминали своих родителей и учителей — художника, сценографа и режиссера профессора Кароля Фрыча, писателя и художника Юзефа Чапского, режиссера и конферансье «Погребка под баранами» Петра Сквинынецкого, а также врача профессора Доната Тыльмана.

Событие в варшавской галерее «Захента» — выставка «Прогресс и гигиена», подготовленная куратором Андой Роттенберг. Зрителям предлагают задуматься, насколько вера в прогресс, гигиену и научный подход к жизни укрепила тоталитарные режимы XX века.

Выставка, объясняют организаторы, была задумана как эссе, критически анализирующее связь идей модернизма с такими явлениями, как генная инженерия, евгеника или исследования чистоты расы, одновременно привлекая внимание к их воздействию на современный мир.

Выставка состоит из работ более двадцати пользующихся мировой славой польских (среди них, в частности, Мирослав Балка, Рафал Буйновский, Кристина Пиотровская, Вильгельм Сасналь, Кристина Кулик) и зарубежных художников. Работы выполнены в разнообразных техниках, среди которых — живопись, инсталляции, фильмы и фотографии. Символическим эпиграфом всей выставки стал «Стеклянный

человек» — анатомическая модель, прототип которой был изготовлен в 1927 году для Музея гигиены в Дрездене.

В историческом разделе можно увидеть, например, фотографии спортивных парадов в Москве, сделанные Александром Родченко, документальный фильм о танцевальных занятиях, проводившихся Мейерхольдом, кадры из фильма «Олимпия» Лени Рифеншталь.

— Эта подборка очень характерна, — сказала Анда Роттенберг. — Сначала были спортивные упражнения, танцевальные занятия, формирование красивого и сильного человека, а затем — марши, селекция, сегрегация, стерилизация — все то, что сделали два тоталитарных режима с идеалистической верой в «улучшение» человека.

Другие работы касаются проблем расовых различий, то есть экспериментов, проводившихся в концентрационных лагерях. Имеются также сюжеты, связанные с социальным исключением, этническими и междоусобными конфликтами, а также с участием иммигрантов.

Выставка «Прогресс и гигиена» будет работать до 15 февраля 2015 года.

12 декабря одна из выставленных на аукционе в Варшаве картин Романа Опалки, «Деталь 2890944-2910059», была продана более чем за 2 млн злотых. Это рекордная цена, заплаченная за произведение современного искусства на аукционе в Польше.

Делом жизни Романа Опалки (1931–2011) был цикл картин, представляющий течение времени. Белой краской он ежедневно, более сорока лет, записывал на холсте — поначалу черном, потом сером, а далее все более белеющем — ряды цифр. Одновременно он фиксировал на магнитофонной ленте собственный голос, называющей очередные цифры; со временем начал также регулярно фотографировать свое лицо. Целью, как подчеркивал художник, было полное отождествление искусства и жизни.

Постоянно проживавший во Франции Роман Опалка добился международного успеха. В 2010 году на аукционе «Сотбис» три его работы были приобретены анонимным покупателем за 713 250 фунтов (около 3 млн злотых). Тогда это была самая высокая цена, которую заплатили за произведения живущего польского художника.

Роман Опалка говорил, что последняя цифра, которую он нарисует, будет обозначать естественный предел его жизни. Он надеялся, что это будет семь семерок, но случилось иначе. В интервью, которое дал художник незадолго до смерти, он сказал, что в данный момент рисует цифру «пять миллионов шестьсот четыре тысячи с чем-то там еще».

5 декабря, в сотую годовщину со дня рождения Станислава Дыгата (1914–1978) Сейм Польши принял решение об увековечении памяти этого выдающегося прозаика, фельетониста и киносценариста. Дыгат был одним из самых интересных писателей послевоенной Польши. К главным его произведениям относятся романы «Боденское озеро», «Прощания», «Путешествие», «Диснейленд», «Вокзал в Мюнхене», а также сборник фельетонов «Размышления во время бритья».

«Он был человеком смелым и честным. Хотя он и не принимал активного участия в оппозиционном движении, однако подписал в 1964 г. „Письмо 34-х“ — заявление писателей и ученых в защиту свободы слова, а в 1976 г. — „Обращение 101-го“ против запланированных изменений в конституции ПНР», — читаем в решении Сейма. Оно было принято в присутствии дочери писателя Магдалены Дыгат-Дудзинской и ее мужа Анджея Дудзинского, выдающегося графика.

«Он обладал абсолютным чувством юмора, как бывает абсолютный музыкальный слух», — писал о Дыгате Казимеж Брандыс. «Он был само обаяние, шутки и интеллигентная легкомысленность» (Ежи Анджеевский). «Он никогда не писал плохо, он все писал хорошо. У него был врожденный талант. А вообще-то он был невротик и истерик» (Стефан Киселевский). «Он плохо переносил перемены в погоде и малейшее хамство» (Казимеж Куц). До войны Дыгат бывал в знаменитом литературном кафе «Земянское», в «Зодиак», ходил с Витольдом Гомбровичем в бар отеля «Европейский». После войны стал одной из самых заметных и влиятельных фигур в мире литературы. В салон писателя и его жены, Калины Ендрусик, стремились попасть. Он не написал ни одной соцреалистической книги. «Но мне страшно хотелось! Только вот не сумел!» — иронично разъяснил Дыгат на одной из встреч с читателями.

В галерее «Опера» в Большом театре в Варшаве подготовлена выставка «День рождения Дыгата». На ней можно увидеть много не публиковавшихся до сих пор фотографий из коллекции дочери писателя, прочитать письмо Славомиру Мрожеку, послушать воспоминания Януша Моргенштерна и

Адама Ханушкевича, посмотреть экранизации романов Дыгата. Выставка работает до 18 января 2015 года.

Каким был минувший 2014 год для польской литературы? Составители рейтингов в «Политике» и на портале xiegarnia.pl единодушно отводят первое место огромному, более чем 900-страничному роману Ольги Токарчук «Якубовы книги». «История Якуба Франка, родившегося на Подолье самозванного еврейского Мессии, — пишет на портале xiegarnia.pl Мацей Роберт, поэт, литературный эксперт и кинокритик, — стала для Токарчук предлогом нарисовать чрезвычайно обширную и детальную бытовую, политическую и социальную панораму XVIII века на польских землях. „Всеядный” роман Токарчук — это еще и отсылка к первой польской энциклопедии, то есть к „Новым Афинам” киевского каноника Бенедикта Хмелёвского; книгу можно также прочесть как своего рода оборотную сторону идеализирующей образ Речи Посполитой Обоих Народов „Трилогии” Сенкевича».

Высокие места в списках лучших книг 2014 года занимают также «Шум» Магдалены Тулли («наблюдения за семейным адом переплетаются с фантасмагорией, здесь и юмор, и некоторая отстраненность, и легкомыслие»), «Бексинские. Двойной портрет» Магдалены Гжебалковской («проницательный и многосторонний семейный портрет известного художника, его преданной жены и их увлеченного мраком сына»), а также «Восток» Анджея Стасюка («расчеты с собственным прошлым: пролетарским, сермяжным — одним словом, восточным. И с Польшей и польскостью, которой эта восточная родословная невероятно досаждают»).

Научно выверенные биографии выдающихся поляков попали в интернет. 16 декабря прошла инаугурация «Польского биографического интернет-словаря», сетевой доступ к которому обеспечил Национальный аудиовизуальный институт. В основе публикации лежит чрезвычайно авторитетный «бумажный» 49-томный «Польский биографический словарь», содержащий 27,3 тыс. статей, издававшийся с 1935 года Институтом истории Польской академии наук и Польской академией знаний. Пока в интернет-словаре всего 4,8 тыс. биографических статей, однако материалы будут постоянно добавляться. Почетный патронат над «Польским биографическим интернет-словарем» принял президент Бронислав Коморовский.

В 2015 году нас ожидает очередной, уже семнадцатый в истории Международный конкурс пианистов имени Фредерика Шопена. Это один из самых старых музыкальных конкурсов в мире,

чрезвычайно престижный, пользующийся мировой известностью. Предстоящий Шопеновский конкурс вызвал рекордную заинтересованность молодых пианистов: желание участвовать выразили 452 музыканта из 45 стран. Преобладают пианисты из Азии: 88 — из Японии, 77 — из Китая (включая Тайвань), 47 — из Южной Кореи. Заявили об участии также 56 польских пианистов. Из России поступило 35 заявок, из США — 34.

9 марта 2015 года будет оглашен список 160 пианистов, участвующих в предконкурсном отборе. Список 80 допущенных к конкурсу узнаем позже, 25 апреля.

Польские пианисты четырежды получали первые премии конкурса: Халина Черны-Стефанская в 1949-м (ex aequo с Беллой Давидович, СССР), Адам Харасевич в 1955-м, Кристиан Цимерман в 1975-м и Рафал Блехач 2005 году. Наибольшее число победителей взрастила Московская консерватория, а в Польше — Краковская музыкальная академия.

XVII конкурс Шопена откроет в Варшаве 1 октября Марта Аргерих. 2 октября выступит еще один член жюри и лауреат конкурса — Гаррик Олссон.

Следующее три недели пройдут под знаком состязания молодых пианистов со всего мира.

Прощания

24 ноября в возрасте 81 года во Вроцлаве умер Тадеуш Косаревич — художник-постановщик более 90 польских и зарубежных фильмов и сериалов, в том числе таких произведений польского кинематографа, как «Земля обетованная» Вайды, «Янчо Водяной» и «Чудесные места» Яна Якуба Кольского. В 2002 году он работал с Анджеем Вайдой над «Местью». Последним его фильмом оказалась «Маленькая Москва» Вальдемара Кшистека. В 2012 году Объединение польских кинематографистов присудило Тадеушу Косаревичу премию за совокупность творчества.

26 ноября в Лодзи умер Януш Кубицкий, актер лодзинского театра «Повшехны», известный, в частности, по сериалам «Ставка больше, чем жизнь», «Кукла» и «Ва-банк». Ему было 83 года.

27 ноября в возрасте 85 лет в Варшаве умер Станислав Микульский — актер, известный прежде всего по роли Ганса Клосса в сериале «Ставка больше, чем жизнь». Эта роль

принесла ему огромную популярность не только в Польше. В 1972 году, после выхода «Ставки...», во всем советском блоке Микульский был признан самым популярным актером социалистических стран. «Этот выдающийся актер родился в прекраснейший день года — 1 мая», — писали советские газеты. Популярность сериала и роли Клосса сохраняется по сей день. Актер снялся в 60 фильмах, в том числе в «Канале» Вайды; дети знали его как пана Самоходика, некоторое время он вел знаменитую телеигру «Колесо фортуны». На счету артиста также многочисленные роли в театре. Во время военного положения Станислав Микульский не присоединился к актерскому бойкоту, что вызвало его осуждение частью профессионального сообщества. Даже ныне решение президиума Сейма почтить память актера минутой молчания вызвало разногласия — против были правые депутаты.

ПОРТ ЗАДАР

День клонится к закату. Свет постепенно уходит, становится матовым. От усталости, нарастающей с каждой минутой и секундой, мутнеет рассудок, замедляются движения. К тому же его парализуют без конца повторяемые советы, сообщения и команды, которые резким, сварливым тоном произносит с заднего сиденья женщина, его жена. И еще, время от времени, громкие, плаксивые жалобы мальчика, его сына. Они едут долго, с рассвета, у него за спиной уже почти пятьсот километров, в зной, по крутым дорогам, проверки на таможнях, короткие стоянки, несколько границ. Такая усталость, что надо бы остановиться. Он съезжает на обочину в каком-то маленьком городке, который останется безымянным, так как назавтра он уже не вспомнит его названия. Почти сразу же засыпает. И вдруг, еще во сне, чувствует, что машина скатывается, съезжает. И прямо за его задним бампером появляется, совершенно неожиданно, другой автомобиль. Он растет, вот он, через мгновение врежется. Еще не проснувшись, почти во сне, он резко дергает ручной тормоз. Еще полсекунды, а может и четверть, и они перестали бы дышать. Его жена, сын и он сам. Но все обошлось. Яростный вопль, первобытный вой этой женщины на заднем сиденье. Только сейчас, тяжело дыша, он окончательно просыпается. Заводит мотор, трогается. Осталось проехать всего несколько десятков километров. Темнота охватывает вьющуюся серпантином дорогу, охватывает бездонную пропасть справа, за тоненьким, хрупким ограждением. Наконец-то место назначения — Задар. Здесь они планировали заночевать. Он останавливает машину в центре города, под башней с часами. Смотрит вверх. Скоро полночь. Чуть ниже, да и выше стрелок тоже, свежие шрамы. Следы пуль, которых он и не видел, и не слышал. Чья-то рука спустила курок. Зачем, почему? Из-за чего палец жмет на спусковой крючок, брат стреляет в брата, отец в сына, сын в отца, шурин в зятя, Каин в Авеля и Авель в Каина? Безымянная, анонимная рука изранила стену, которая веками была здесь, со времен Цезаря Диоклетиана, стояла, камень на камне, как скала. Осталась рана, шрам, след братоубийства. Уплыла в небытие страна, славившая юг, сладкая Югославия.

И вдруг, как при вспышке молнии, эта же башня с часами много лет тому назад. Стрелки часов почти в том же положении. Еще в Варшаве они договорились встретиться

ровно в полдень под неизвестной башней в неизвестном ему городе Задар. Он только что получил аттестат зрелости, поступил в ВУЗ, заслужив тем самым поездку на чудесные заграничные каникулы вместе с родителями и братом. Девушка по имени Эва, его Дульсинея, Беатриче, Изольда, Эвридика собиралась со своими родителями в те же места. Они приехали ближе к полудню. Их окутал густой августовский зной.

Родители устроились в гостинице. Они с братом Олеком поставили палатку в кемпинге. И он сразу же направился в город, чтобы отыскать башню, под которой была назначена встреча. Это оказалось несложно. Он увидел ее издали. Подойдя поближе, поднял голову. По каменному циферблату двигались тяжелые металлические стрелки. Короткая показывала XII, а длинная приближалась к IX. Пахло морем и раскаленной землей, пахло безымянными цветами, скошенной травой и запеченным на решетке мясом, пели птицы, улыбались друг другу люди. День был еще юн, так много всего могло произойти.

Он взглянул на циферблат, длинная стрелка уже миновала цифру III. Он с любопытством глазел по сторонам, и было на что посмотреть. По улице текла разноцветная, веселая толпа. Много красивых девушек было в этой толпе. Их загорелые плечи, упругие груди, длинные ноги и босые ступни притягивали взгляд. Но он не обращал на это внимания. В каждой проходившей девушке он видел только ее, свою Дульсинею, Беатриче, Изольду, Эвридику. Но ее-то как раз и не было.

Он проверил время. Скоро час. Подумал, что ошибся, о чем-то позабыл. Да нет же, он точно помнит. Договорились в полдень под часами.

Он еще немного стоит и невидящим взглядом смотрит на неподвижные стрелки, потом отворачивается и идет прямо вперед, в сторону моря, потому что там все начинается и заканчивается, а ведь он жаждет найти ее. Он не спешит, присматривается, заглядывает в лица идущих навстречу девушек. Несколько раз он совершенно уверен, что вот сейчас, в нескольких шагах от него, это точно она, и уже через мгновение они упадут друг другу в объятия. Льющийся с неба зной стягивает тело, замедляет шаги. Он подходит к пляжу. Видит сотни голых тел. В разных взаимоотношениях и занятиях. Тела старые и молодые, толстые и худые, красивые и отвратительные. Его все более усталый взгляд невнимательно скользит по ним. Он останавливается, поднимается на невысокий мостик, чтобы отдохнуть; еще секунда, и он, возможно, сдастся. Оглядывает пляж немного с возвышения,

не слишком внимательно, однако же сразу замечает ее. Она прекрасна как всегда, чувственна и лучезарна. Совсем рядом, только руку протянуть. Он уже хочет крикнуть, помахать, подбежать к ней. И лишь тогда замечает, что его Дульсинея, Беатриче, Изольда, Эвридика не одна. Прямо рядом с ней, на большом ярко-желтом пляжном полотенце, лежит загорелый мужчина. Их тела совсем рядом, они соприкасаются. И, несмотря на некоторое расстояние, ему даже слышны слова, сказанные им совсем негромко: *grattami la schiena*^[1]. И тогда она, движением пианистки, кладущей на клавиатуру первый аккорд, ласково касается его спины, поросшей густым черным мехом.

Гром среди ясного неба. Удар, который окончательно валит с ног на ринге. Он не в состоянии сделать вдох. Не хочет верить, но поверить придется. Это наглядное свидетельство не оставляет никаких иллюзий. Он мог ожидать чего угодно, но только не этого. Познакомились они в лицее. Эва была самой красивой и самой умной из всех девушек. А еще совершенно недоступной, так как была девушкой Даниэля, его единственного друга. Они часто встречались втроем, он грелся от их тепла, украдкой, неуверенно. Его сердце разрывалось: он считал, что друг плохо обращается со своей девушкой. А иногда, поначалу редко, потом все чаще, они встречались одни. Эва относилась к нему как к хорошему приятелю, преданному, послушному, готовому на все, лишь пальцем шевельни, бесполому наперснику. Она делилась с ним самым тайным, интимным, много рассказывала и о своей бурной связи с Даниэлем. Эта ситуация становилась все более тягостной, и он решился на разговор с другом. Он сказал ему, что до сих пор их дружба была превыше всего, но сейчас уже нет. Он любит Эву и будет за нее бороться. Если это встанет на пути их дружбы, он выберет любовь. Даниэль усмехнулся исподлобья, пожал плечами и сказал, что это неважно. Но это было важно. Они все больше отдалялись друг от друга. Однажды, уже в выпускном классе, Эва открылась ему, что с Даниэлем все безнадежно, и они, наверное, скоро расстанутся. К сожалению, она беременна от него и должна что-то с этим сделать. И тут же, при нем, начала просматривать объявления в «Жизни Варшавы» в поисках подходящего врача. Его поражала ее решительность и определенность. Он был жутко напуган и ничего не понимал. О физической любви он грезил постоянно, и во сне, и наяву, но к тому времени еще не испытал ее. Такие слова, как «аборт» были чем-то совершенно экзотическим, не принадлежавшим к его миру. Однако у него затеплилась надежда, и он пообещал сделать все, что в его силах, чтобы помочь ей.

— *Grattami la schiena*, — лежа на животе, чувственно шепчет самец. А его Дульсинея, Беатриче, Изольда, Эвридика лучезарно улыбается и ласково гладит его волосатую спину.

Он стоит как вкопанный, смотрит и понимает, что это не сон, но все же не до конца верит своим глазам. Тогда она совершенно неожиданно поднимает голову, и их взгляды встречаются. Они молча глядят друг на друга. Он не знает, сколько это длится. Наверняка, целую вечность. Ее красивая рука с тонкими пальцами пианистки вдруг замирает, но паники в ее глазах нет. Молчание уже слишком затянулось, но он не знает, что сказать, у него пропал голос. Она улыбается, то ли виновато, то ли с насмешкой. Ему непонятно все это. Он начинает что-то говорить. Она прижимает к его губам свой указательный палец, веля замолчать. Предлагает встретиться в три часа в кафе, на площади под башней с часами. Он рассеянно кивает головой и уходит. Уходит, а что ему остается делать. Мир лишается красок и запахов. Этот мир перестает существовать. Становится плоским, как вчерашняя газета. К глазам подступают слезы, потоки слез. Он начинает всхлипывать. Смотрит по сторонам. Разноцветный, волнующийся, пританцовывающий людской поток занят исключительно собой, не обращает на него ни малейшего внимания. Так что он может плакать совершенно безнаказанно. Он пробирается сквозь эту толпу, не очень-то соображая, куда идет. Он не знает города, за исключением площади, где стоит башня с часами. Неожиданно он оказывается в порту. Такой небольшой рыболовный порт, в это время дня полный небольших рыболовных катеров. Рыбаки выносят ящики, полные рыбы, чинят сети. Они уверенно ступают по земле своими большими ступнями. У них сильные загорелые тела, ступни, оставляющие на земле следы, и большие, сильные руки. Он завидует им. Его слишком маленькие руки не сумели ее удержать. Его слишком маленькие ступни оставляют на земле птичий след.

В тот день они оба прогуляли уроки. После операции она должна была прийти к нему, такой уговор. Олек был в школе, а родители на работе. Сердце его колотилось, когда он провожал ее к врачу. По каменной лестнице немного запущенного здания времен сецессии они поднялись на третий этаж и здесь, у массивных деревянных дверей с большой латунной табличкой, расстались. Он с трудом припоминает, что было дальше. Какое-то туманное воспоминание о ритме одних и тех же нескольких улиц. Как загипнотизированный, он сворачивал с Маршалковской на Волчью, потом немного проходил по Познанской и Хожей, возвращался на Маршалковскую, иногда,

для разнообразия, шел по Познанской подальше и возвращался на Маршалковскую по Вспульной. На каждом углу он закуривал сигарету, выкуривал до половины и двигался дальше, как мул, впряженный в колесный привод. Но когда она выходила, он уже ждал у входа, затаиваясь очередной сигаретой. Она была очень бледна, но спокойна. И, как обычно, красива. Далеко отбросив окурок, он подбежал к ней. Лихорадочно расспрашивал, как все было, но она только пожала плечами. Она была немного утомлена и хотела отдохнуть, вот и все. Ей не хотелось ехать на такси, и они проехали на трамвае эту одну остановку до площади Конституции. Потом еще немного пешком, и они уже у него дома. Девушка прилегла на диван и тут же уснула беспокойным сном. Он сидел рядом, потихоньку гладил ее ладонь и в восхищении смотрел на лицо, которое сейчас выглядело изваянным из мрамора. Он, и в самом деле, был счастлив.

Эва порвала с Даниэлем. Они ходили в школу и готовились к экзаменам. Проводили все больше времени вместе. Он был влюблен. Читал ей свои только что написанные стихи, они вместе ходили на вечеринки и в кино. Все чаще и все смелее целовались и ласкали друг друга. Постепенно они становились парой. Однажды, в начале весны, она пришла к нему. Была суббота, вечер только начинался. Родители на всю ночь ушли играть с друзьями в бридж, а Олек пошел на вечеринку. Эва была в черном. Черный цвет подчеркивал естественную белизну ее лица и тела. Они долго разговаривали, а потом стали целоваться. Это были не такие поцелуи, как раньше. Более страстные, полные сдерживаемого желания. Он чувствовал, как его тело оживает, разогревается, жаждет. Эва вдруг довольно резко оттолкнула его от себя и поднялась. Сказала, чтобы он немного подождал, и ушла в ванную. Он лег на кровать и закрыл глаза. Это продлилось долго, но, наконец, она вошла в комнату. Обнаженная. На мгновение она задержалась в теплом потоке света от ночника. В первый раз он увидел ее тело. Маленькие, прекрасно сформированные груди с большими темными сосками и черный треугольник между сильными бедрами. От нахлынувших чувств у него перехватило дыхание. Лишь на секунду.

За полчаса до назначенного времени он уже в том кафе под башней с часами. Бесконечно долгая четверть часа, пока он вышагивает туда и обратно по небольшой площади. Заходит в кафе и заказывает кока-колу. Садится у окна. Смотрит на циферблат часов. Не торопясь потягивает холодную, бодрящую жидкость и размышляет о том, как это будет. Что они скажут друг другу, и можно ли тут вообще что-то сказать. Он так

сильно хочет увидеть ее и так сильно боится этой встречи. Представляет себе, что все же свершится чудо, что она придет и скажет: извини, я ошиблась, это была просто прихоть, каприз, фантазия, а на самом деле я хочу быть с тобой, прости мне это. И что он ответит? Ясное дело, простит великодушно. Ведь без нее ему и жизнь не мила.

Пригородным поездом они уехали в окрестности Варшавы, чтобы вместе готовиться к выпускным экзаменам. Жили в маленькой деревянной лачуге, казавшейся ему дворцом. Она подтягивала его по математике, а он рассказывал ей о своих любимых поэтах. Он смотрел на нее с обожанием, исполнял любой, даже еще не отданный приказ, стоило ей только пальцем шевельнуть, а она, иногда высокомерная, немного капризная, очень требовательная, охотно принимала такое положение вещей. Он постоянно ее фотографировал, снимал на любительскую камеру все, что бы она ни делала, и был счастлив, что она сносит его присутствие возле себя. Спали они на узкой кровати. Любили друг друга на ней, либо в чудосочном сосновом лесочке, на одеяле. Но любовник из него был слабый, хоть и очень старательный. Он был неловким, слишком торопливым, не очень искушенным. Его Дульсинея, Беатриче, Изольда, Эвридика немного подшучивала над ним, но все же смотрела на это сквозь пальцы, была снисходительной и терпимой. Они вернулись в Варшаву. Потом были выпускные экзамены, которые он сдал только благодаря ей. Во всяком случае, по самому главному и самому трудному предмету. Она выполнила свое задание по математике одной из первых и еще успела написать ему шпаргалку. Потом они сдавали экзамены в ВУЗ, и оба поступили. И в первый раз поехали на каникулы вместе. Эва стала смыслом его жизни. Он постоянно думал о ней. Хотел все время быть с ней, быть в курсе всех ее мыслей. Еще он хотел знать о ее прошлом. Ревновал к каждому дню ее жизни до того, как они познакомились. Ему очень хотелось, чтобы она узнала его получше, чтобы ей было известно о нем как можно больше. Вот он и предложил на их первые совместные каникулы поехать в маленькую горную деревушку в Силезских Бескидах, куда ребенком он ездил на отдых каждый год. Она с радостью согласилась, так как не знала тех мест. Он разыскал хозяев, у которых ежегодно бывал летом. В последний раз они виделись одиннадцать лет тому назад, это было его последнее лето перед тем, как пойти в школу. Кроме них, там проводили каникулы три дочери отцовского водителя, силезца: Хильда, Труда и Герда. Он написал хозяевам, что хочет приехать. Те охотно согласились. Он и Олек несколько лет подряд приезжали сюда, пока жили в Катовице.

Они вместе ехали из Варшавы поездом, потом автобусом. От остановки еще несколько километров пешком. Эва восторгалась видами. Небо было безоблачное, прозрачное. Приближались сумерки, стало не так жарко, с гор дул прохладный, живительный ветер. Дорогу он находил на удивление легко. Еще издали приметил характерный деревянный дом с покатой крышей. Когда он открывал калитку, сильно забилося сердце. Помедлив, он вошел во двор. Все вокруг казалось таким маленьким, обыкновенным и понятным. Этот дом, двор, сад и деревья в саду. Тогда, в детстве, сад был бесконечным, деревья возвышались до неба, а дом скрывал в себе тысячи загадок. Годулы, вышедшие их встретить, показались ему очень старыми. Хозяин был серьезен и важен, хозяйка, широко улыбаясь беззубым ртом, сказала, что рада. Их старший сын Сташек, не глядя в глаза, подал ему руку и молча пошел по своим делам. Он уже отслужил в армии и теперь принимал от родителей хозяйство. Дети они прекрасно понимали друг друга. Теперь им почти не о чем было говорить. Они принадлежали к двум разным, отдельным мирам. Эва старалась произвести хорошее впечатление, внимательно слушала, высказывалась сдержанно и уместно. Хозяйка постелила им в двух разных комнатах. Они пошли немного пройтись. Гуляя по лугу, то и дело натывались на изгороди. В детстве у этого луга не было границ. Деревенские мальчишки делали палкой ямки в земле и засовывали туда свои причиндалы. Тогда он не понимал, в чем тут дело. Они совокуплялись с землей, совершали с ней любовный акт. Как-то раз Сташек вел телку на привязи. Он взял его с собой. Они шли и шли, а потом Сташек привязал эту корову к деревянному частоколу и отошел, потянув его за руку. Появился бугай и вскочил на корову. Ему казалось, что сейчас произойдет что-то плохое, что корова умрет. Но она немного побрыкалась, а потом издала тоскливое, глубокое мычание. Сташек усмехнулся. Еще он видел, как Сташек со своим братом Юреком ловили голыми руками форелей в Висле. Он завидовал этим деревенским мальчишкам, этому простору и свободе. Ему было пять лет, так что он пока не знал слова «зависть», но ощущал ее. Об этом он рассказывает ей. Этой своей Дульсинее, Беатриче, Изольде, Эвридике. В ее взгляде — недоверие. Он и сам себе не верит, но ведь он знает, что это правда. Взятая будто бы из другой жизни, но вполне осязаемая, реальная.

Солнечный диск прячется за гору. Перед наступлением темноты на землю ложатся длинные золотые тени. Когда заходило солнце, Хильда, старшая дочь шофера, вызывала всех детей на дорогу перед домиком и по очереди целовала их. Это было главным моментом каждого дня. Поцелуй Хильды был

крепким и сладким, пах прогретой землей, ветром и рекой. Каждый день он с нетерпением ждал этой минуты. Потом дочери водителя, Хильда, Труда и Герда, мылись перед сном, а он подглядывал за ними через замочную скважину.

Когда они возвращаются домой, хозяева уже спят. Они входят на цыпочках в ее комнату и ложатся в кровать. Спят вместе на белой, пахнущей ветром постели. Эва нежна и внимательна. Она касается его тела так, как никто другой до этого. Они целуются и ласкают друг друга всю ночь, без единого слова, без стоны, без шумного дыхания, чтобы не разбудить хозяев. Перед рассветом он перебирается в свою комнату и засыпает мертвым сном.

Он бросает взгляд на часы. Короткая стрелка уже некоторое время стоит на цифре III, а длинная добралась до II. В этот момент в кафе входит Эва. Не сказав ни слова, она садится рядом. Когда появляется официант, заказывает бокал белого вина. Секунду они сидят в молчании. Потом она холодно, изучающе смотрит на него. Начинает говорить. Ничего особенного не случилось. Ведь они очень недолго были вместе, ничего друг другу не обещали. Неделью тому назад она познакомилась с Энрико, он зрелый, знает, чего хочет, кроме того, он прекрасный любовник. Он хочет что-то сказать, но не может. Открывает рот, но не издает ни звука. Украдкой, неуверенно он смотрит на нее. Теперь она такая далекая, чужая, прекрасно владеющая собой. Она медленно поднимает руку. Рассеянным, сонным жестом касается волос. Вдоль подмышки у нее стекает капелька пота, касается груди и исчезает под белым кружевном блузке. Он стремительно встает и все еще ждет, что его остановит ее голос. Но она ничего не говорит, так что он идет к дверям и выходит на улицу. Его слепит дневной свет. Захватывает толпа. Он совершенно безволен. Вертится, как бильярдный шар после удара опытного игрока. Та самая толпа, которая всего несколько часов назад была красочной и шумной, теперь сереет, обесцвечивается, становится совсем бесцветной. Нет дружелюбных голосов, одно рычание и вой. Все вянет, разваливается, расползается. Остаются лишь искаженные гримасами лица, вопли и ругань.

Через некоторое время он возвращается в кемпинг. Олек, несколько раздраженный, говорит, что его искали, родители хотели поехать, а его все нет, ну, неважно, идем к ним. Мать что-то там приготовила. Он ест пакетированный суп, и вдруг по его лицу начинают литься слезы. Бесшумно текут по всему лицу и капают в тарелку, прямо в суп из пакетика. Отец, поглощенный обглаживанием цыпленка, ничего не замечает,

мать испепеляет его взглядом и шипит шелестящим шепотом сквозь стиснутые губы, чтобы взял себя в руки, ведь парни не плачут. Олек прыскает от смеха, плюясь при этом куриными костями. Обед заканчивается. Он встает, утирает слезы и возвращается в кемпинг.

Идет не спеша среди палаток. Вокруг полно народу. Эти люди говорят друг с другом на разных языках, смеются, едят и пьют. Кто-то слушает радио, кто-то играет на гитаре, но он этого не замечает. Подходит парень, о чем-то спрашивает, но он не слышит. Идет прямо, ощупью, как слепой, который не знает дороги и не ведает, куда направляется.

Опускаются сумерки и смягчают слишком резкие контуры. Еще издали он замечает Олека, сидящего возле палатки в обществе упитанной немки. Полные губы девушки многообещающе смыкаются на горлышке бутылки с теплой водкой. Совершенно очевидно, что еще мгновение, и ими завладеет *body language*^[2], а знаменитый языковой барьер моментально рухнет, как картонный домик.

Секунду он колеблется и уже хочет уйти, когда Олек замечает его. Вскрикивает, быстро подбегает и крепко обнимает за плечи.

— Дала тебе от ворот поворот, подлая стерва, да ты не горюй. Не эта, так другая. Плюнь, Ендрек, баба с возу — кобыле легче.

Брат громко, заразительно смеется. Но его не заражает этот смех. Наоборот, вновь прорывается едва перекрытый поток слез, может, и кровавых. Так что он отталкивает руку помощи, протянутую младшим, более смекалистым братом, и идет дальше.

Он на улице. Толпа колышется, кипит, цикады надрываются как бешеные. В сердца людей и туннели улиц вливается плотная, обездвиживающая средиземноморская тьма. Кругом продолжаются великие брачные игры. Все вокруг парами, только он одинок. Заходит в первый попавшийся бар и заказывает ракию. Мигают огни. Отовсюду сочатся шепоты, хихиканье, крики. Голоса нагромождаются, сплетаются и разделяются. Рушатся водопадом в тишину, а через секунду — новый взрыв. Люди согреваются собственным теплом. На этот короткий миг они расцветают в собственном тепле, королями и королевами одной ночи. И только он один не может согреться. Чувствует себя пленником во дворце Снежной королевы. В этой необъятной стуже до его ушей все же долетают слова песни из приемника:

Le lunghe lunghe notti che ho passato con te

Son brevi brevi brevi senza te.

La luna chiara chiara questa volta non c'è

La luna questa notte è scura scura come me^[3].

А потом еще бары и еще рюмки, вино, виски, водка, потом снова вино и, кажется, даже рюмка яичного ликера. Алкоголь тонко впивался в артерии своими вампирскими зубами, обезболивал, уносил вдаль. Снежная королева уехала в белой карете, запряженной северными оленями. Огни расплывались, звуки становились мягче, предметы приобретали округлость. Мать-ночь с огромной нежностью обнимала своих детей, людей, дома, деревья, животных. Она позволяла все, и сразу же все прощала.

Он медленно шел вперед неуверенной, немного шаткой походкой. Вдруг услышал ровный, мерный шум, тихий, но, в то же время, мощный, усыпляющий и пробуждающий к жизни. Почувствовал соленый, бодрящий, соблазнительный запах моря. Подошел поближе и тяжело уселся на песке, позволив волнам лизать себя. Он стал тем же, что песок, вода и звездное небо. Им завладело беззаботное ощущение небытия. Он поднялся и, не задумываясь, пошел навстречу набегающим волнам. Было темно. Темно и тепло. Полная тишина, только монотонная музыка волн. Он заходил все глубже. Вода нежным объятием сжимала его ноги и колени, бедра, живот и плечи, пока, наконец, легко не подняла легкомысленно легкое тело.

— О чем задумался? — донеслось вскоре с заднего сиденья.

— Как раз вошел в воду и плыву, — ответил он.

— Желаю удачи.

Его разбудило ослепительное солнце. Он открыл глаза и несколько секунд не понимал, где он. Волна, сжавшись, вынесла его на берег. Песок уже немного нагрелся, но пока не обжигал. Немногочисленные в это время прохожие многозначительно улыбались. День только стартовал и постепенно разгонялся. Голова у него раскалывалась, а все тело болело так, будто ночью по нему проехал асфальтовый каток. И все-таки он был рад тому, что жив.

Он очнулся. Подняв голову, взглянул на вершину башни. Короткая стрелка часов упрямо показывала на XII, а долгая почти касалась цифры III. Проезжавший мимо автомобиль на

мгновение осветил женщину на заднем сиденье. Он увидел в зеркальце ее непроницаемое, хмурое лицо. Повернул ключ в зажигании. Ровно, размеренно заурчал мотор.

— Ты же сказал, что заночуем в Задаре, — отозвалась женщина.

— Я передумал. Не нравится мне здесь.

Он включил передачу и нажал педаль газа. Машина тронулась. Из какой-то дали, неизвестно откуда, вместе с запахами, о которых он давно забыл, с третьей космической скоростью его догнали слова давно позабытой песенки:

Le lunghe lunghe notti che ho passato con te

Son brevi brevi brevi senza te.

La luna chiara chiara questa volta non c'è

La luna questa notte è scura scura come me.

-
1. «Почеши мне спину» (итал.). Здесь и далее прим. пер.
 2. Язык тела (англ.).
 3. «Долгие, долгие ночи, что проводил с тобою я,/ Стали короче, короче без тебя./ Луна так ярко, ярко светила для меня,/ Луна сегодня ночью мрачна, мрачна, как я.» (итал.) — из песни Адриано Челентано «Долгие ночи» (1965 г.)

Станислав Бараньчак

СТИХОТВОРЕНИЯ

На одном дыхании

На одном дыхании, одной скобкой дыхания,
закрывающей фразу,
одними скобками ребер вокруг сердца,
сжимающегося, словно кулак, словно невод
вокруг скользких рыб выдоха, на одном дыхании
закрыть всё и закрыться во всем, одной
верткой стружкой пламени, соструганной с легких,
опалить стены тюрем и втянуть их пожар
за костяные прутья грудной клетки и в башню
трахеи, на одном дыхании, прежде чем подавишься
кляпом воздуха, загустевшего от
последнего вздоха расстрелянных
и дыхания теплых стволов и пара
от еще дымящейся на холодном бетоне крови,
воздуха, в котором твой голос не то раздается,
не то разлагается, глотатель шпаг,
холодного оружия, бескровных, но до крови
ранящих гортань скобок, в которых,
как сердце между ребрами, как рыба в сетях,
трепещет фраза, заикающаяся на одном дыхании
до последнего вздоха

«Зайди, но ненадолго», –
из ледяных квартир
предложит втихомолку
никчемный этот мир.

Мы не толклись при входе,
врывались, как сквозняк.

Мы не толклись при входе,
врывались, как сквозняк.

Мы на минутку, вроде –
казалось бы, пустяк.

Уйти же не выходит,
да и не знаешь, как.

Мы храбро замерзаем
на сходке биомасс.

Так рад гостям хозяин,
что стынет кровь у нас.

«Вам хорошо, коллега?» –
нам не хватает слов.

«Вам хорошо, коллега?» –
нам не хватает слов.

Здесь у зимы аптека,
клыки бродячих псов,
наркоз шального снега
и новолунья шов.

Открыть бы дверь, без шуток,
в невидимой стене.

Две третьих части суток
в снегу, а треть во сне.
Здесь нами правит нежить
и холод вековой:
все карты побережий
солгали нам с тобой.
Дыхание всё реже
под коркой слюдяной,
и пахнет воздух свежий
морозом и бедой.
Нас кто-то в шар стеклянный
со снегом поместил,
тут блески над поляной
танцуют, что есть сил.
Мы в королевстве грусти,
мороз зажмет нам рот –
он вздоха не пропустит,
и выдох не пройдет.
Мы в королевстве грусти,
мороз зажмет нам рот –
он вздоха не пропустит,
и выдох не пройдет.
И выдох не пройдет.

Гражине^[1]

Помнить о сигаретах. Пусть будут всегда под рукой,
чтобы сразу в карман их сунуть, если за ним придут.

Помнить наизусть правила, касающиеся передач и свиданий.

Владеть искусством принужденной улыбки.

Одним холодным взглядом гасить вопль
полицейского,

спокойно заваривать чай, когда они роются в ящиках.

Из лагеря или больницы писать письма – всё, мол, в порядке.

Столько сноровки, такие навыки. Я серьезно.

Хотя бы для того, чтобы они не пропали,
наградой за всё это должно быть бессмертие
или, как минимум,

его неудачная версия – жизнь.

Смерть. Нет, это ерунда, слышать об этом не хочу.

Ты решала вопросы и посерьезней.

Если я кем-то и восхищался, то как раз тобой.

Если что-то и было постоянным, то как раз это
восхищение.

Сколько раз я хотел тебе это сказать. Не получалось.

Стеснялся пробелов в словарном запасе и микрофона
в стене.

А теперь слышу, что поздно. Нет, не верю.

Ведь это всего лишь небытие. И как же «ничто»
может встать между нами? Назло запечатлю навсегда
эту черточку на радужке, эту морщинку в уголке губ.

Ладно, я знаю, ты не ответишь на мою последнюю
открытку.

Но я буду винить в этом кого-то реального,
почтальона, авиакатастрофу, цензуру,

не небытие, которого, согласишься, не бывает.

XI-XII 1982

Антенн и труб сплошная каша,
облитый заревом восток –
всё это с нами, в сердце нашем,
как дыма желтого глоток.

Пусть мы на пароходе белом,
но даже теплые моря
не перебьют, такое дело,
тот горький выхлоп декабря.

Пошли нам бриз, морская бездна;
и вздох перехвати
во сне,

давно знакомое нам место,
и желтый дым, и черный снег.

*Пошли нам бриз, морская бездна,
а вздох*

нам перехватит снег:

мы четко знаем свое место,

мы четко знаем свое место

и желтозубый его смех.

19.12.79: Чистыми руками

Пальцы молодого лейтенанта службы безопасности,
который в комиссариате на вокзале перелистывал
извлеченные из моего багажа рисунки Яна
Лебенштейна^[2],

то и дело глядя на меня с укоризной,
не оставили на бумаге никаких следов.

Странно.

Не то чтобы я ожидал увидеть следы крови, разводы
пота, грязь

или хотя бы жирные пятна, которые, кажется,
оставлял на страницах книг

великий вождь и учитель, любивший читать за едой:
работа молодого лейтенанта службы безопасности
чиста,

сам он дипломированный юрист

с навыками личной гигиены, усвоенными

в культурной,

интеллигентной семье.

И всё же

естественней было,

если б на наших стихах, дневниках, рисунках, мозгах

эти пытливые потребители современного искусства

оставляли, хотя бы на память,

свой неповторимый (папиллярные линии!) след;

особенно когда они спасают их от неминуемой гибели

одной небрежной фразой:

«Ну ладно,

так и быть,

это можем не конфисковывать».

29.12.79: Снег III

Напрасно ты здесь разлежся на сантиметр целый –

тебя уберут и вывезут, хоть ты и бледнее мела,
и ты уже точно не будешь слоями своих белил
с гордостью намекать, что небом ты послан был
сюда, где от тяжелой работы сознание мы теряем,
и стал нашим падшим ангелом-хранителем-
вертухаем
собьем, как с окурка пепел, мы хлипкую твою спесь
чтоб ты нам глаза не мозолил – мол, вот он я, в белом
весь
мы с грязью тебя смешаем, гори себе со стыда
к земле тебя приравняем, а к облаку – никогда
и ты не посмеешь больше уже никому напеть,
что наша гибель страшнее, чем белая эта смерть

Перевод с польского Игоря Белова

-
1. Стихотворение посвящено Гражине Куронь (1940–1982) – польской диссидентке и правозащитнице, активистке движения «Солидарность», жене Яцека Куроня (1934–2004), известного деятеля оппозиции в ПНР (здесь и далее прим. пер.)
 2. Ян Лебенштейн (1930–1999) – польский художник-сюрреалист, известный своей гротескной визионерской манерой.

РЕАЛЬНОСТЬ СВЕРХРЕАЛЬНОГО

Последний сборник Станислава Бараньчака (1946–2014) «Хирургическая точность» (1998), без сомнения, оказался одним из важнейших событий в польской поэзии последних лет. При этом, высказываясь подобным образом, важно четко понимать, что стоит за этими словами – за минувшие четверть века мы стали свидетелями многих выдающихся явлений в нашей поэзии; можно даже рискнуть и предположить, что мы живем во времена, чрезвычайно урожайные на интересную и самобытную лирику. Но даже среди этого богатства и этой динамики упустить из виду сборник Бараньчака совершенно невозможно, поскольку, как писал о.Юзеф Тишнер, «мастерство поэтического сознания заключается в том, что метафизическое измерение предметов вдруг становится явным. Работа станка может многое рассказать о судьбе человека. Каждый предмет – участлив, каждый – ценен. Имеющий глаза да увидит. Имеющий уши ды услышит. Кто видел и слышал Сверхреальность, застыл в немом изумлении».

Уже после выхода в 1967 году своей первой книги, Бараньчак стал одним из тех поэтов, которые были щедро наделены умением видеть это самое метафизическое измерение действительности, не теряя при этом из поля зрения ее сиюминутную, изменчивую форму. Не случайно, что и как переводчик он выбирал авторов с похожим видением мира, подарив читателям польские версии английской метафизической поэзии, произведений американской религиозной лирики, а также солидные поэтические сборники Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского – с последним Бараньчак был дружен, вместе они входили в редколлегия эмигрантского квартальника «Зешиты литерацке».

Поэтическим кредо Бараньчака определенно можно считать принцип недоверия по отношению к языку, сформулированный поэтом в программном тексте, открывавшем его второй поэтический сборник «На одном дыхании» (1970), стихи из которого вполне могут быть прочитаны как предчувствие кровавой расправы с польскими рабочими в декабре 1970 года и одновременно как подтверждение слов Милоша о том, что «поэт в Польше – это барометр». В очерке, посвященном творчеству поэтов

«поколения-68», Бараньчак подчеркивал, что в данном случае речь идет о явлении, которое он окрестил «поединком с Газетой», имея в виду критическое отношение к любым, особенно фундаменталистским, готовым формулам видения действительности, а также о неограниченном праве на личную ее интерпретацию. При этом он выражал эти идеи не только в поэтическом творчестве, но и в литературной критике (а он принадлежит к самым выдающимся критикам XX века), говоря об этическом измерении литературы и ее независимости от авторитетов. Это, впрочем, не означает, что к собственному творчеству он относился предельно серьезно – поэт демонстрировал абсолютно свободную игру воображения и изрядное чувство юмора, что подтверждают его циклы абсурдистских стихотворений.

В своей жизни он не ограничивался исключительно литературой – был в числе основателей Комитета защиты рабочих, созданного в 1976 году, принимал участие в независимом издательском движении (в первом номере самиздатовского литературного журнала «Запис» была опубликована программная статья Бараньчака, отражающая основные принципы издания) и во многих оппозиционных акциях, в том числе и как преподаватель «Летучего университета». В 1980 году, после возникновения «Солидарности», поэт уехал в США, где занял должность профессора Гарвардского университета, а после введения в Польше военного положения активно включился в культурную жизнь эмиграции, сотрудничая, в том числе, и с «Культурой» Ежи Гедройца.

Ушел творец, реализовавший себя не только как художник, но и как человек в самом высоком смысле этого слова, живший и работавший не только ради себя, но и ради других. Его литературное наследие внушает уважение не только своей универсальностью, но и поражающим количеством опубликованных книг, подтверждающим легенду о необыкновенном трудолюбии их автора.

ЗБИГНЕВ РЕЛИГА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

«Боги» Лукаша Пальковского (сценарий Кшиштофа Рака, оператор Петр Собоцинский младший) — фильм необычный.

Это удачный коллаж жанров. Во-первых, биографический фильм, поскольку мы узнаём историю профессора Збигнева Религи, выдающегося кардиохирурга, пионера пересадки сердца в Польше, создателя клиники сердечных болезней в Забже, инициатора и патрона работ по конструированию польского искусственного сердца, который в какой-то момент становится (не слишком удачно) политиком.

Кинематографисты очень верно сосредоточили внимание на самом трудном и, пожалуй, самом интересном (так, во всяком случае, представляется) периоде жизни профессора, на его борьбе за создание клиники в Забже и попытках осуществить первую удачную трансплантацию.

«Боги» — это биография, но нет в ней ни грана агиографии. Збигнев Релига в интерпретации Томаша Кота, мастера актерского перевоплощения, который не столько играет, сколько становится сначала Рысеком Ределем (в «Приговоренном к блюзу» Яна Кидавы-Блонского), потом — исправляющим прошлое неудачником (в «Эрратум» Марека Лехкого), — это борец, не страшщийся сделки с дьяволом, то есть с партией, лишь бы создать клинику. (Давайте вспомним фрагмент, когда он узнаёт, что валюту на клинику может ему обеспечить Ядзя — «не “товарищ Ядзя”, а коксохимкомбинат “Ядвига”».) У Религи нет никаких фаустовских проблем, да он и не герой наподобие Фауста, потому что знает, что творит добро, что призвание врача — это, прежде всего, лечение. Причем всех, без учета политических взглядов или их отсутствия. Релига добивается того, что ему положено, и хотя получение этого зависит от произвола партийных царьков, ни на какие компромиссы он не идет, хотя мог бы. Он знает, что служит добру, и именно добро, вера в правильность своих действий и... упрямство — его главное оружие. Наплевать ему на политику, а политическую полицию, которая по пятам ходит за ним и его сотрудниками, он попросту выгоняет. Он верит, что только одно существенно: нет ни партии, ни власти, есть лишь необходимость лечить людей, то есть проводить

трансплантации. Тем более, что он знает, как это делать. «Давайте просто сделаем это!» — словно взывает играющий роль профессора Религи Томаш Кот.

Актер играет борца и одновременно визионера, но прежде всего — человека: мужа, страдающего из-за отдаления от жены и... невозможности нормально пообедать (сцена нарезки печенки скальпелем — одна из многих великолепных находок в этой безупречной кинематографической работе), врача, оглушающего себя алкоголем после смерти пациента, шефа, который увольняет работников за малейшую попытку усомниться в его правоте, но тут же принимающего пострадавшего обратно. Потому что «Боги» — это еще и рассказ о том, какой ценой обходится осуществление мечты, а вернее — о том, какую цену платят за наши амбиции наши близкие.

«Боги» — это также повествование о ПНР, то есть солидное бытовое кино, подчас смыкающееся с комедией. Необходимо пояснить молодым читателям: да, в ПНР бывало жутко, но иногда бывало очень смешно. Мы здесь получаем особого рода картину ПНР — периода заката. Здесь еще пьют кофе с гущей, из-за отсутствия талонов на топливо — воруются бензин, потому что к пациенту надо доехать, а промежуточным донором сердца за неимением обезьяны должна быть свинья, однако наиболее непокорные врачи уже могут совершенствоваться на Западе — конечно же их туда посылают с надеждой, что, возможно, они не вернутся и перестанут разваливать систему (в данном случае систему здравоохранения) изнутри. Показанная в «Богих» система рассыпается, не выдерживает столкновения, в частности, с радикально настроенными профессионалами, которые знают цену себе и своим умениям и ничего не боятся. Быть может, это прозвучит экзальтированно, но сознание свободы выплескивается из каждого момента и каждого звука этой картины. Особенно звука: хиты, составляющие звуковую дорожку фильма Пальковского, — это то, что слушали во второй половине 80-х годов на Западе (или привозили с Запада). И еще эта бьющая из кадра энергия! (Так было в «80 миллионах» Вальдемара Кшистека, где, пожалуй, впервые в истории польского кино о деятельности оппозиции нам рассказали в ритме рока!) Без этой энергии фильм бы не состоялся, его нельзя было сделать размеренным и спокойным, хотя бы потому, что работа хирургов, особенно кардиохирургов, — это часто гонка со временем. Кроме того, скорость была вписана и в жизнь Збигнева Религи, достаточно вспомнить хотя бы рассказы о том, как рискованно он водил машину. Энергия и темп — это одна сторона медали, но нельзя также не

оценить композицию кадра, то, как очень молодой оператор (Петру Собоцинскому-младшему во время съемок фильма было 30 лет; это один из операторов Войцеха Смажовского, вместе они сделали «Розу», «Дорожный патруль», сейчас снимают «Волынь») работает с цветом и светом, которые подчас особо очерчивают и выделяют героя. Вспомним сцену, когда Релига предстает перед врачебно-квалификационной комиссией после неудачной операции. А как оператор справляется с архитрудными задачами вне павильона! Ему подвластны и длинные коридоры, и белый кафель, и зелень операционного зала и халатов хирургов. Специально отметим: сцены операций смотрятся как фрагменты сенсационных фильмов о борьбе разведок, столько в них эмоций.

«Боги» — это фильм о системе (то есть еще и политическое кино), которая уже трещит по всем швам и вот-вот рухнет, потому что не выдержит столкновения с такой энергией и такими замыслами, как, например, идеи Збигнева Религи об осуществлении трансплантаций и создании лучшей в Польше кардиологической клиники. Кроме того, функционеры системы тоже какие-то уставшие и не особенно усердствуют в отвержении проектов. А если вредят и мешают, то, скорее, по привычке, а не по злобе. Может, потому что некоторые из них понимают, что в ближайшем будущем все изменится? Ибо должно измениться. В этом фильме Религе гораздо больше вредят старшие коллеги. Вредят, потому что завидуют, им самим такой новаторской операции, как пересадка сердца, никогда не сделать, но они ведь и не пытались. Именно они свято блюдут один из принципов системы — «не высывайся». И поэтому фильм Пальковского можно также трактовать как повествование о польском котле в аду, которого, в отличие от иных раскаленных котлов с грешниками, нет надобности стеречь: как только кто-то осмелится высунуться, остальные компаньоны затащат его как можно глубже.

После просмотра «Богов» я не могла избавиться от впечатления, что свободную Польшу создали/вернули именно такие визионеры, и наконец я знаю, кого назвать «героем нашего времени», которого мы искали в Школе Вайды во время конференции 2005 года. Это — Збигнев Релига из фильма Лукаша Пальковского.

К КОНЦУ ЭТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОЛЬША СТАНЕТ МОЩНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВОЙ. ПОЧТИ

К концу этого десятилетия мы займем 22 место среди экономик мира — это по прогнозам Международного валютного фонда. Хотя, если говорить о доле ВВП на душу населения, мы в этом списке находимся гораздо ниже, но все же тот темп, с которым мы за последние четверть века наверстываем отставание, весьма впечатляет.

В следующем году с точки зрения объема, произведенного ВВП, мы опередим Швецию, а еще до конца десятилетия — Швейцарию, и переместимся в списке крупнейших экономик мира на 22 место — таков прогноз Международного валютного фонда.

Согласно данным последнего выпуска издания «World Economic Outlook», то есть согласно публикуемым МВФ каждые полгода экономическим прогнозам для всего мира, ВВП Польши, который составит в текущем году 552,2 млрд долларов, возрастет в будущем году — с учетом нынешних цен, то есть, с учетом того, что доллар также подвержен инфляции, — до 593,8 млрд.

«В Венгрии и в Польше будет происходить увеличение роста, который достигнет в текущем году соответственно 2,8% и 3,2%, это результат растущих инвестиций и снижения безработицы в Польше, а также значительной либерализации монетарной политики и более высоких публичных расходов в Венгрии. В 2015 году рост в Польше составит 3,3%, но в Венгрии произойдет снижение до 2,3%», — написали авторы доклада в части, относящейся к нашей стране.

Этих 593,8 млрд долларов будет достаточно, чтобы наша экономика превратилась в более крупную по сравнению с экономикой Швеции, считающейся символом высокого благосостояния; ВВП Швеции возрастет с 559,1 млрд в этом году до 572,3 млрд в будущем. Это не все, ибо мы догоняем также богатую Швейцарию. В текущем году объем ВВП Швейцарии

составит 679 млрд долларов, то есть гораздо больше по сравнению с Польшей, но эта разница постепенно будет становиться меньше и в 2019 г. (это последний год, принимаемый во внимание в расчетах, опубликованных в октябрьском издании «World Economic Outlook») мы опередим гольфелетов. Объем их экономики к этому году составит 736,7 млрд долларов, в то время как объем нашей — 749 млрд долларов.

Разумеется, следует помнить, что в Польше численность населения в два раза больше, чем в Швеции и Швейцарии вместе взятых, так что с точки зрения доли ВВП на душу населения, а именно этот параметр следует учитывать при определении благосостояния общества, мы по-прежнему гораздо беднее населения этих стран.

Доля ВВП на душу населения составит в Польше в этом году 14,3 тыс. долларов, такую оценку дает МВФ, а это означает, что он составляет почти одну четвертую от того, что есть в Швеции, и немного более одной шестой того, что имеет Швейцария. Но в 2019 году эта доля возрастет уже до 19,4 тыс. долларов что составит 27% шведской и 22% швейцарской доли ВВП. И хотя между нами по-прежнему пропасть, нельзя не заметить, что мы наверстываем отставание.

В 1990 году, то есть в первый год после падения социалистического строя, объем ВВП Польши равнялся 62 млрд долларов, это поставило нас на 36 место в мире. Объем шведского ВВП равнялся в то время 242 млрд долларов, а швейцарского — 244 млрд долларов, то есть их объемы были в четыре раза больше нашего. То, что теперь мы от них стоим недалеко, это успех нашей трансформации. Об этом же свидетельствует и список тех стран, которые мы за последние четверть века уже опередили, среди них Аргентина, Австрия, Бельгия, Дания, Египет, Финляндия, Греция, Гонконг, Иран, Португалия, ЮАР, Таиланд и Тайвань, в прошлом году этот список пополнила Норвегия. С другой стороны, в прошлом году нас обошла крупнейшая из экономик Африки, то есть Нигерия, а войти в первую двадцатку мировых экономик нам помешает Тайвань, который в 2019 г. снова нас опередит.

Хотя для определения уровня жизни важнейшим показателем является доля ВВП на душу населения (с этой точки зрения по оценкам МВФ мы в этом году занимаем в мире 52 место), это вовсе не означает, что общий объем ВВП данной страны не имеет значения, а движения вверх и вниз в списке — это лишь статистическая игра. Объем экономики влияет на политическое значение государства в такой же степени, как

численность народонаселения или численность армии. Во-вторых, этот показатель имеет ключевое значение в том, как финансовые рынки воспринимают данное государство. Если вывести за рамки списка те страны, основой экономики которых является сырье, как например, Саудовская Аравия или до определенной степени, Россия, то становится ясно, что крупные экономики, как правило, более диверсифицированы, а тем самым более устойчивы к непредвиденным внешним факторам и более стабильны. А то, что они вызывают больше доверия у инвесторов, означает, что им предоставляются кредиты на более выгодных условиях. Даже если движение вверх в списке крупнейших экономик мира не станет для нас гарантией вхождения в «двадчатку», а именно этого мы добивались несколько лет назад (критерием тут является не только объем ВВП, но и политико-географические факторы), то последний аспект имеет на практике столь же большое значение.

Другое дело, что если для Польши МВФ и дает хороший прогноз, то общий смысл последней публикации МВФ не слишком оптимистичен.

«Глобальные темпы выхода из кризиса в последние годы были разочаровывающими. Ввиду более слабого, чем ожидалось, экономического роста в первой половине 2014 г. и возрастающего риска влияния факторов замедления, может оказаться, что предполагаемый более высокий рост не будет достигнут или будет ниже ожидаемого», — предостерегают авторы доклада.

В результате МВФ понизил прогноз мирового роста в нынешнем году до 3,3%, то есть на 0,4 процентных пункта по сравнению с таким же прогнозом полугодовой давности, а на будущий год — с 3,9% до 3,8%. Хуже того, МВФ опасается, что мировая экономика может больше никогда не вернуться к темпам роста имевшим место до начала мирового кризиса.

МНЕ ПРОСТО ВЕЗЕТ

С Дональдом Туском

о выборах, Польше на фоне Европы,

второстепенности идеологии,

семи годах правления и личном балансе

беседовали Янина Парадовская и Ежи Бачинский

— Есть ли у вас ощущение, что вы уже готовы к новой функции, что у вас уже есть список важнейших проблем, которые предстоит решить?

— Многие европейские проблемы мне очень хорошо известны, я в течение семи лет принимал участие в европейской политике, но все же нынешнее положение для меня — новость. До сих пор я смотрел на все с польской точки зрения, теперь перспектива меняется. Я буду отвечать, в том числе, за зону евро и ее реформу, а участие Польши в решении этих вопросов было до сих пор ограниченным.

Для меня, однако, особенно важно найти новые подходы, надо действовать по-новому, тем более что перед нами несколько серьезных, требующих решения проблем, начиная с Украины или России, особенно в контексте необходимости вести единую политику Евросоюза, и заканчивая британским вопросом. Выход Великобритании из Евросоюза стал бы большой угрозой не только для европейского, но и для всего трансатлантического сообщества. Не менее важен для нас и вопрос договора с Соединенными Штатами. Это намного больше, чем торговый договор. У него есть и серьезный политический аспект, особенно в контексте так называемого Евразийского союза, то есть идеи президента Путина о некой альтернативе Европейскому союзу. Когда видишь, что некоторые страны ЕС относятся к этому договору или даже, вообще, к самим Соединенным Штатам и НАТО скептически, то понимаешь, что действительно нужно срочно искать новые подходы. А в соответствии с лиссабонским договором, я отвечаю за международное представительство ЕС и его внешнюю политику на уровне глав государств.

— Если говорить об эффективности и инструментах, то какова реальная власть премьера в Польше?

— Согласно конституции, премьер имеет в Польше самую большую власть. Но ощущение любого, а в особенности нового премьера, что у него большая власть, обманчиво. Даже самая большая власть, касающаяся людей и процедур, не в состоянии «дисциплинировать» различные постоянно возникающие явления, события или процессы. Есть также сферы власти недоступные. За эти семь лет я порой чувствовал, что мне хочется быть более эффективным, скажем, в целом комплексе вопросов, касающихся юстиции, преследования преступников, разработки уголовной политики, взаимодействия с прокуратурой и судьями. Больше всего меня раздражало, например, когда я видел, что за сильное избиение ребенка в одном городе можно отделаться штрафом, а в другом получить пять лет тюрьмы. А случается, прокуратура решает, что это не представляет опасности для общества, и отказывается от преследования.

— На правосудие власть премьера не распространяется.

— Это так, и это хорошо, я ведь тоже принимал участие в укреплении независимости ряда государственных институтов, в том числе прокуратуры, чтобы ее не использовали в качестве политического инструмента. Мое стремление к эффективности — это не желание вернуть то, что было раньше, а стремление к тому, чтобы все соответствовало определенным стандартам, чтобы институты власти лучше взаимодействовали друг с другом.

— Есть, однако, области, где премьер может повлиять на ситуацию, хотя в основном посредством министров и парламентского большинства. Как здесь обстоит дело с реализацией политической воли?

— Оставить отпечаток своей воли на поведении подчиненных политиков или организаций, в сущности, просто, но я сомневаюсь, что это на самом деле влияет на действительность. Для меня самым простым и весьма показательным примером, иллюстрирующим эту дилемму, является проблема т.н. «одного окна». Мы действительно очень хотим упростить путь предпринимателя, проявляем решительность и настойчивость, упрощаем процедуры, в законе почти все идеально прописано, но потом начинается жизнь: учреждение со своей иерархией, низкооплачиваемый чиновник, привыкший не столько помогать, сколько создавать препятствия, некая специфическая, несмотря на значительные

улучшения, культура обслуживания гражданина. И эта жизнь бывает суровым контролером политической воли.

— А если бы мы попросили вас подвести небольшой баланс. Что за эти семь лет у вас по-настоящему получилось, что вышло лучше всего?

— За границей, где к польским успехам относятся благожелательнее, чем на родине, большим достижением считается то, как Польша справилась с трудностями во время кризиса. Часто приходится слышать рассуждения о том, почему именно меня выбрали главой Европейского совета, а я знаю, что решающим фактором наверняка стала наша репутация, заслуженная именно тем, как нам удалось совладать с кризисом. В мире ценят эти скучные, раздражающие некоторых показатели. Где бы мне ни приходилось бывать, даже в очень далеких странах, на разных континентах, все считали уместным в первую очередь поздравить меня с успехами Польши, и почти каждый мой собеседник начинал именно с поздравлений. Они знали на память цифры, которые действительно впечатляют, так как за семь лет мы имеем 20% роста ВВП, тогда как у Европы этот показатель равен нулю. И в начале моего пути премьера, и в конце — у нас лучшие в Европе результаты.

Это феномен, который, я убежден, будут долго анализировать, и который войдет в экономическую историю Европы. На первом году нам пытались внушить, что это заслуга наших предшественников, потом, что нам немного повезло, потом, что нас спасло стечение обстоятельств, но нельзя внушить, будто у нашей команды не было влияния на то, что происходило в течение семи лет, хотя, конечно, я осознаю, насколько некоторые вещи зависят от правительства, а насколько — нет.

— Насчет стечения обстоятельств — что-то в этом есть... Можно привести целый ряд факторов, на которые вы не имели влияния, и которые, в конечном счете, привели к тому, что Польша избежала кризиса. Среди них то, что мы не входим в зону евро, у нас слабая, но здоровая банковская система и меньшая зависимость от кредитов, поскольку наше общество в вопросах домашних финансов довольно консервативно. Где тут место для правительства и его политики?

— Можно ведь выяснить, является ли национальная валюта достаточным фактором для достижения хороших экономических результатов. Если кто-то выскажет такую ересь, я спрошу его про Болгарию и Румынию; если кто-то

считает, что необходимы были сильные банки, я спрошу, как обстоят дела в Ирландии, если слабые – то в Греции. Если кто-то будет говорить о старой Европе или о новых государствах, он также будет неправ. Собственно, любой аргумент в пользу версии, будто что-то объективно здесь решало за нас, легко проверить. Многие страны объективно были в подобной или лучшей ситуации, и все же наш успех несравним ни с одной другой страной.

— Решение об увеличении долга несомненно было решением политическим. Это немаловажно. Ведь у нас, на самом деле, годами растет не только ВВП, но и долг.

— Это так, но нашим условием было не перегнуть с долгом. Вопросы имиджа во время борьбы с кризисом в самой глубокой его фазе играли ключевую роль в каждой европейской стране. Если кому-то удавалось убедить остальных, что все под контролем, что хотя он и использует различные инструменты, но делает это аккуратно, — это имело большое значение. Мы редко прибегали к интервенциям на валютном рынке, но помню, что однажды я решился на публичную интервенцию, очень наглядную и эффективную: это было в феврале 2008 г., когда евро стремительно рос, и мы опасались, что вскоре он может стоить 5 злотых.

Я мог бы назвать десятки ситуаций, в которых мы не совершили роковых ошибок, например, в вопросе валютных опционов, когда, несмотря на давление, мы не поддались. Почти все вокруг говорили, что нужно дать деньги фирмам, которые потеряли на опционах. Мы подсчитали — в сумме это составило бы около 20 млрд злотых. Может быть, это не очень эффектный пример, но он показывает, как важно иногда было воздержаться от действий, чтобы не совершить ошибок, которые в самые критические моменты могли привести к цунами. Любая паника или истерика в стране, у которой семь лет тому назад была не лучшая репутация, могла вызвать катастрофу. Нам удалось этого избежать.

Конечно, элементом, стимулировавшим польскую экономику, были средства Евросоюза, которые мы расходовали очень умело, благодаря чему теперь у нас на последующие годы осталось больше евросоюзных денег, чем у других. И наконец, признаю, что нам сопутствовало немного счастья. Удача ведь всегда кстати. Мы прошли кризис, не замочив ног, не увеличив сверх меры задолженность государства, если принять за меру некоторую европейскую норму. Польша, даже в вопросе государственного долга, который так часто у нас муссируется, является одной из стран с наименьшим долгом. Если говорить

об эффективной борьбе с дефицитом, то через несколько недель мы увидим, насколько хорошо мы справляемся на фоне других стран, ведущих европейских экономик.

— Действительно, средства Евросоюза мы израсходовали быстро и эффективно, но разумно ли? И так ли мы искусны, чтобы правильно использовать те, которые еще поступят?

— Это ключевой вопрос, но он касается двух различных периодов времени. То, что мы делали до сих пор, было, возможно, не идеальной, но оптимальной моделью расходования средств. Это означает инвестирование, прежде всего, в твердую инфраструктуру, но не только: сегодня у нас, пожалуй, самый современный научный парк в Европе. В качестве примера излишних расходов часто приводят оперный театр в Белостоке. Ну, а почему его не должно там быть, если у него так хорошо идут дела, и он там нужен? Может быть, опера не будет приносить огромных доходов, но покажите мне в мире места, связанные с высокой культурой, которые приносят большие доходы. Вторая евросоюзная семилетка направлена на потребности людей и социальные вопросы. Мы пошли здесь на некоторый риск в надежде, что таким образом замкнем первый «строительный» этап, используем строящуюся инфраструктуру.

— Итак, у нас есть оптимистический рассказ о расходовании евросоюзных денег, но и достаточно распространенное убеждение в том, что администрация беспомощна, а государство не работает, что оно плохо организовано. Так как же обстоит дело с этим польским государством? Можете ли вы, прощаясь с польской политикой, составить некий общий завершающий отчет?

— Есть невыносимый диссонанс между тем, что я слышал из уст самой непримиримой оппозиции в Польше, и фактами. Однако важнее отчетов та оценка, которую дают люди, и которая последние девять лет выражается в результатах выборов. Я был бы неблагодарным, если бы жаловался на наших избирателей, так как все эти годы, включая недавние выборы в органы самоуправления, они последовательно и смело, часто вопреки тому, что слышат и читают, идут, голосуют и обеспечивают перевес правящей коалиции.

Если хотя бы десятая часть того, что рассказывает оппозиция, в особенности Пис и профессиональные жалобщики, была бы правдой, то нас давно бы не было. То, что люди голосовали за нас, явно вытекает из их личного опыта и собственной оценки положения Польши. То же относится и к ежедневному опыту общения с администрацией. Конечно, по-прежнему, не все

идеально, но думаю, что феномен «долговечных» войтов, мэров или президентов городов^[1] во многом связан с тем, что в местных органах людей обслуживают все лучше, а в своем непосредственном окружении они наблюдают немало положительных изменений.

— *Либо считают, что перемены все рано невозможны, так как правит система.*

— Но ведь никто не заставляет голосовать за нынешнюю власть.

— *Политическую поддержку ГП и лично вашу долго объясняли тем, что «Платформа» и премьер не были слишком требовательны к обществу. Никаких реформ, теплая вода^[2] в кране. А ведь столько реформ нужно было провести ради блага страны и ее будущего развития.*

— Я очень горжусь этой «теплой водой». Дискуссия о том, почему мы не отбираем привилегии, не проводим болезненных реформ, не вредим людям, сопутствует мне с самого начала, кажется, с моего первого интервью «Политике», когда я откровенно признал, что не считаю реформирование самоцелью. Я признаю это и сегодня, в моем подходе к политике ничего не изменилось. Убежден, что отбирать можно тогда, когда нет другого выхода, а давать умеренно, без ущерба для государственных интересов. Обращаю ваше внимание (и это не только мое мнение), что проблемы на опросах начались у «Платформы» вместе с решением о повышении пенсионного возраста. Ничто другое так не повредило нам.

— *И еще Открытые пенсионные фонды^[3].*

— Говоря о пенсионном возрасте, я думаю о больших группах избирателей. В вопросе пенсионного возраста многим мы казались слишком безжалостными. Повышение его в такой степени было беспрецедентным в Европе. Мы сознательно позволили себе предпринять действия, положительные последствия которых почувствуем через 20 лет. Но когда-то нужно было принять это решение. А перемены в ОПФ были, по моей оценке, условием элементарной порядочности по отношению к людям. Фонды не были ликвидированы, все могли выбирать. Во всяком случае, независимо от взглядов, ни один из этих вопросов не был легким с политической точки зрения и не имел ничего общего с теплой водой.

За эти семь лет ни разу не было случая, чтобы бы я отказался от какого-либо проекта, зная, что он полезен государству,

выполним, но слишком дорого нам обойдется в политическом смысле. С самого начала я решил, что не буду никого эпатировать реформаторским запалом, концепциями, и этого решения придерживался. В моем окружении были люди, считающие, что проекты, рассчитанные на 30 лет вперед, имеют смысл. Я сам так не думаю, слишком быстро меняется все вокруг. Но это уже вопрос различия во взглядах. Я никогда не стеснялся признаться в том, что понятия не имею, что будет через 30 лет.

— Итак, перед нами — вопрос о роли идеологии в политической деятельности. Где вы видите свое место среди таких понятий, как левые, правые, либерализм, социал-демократия, консерватизм? Кто такой Дональд Туск в смысле политической идентификации? Теперь уже только прагматик власти?

Для о. Рыдзыка^[4] я — яркий либерал, для Януша Паликота — заскорузлый консерватор. Однако эти ярлыки, если воспользоваться мнением конкурентов, бессмысленны. Серьезно думать о политике я начал много лет назад, прочитав книгу Раймона Арона «Конец века идеологии». Я был очень привязан не только к этой книге, но и к традиции, выходящей из этого центрального консервативно-либерального круга, поддерживающего рыночную экономику, проевропейского, но, возможно, недостаточно выразительного, чтобы она могла воплощать собой какую-либо идеологию. Я не люблю идеологического фанатизма. Я действительно считаю, что здравый смысл всегда лучше идеологии, порядочность всегда лучше концепции, а мудрые и умелые действия власти могут принести людям пользу.

— Вы сильно повлияли на формирование польской политической сцены, были главной ее опорой. Ваш конфликт с Ярославом Качинским создал и закрепил острое противостояние. Но что будет теперь? Вас нет, раздел остается или теперь иная расстановка сил?

— Повторяю, незаменимых нет, хоть все мы и неповторимы как личности. Главное, чтобы в Польше по-прежнему хорошо шли дела. Чтобы тот политический лагерь, в создании которого я принимал участие, то есть широкий центр, при всех своих недостатках оставался ведущей силой. Это ключ к успеху Польши сегодня и в будущем. Я считаю, что радикализмы всех мастей должны оставаться маргинальными, а судьбу Польши должен решать центр, который сторонится от политики большого жеста, обещающего великую цель и большой конфликт. Этот центр естественным образом обречен на

острую дискуссию с теми, для кого идеи заслоняют людей. Такая дискуссия была и остается абсолютно необходимой для мобилизации всех, кому чужды эти опасные представления и идейная горячность. Если этот широкий центр без особых идеологических привязанностей, без чрезмерного воодушевления, ходит на выборы, это спасает Польшу от радикализмов. Вот в чем была моя принципиальная цель.

В Польше очень трудно говорить о среднем классе. Всеобщая приватизация не только у нас оказалась иллюзией, возникновение класса, основанного на собственности, это долгий и трудный процесс, а в смысле современных социальных структур мы начинали практически с нуля. То, что все-таки появился такой центр (хотя и созданный, в сущности благодаря конфликту, который вызвали, впрочем, не мы) — это большая ценность.

— В то же время вы сформировали определенный тип партийного лидерства. Если сегодня мы говорим о партиях аппарата, безвольных, управляемых сверху, множащих патологию, то в этом есть и ваша «заслуга».

«Платформа» никогда не была партией аппарата. Сегодня, в условиях огромной силы СМИ и молниеносного распространения информации, единоличное лидерство — условие эффективной деятельности. Вначале у нас было много лидеров, коллектив, интересные продолжительные дискуссии и 12% поддержки. Сегодня партия не может посвящать 80% времени спорам и согласованию внутренних позиций. Это специфика не только «Платформы». Так происходит везде. Сегодня всем демократиям явное лидерство необходимо, как кислород. Оно может быть лучше или хуже, но другого пути нет.

— Вы задумывались когда-нибудь о том, как случилось, что в своем поколении вы шагнули дальше всех: семь лет во главе правительства, теперь выдвижение на должность председателя Евросоюза.

— Мне просто везет, и возможно, именно это отличало меня от моих конкурентов или друзей. Я не шучу и не недооцениваю этого, так как считаю, что интуиция и способность использовать хорошие, благоприятные моменты — это важно. О некоторых людях мы часто, даже не задумываясь, почему, говорим, что они счастливики, а о других — что они невезучие.

— Глядя на эти последние семь лет, трудно сказать, что вы притягивали счастливые события: крупнейший экономический

кризис за 80 лет, смоленская катастрофа, гигантские наводнения, серия скандалов в вашем окружении.

— Не скажу, что как премьеру мне повезло с погодой. Это были очень суровые годы, а некоторые трагедии — как смоленская катастрофа — превосходили наше воображение. Когда я говорю, что лидеру должно везти, то имею в виду, в сущности, нечто весьма банальное. Удача особенно нужна в драматических обстоятельствах. Их было множество. Вы упоминаете лишь о некоторых, ведь я пережил немало различных кризисов, да и личных трагедий, которыми я не привык эпатировать — у меня умерла мать, умер отчим, заменивший мне отца. Это, действительно, были очень трудные годы, но могу сказать, что иногда я принимал решения, которые в результате подтвердили мою удачливость. Хотя они и оценивались как рискованные, а иногда — как непонятные. Можно, конечно, говорить, что у меня была возможность лучше понять некоторые ситуации и настроения, об интуиции, но везения исключить нельзя.

— А каков ваш личный баланс на данный момент? Теперь, когда вы уходите из польской политики?

— Мы с Госей прожили в браке 35 лет и мы, действительно, счастливая семья. У нас двое детей, двое внуков, и мне кажется, они меня любят. Так что, при всех трудностях, которые есть в жизни у каждого, я просто счастлив. Мог бы я заниматься чем-то другим? Талантливым футболистом я не был, значит, здесь никакой карьеры бы не сделал. Зарабатывал на жизнь журналистикой. Я не стыжусь того, что писал, но сказать, что это было нечто выдающееся? Сомневаюсь. То есть, остается все-таки политика.

Во время политической безработицы у меня было занятие, принесшее мне массу удовольствия, я занялся изданием серии книг о Гданьске, которые стали абсолютными бестселлерами. Тогда у меня было ощущение самореализации, просто эйфории. Во всяком случае, она была большей, чем после победы на выборах. Но это прошло. Еще мне повезло родиться в Гданьске, тут прошли годы моей оппозиционной деятельности, здесь я пережил август 1980-го^[5] и последующие августы, познакомился с людьми «Солидарности», которая стала моей судьбой в очень полном, личном измерении. И я точно не стоял там, где стояло ЗОМО^[6]. А так как я родом из очень бедной семьи, то меня радует еще и то, что я всем обязан самому себе, ну и тому, что оказывался в нужных местах в нужное время.

— У вас есть какое-нибудь послание для польских политиков?

— Я считаю, что основная задача у нашего поколения одна: сохранить центр, гарантирующий цивилизационное и культурное движение на Запад, и не дать соблазнить себя людям с опасными, радикальными взглядами.

1. Войт — чиновник местной администрации; президент города — глава города с населением свыше 100 тыс. человек.
2. «Теплая вода в кране» — популярное в Польше обвинение в адрес правительства Дональда Туска, синоним мало честостлюбивой политики, которая вместо достижения великих целей, сосредоточена на материальном развитии общества, чтобы «в кране была теплая вода».
3. Открытые пенсионные фонды (ОФП) — система негосударственных пенсионных фондов, созданная в 1999 г. и реформированная в 2013 г. Введение так называемой «застежки безопасности» предполагает процесс постепенной передачи денег будущих пенсионеров из ОПФ в Национальный фонд страхования (НФС).
4. Тадеуш Рыдзык (р. 1945) — польский священник, общественный деятель, основатель и руководитель религиозно-политической радиостанции «Радио Мария».
5. В августе 1980 г. началась забастовка на гданьской судовой верфи им. Ленина, приведшая к возникновению профсоюза «Солидарность».
6. ЗОМО (польск. ZOMO) — силовая структура времен ПНР, применявшаяся, прежде всего, для разгонов акций протеста. Д. Туск намекает на сделанное Я. Качинским в 2006 г. в Гданьске высказывание о правительстве Польши: «Мы находимся здесь же, где тогда, а они — там, где стояло ЗОМО»